

к 63.3
Д 46
к-34395

В.Д. Димитриев

**МИРНОЕ
ПРИСОЕДИНЕНИЕ
ЧУВАШИИ
К РОССИЙСКОМУ
ГОСУДАРСТВУ**

К 450-летию вхождения
Чувашии в состав России

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И ИСКУССТВ
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИКИ
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В.Д. Димитриев

**МИРНОЕ
ПРИСОЕДИНЕНИЕ
ЧУВАШИИ
К РОССИЙСКОМУ
ГОСУДАРСТВУ**

ЧЕБОКСАРЫ, 2001

УДК 94 (470.344)
ББК 63.3 (2 Рос. Чув)
Д 46

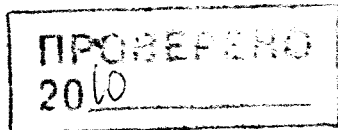
Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ) – 2000 г., проект № 00-01-00470 а.

Ответственный редактор

И.Е.Илларионов

Редактор

Т.Д.Павлова

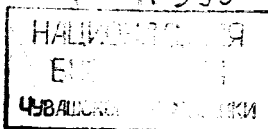

Димитриев В.Д.

Д. 46 Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству.–
Чебоксары: Национальная академия наук и искусств Чувашской
Республики, 2001 г. – 120 с., с ил. + вкл.

В монографии на источниковой базе дано обоснование причин, предпосылок и
процесса мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к Российскому государству,
отмечается значение этого эпохального события.

JSBN 5-76-77-0501-1
ЛР № 04261 от 12.03. 2001 г.

© Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики, 2001
© Димитриев В.Д., 2001

К ЧИТАТЕЛЮ

Лучшее, что дает нам история – это возбуждаемый ею энтузиазм. Меня радует, что не только историки скрестили копья в спорах о характере соединения чувашей с русским народом, их вхождения в состав древнего Российского государства. Спорят журналисты, писатели, обычные граждане. А это значит, что они – активно мыслят, действуют, живут, что им небезразлична судьба своего народа, что у народа есть будущее. Ибо в спорах не только рождается истина, но и побеждает мудрость.

Подтверждением исторической значимости мирного вхождения Чувашии в состав России является Указ Президента Российской Федерации В.Путина № 612 от 31 мая 2001 года «О праздновании 450-летия вхождения Чувашии в состав России».

История свидетельствует: за тот период, что чувашаи бок о бок прожили с русским народом, их численность увеличилась почти в десять раз. За прошедшие столетия нация не только не исчезла с лица планеты, как это случилось с сотнями крупнейших этносов в истории человечества, но она обрела письменность, государственность, развила свою культуру и науку, в прямом смысле этого слова шагнула в Космос.

Так что главное событие, которое свершилось 450 лет назад, каким бы путем оно ни происходило – уже дало свои плоды. Чувашия, находясь в центре Поволжья, всегда была и, надеюсь, на многие века еще останется в центре активного межэтнического и межрегионального общения народов Великой России, в центре ее экономических и научных связей. Поэтому дело ученых – искать в пыли времен и книжных завалах доказательства своей правоты и неправоты оппонентов, а дело граждан, любящих свое Отечество – строить его сегодняшний и завтрашний день. Главное направление

движения нашей республики в XXI веке, модель ее развития, национальная идея ее возрождения уже определены – это совершенствование всех сфер экономики и социальной жизни, развитие интеллектуального ресурса и новых технологий, продвижение чувашских товаров на российский и мировой рынки, интеграция чувашского народа в мировой культурный процесс.

“Этем пурте пёр: вырӑс та, тутар та, ӗваш та, мӑкшӑ та – Люди все равны: и русский, и татарин, и чуваш, и мордва,” – так гласит народная чувашская мудрость. И она же продолжает: “Халӑхпа пур ӗҫ те пулатӑ, пӗччен ним те пулмасть – Миром всякое дело сделаешь, а в одиночку ничего не сделаешь.” Меня радует, что в республике царит атмосфера прочного межнационального и межконфессионального согласия, что у Чувашии добрые и мирные соседи, с которыми мы активно развиваем хозяйственные и культурные связи. Поэтому я верю, что и спустя еще 450 лет ни выбор наших предков, ни наш выбор сегодня – выбор моих современников – не будет подвергаться никакому сомнению. А наши далекие потомки будут с глубокой благодарностью вспоминать дела своих предков, которые жили, думая не только о себе, но и о будущих поколениях.

Николай Федоров,
Президент Чувашской Республики

ВВЕДЕНИЕ

В сохранившихся письменных и устных источниках зафиксировано значительное количество исторических фактов, позволяющих в той или иной мере достоверно выяснить предпосылки, обстоятельства и ход присоединения Казанского ханства и его Горной стороны, в основном Чувашии, к Русскому государству. Богата и литература об этом крупнейшем историческом событии. В ней преимущественно рассматривается проблема завоевания Казанского ханства. До 1950 г. присоединение Горной стороны ханства освещалось как первый этап ширококомасштабного политического события без выяснения специфики данного этапа, хотя почти всеми авторами указывался его мирный характер [1]. Н.Баженов даже писал, что Горная сторона Казанского ханства (в основном Чувашия) была присоединена к Русскому государству добровольно [2]. Специальные исследования о присоединении Чувашии к России появились лишь после Великой Отечественной войны.

Т.Г.Гусев, используя значительную часть источников, написал и опубликовал статью о предпосылках, ходе, значении и последствиях присоединения Чувашии к Русскому государству. В статье имеются небольшие ошибки в датах и объяснении фактов. Автор пришел к выводам о том, что Чувашия не была завоевана Россией, а мирно присоединена к ней, что чувашаи и горные марийцы во время строительства Свияжска в 1551 г. “окончательно перешли на сторону Русского государства”, участвовали в составе русских войск в завоевании Казани в 1552 г., что “присоединение Чувашии к Русскому государству означало освобождение чувашского народа от монголо-татарского ига, от гнета татарских ханов и феодалов, что оно, в силу более высокого уровня развития производительных сил и культуры Русского государства, способствовало более быстрому подъему производи-

тельных сил и культуры Чувашии, как и других областей Поволжья”, однако “к концу XVI в. усилиями московского самодержавного правительства Чувашия постепенно превращалась в колонию великорусских бояр и помещиков, купцов и духовенства. В XVII в. этот процесс усилился, и Чувашия, находящаяся в центре Русского многонационального государства, ничем не отличалась от колониальных окраин” [3].

В январе 1950 г. Отделение истории и философии АН СССР и Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории провели в Москве научную сессию по проблемам истории чувашского народа. На ней с докладом “Присоединение Чувашии к Русскому государству” выступил академик АН СССР М.Н.Тихомиров. Он не знал о статье Т.Г.Гусева, которая еще не была опубликована, и провел самостоятельное оригинальное исследование. Доклад был опубликован в журнале “Советская этнография” в 1950 году [4]. Дополненные его варианты публиковались дважды [5]. Академик подробно проанализировал предпосылки, обстоятельства и ход (до 1546 г.) мирного присоединения Чувашии к России. Основные выводы автора сводятся к следующим утверждениям: “В 1546 г. Горная сторона Волги отпала от Казани и перешла под власть России. В основном это был переход под власть России именно чувашей, которые отпали от Казани добровольно, еще до прихода военной московской силы”; “Присоединение Чувашии к России было явлением прогрессивным и важным этапом в развитии многонационального Российского государства”; “Тяжелый колониальный гнет, который испытывала Чувашия в царской России, был общей участью всех народов, подчинявшихся царизму” [6]. В 50-х гг. XX в., когда М.Н.Тихомиров писал свое исследование, “Разрядная книга 1475–1598 гг.” (М.: Наука, 1966), где содержатся важные сведения о событиях 1546–1547 гг., не была опубликована. Он не обратил внимания на “Хронографическую летопись”, содержащую сведения о 1546–1547 гг., отсутствующие в других летописях. По этим причинам академиком был сделан вывод о добровольном присоединении Чувашии к России в 1546 году. С середины 50-х гг. в московских научных изданиях, в вузовских и школьных учебниках начали писать, что чувашаи и горные марийцы вошли в состав России в 1546 году [7]. В изданном в 1958 г. IV томе

“Всемирной истории” сказано: “Уже в 1546 г. к России добровольно присоединились чувашы и марийцы, населявшие правый берег Волги” [8]. Такое утверждение прошло и в 1-е издание “Истории Чувашской АССР” [9].

После того, как в 1951 г. было отпраздновано 300-летие воссоединения Украины с Россией, удмурты, марийцы, башкиры и другие народы торжественно отпраздновали 400-летие их добровольного присоединения к России, хотя присоединение луговых марийцев и удмуртов было связано с военным завоеванием. В связи с этими событиями в Уфе и Ижевске сооружены грандиозные памятники, представляющие замечательные произведения монументального искусства. Даты добровольного присоединения к России отмечали и в республиках Северного Кавказа, Кавказа, Средней Азии, в Казахстане. В Чувашии считали, что наш народ добровольно присоединился к России в 1546 г., в связи с чем 400-летие его присоединения не было отмечено. Позже, в 1985 г., в Мордовской АССР отпраздновали 500-летие добровольного вхождения мордовского народа в состав России. Дата эта была условно-символической: мордовские земли были присоединены к русским княжествам и Русскому государству начиная с XIII в. до середины XVI века. В Саранске также соорудили монумент в честь этого события.

Несмотря на установившуюся практику празднования добровольного присоединения народов к России, понятие “добровольность” связано с высоким уровнем сознательности народа, поэтому наиболее адекватно определение “мирное присоединение Чувашии к России”. Сохранившиеся источники показали, что окончательное мирное, по челобитью, присоединение Чувашии к Русскому государству состоялось летом 1551 года. В связи с этим 7 мая 1974 г. я направил в Чувашский обком КПСС следующее ходатайство:

“В июне 1976 г. исполняется 425 лет со времени мирного присоединения Чувашии к России. Вхождение в состав России – этапная веха, крупнейшее переломное событие в истории чувашского народа. Войдя в состав России, чувашский народ избавился от жестокого гнета казанских ханов и феодалов, сохранил себя как народность. Даже в условиях тяжелого классового и национального гнета царизма и господствующих классов России чувашский народ в общении с

русским обогащал свой хозяйственный трудовой опыт и культуру...

Присоединение Чувашии к России является классическим образцом мирного объединения нерусского народа с русским. Границы русских земель еще в XIV в. приблизились к чувашским поселениям. В 1372 г. на р. Суре русские основали город Курмыш. В 1523 г. был основан город Васильсурск. Чуваши вступали в тесные экономические отношения с русскими. С середины XV в. чуваши входили в состав Казанского ханства, образовавшегося на развалинах Золотой Орды. В ханстве нетатарские народы подвергались варварской военно-феодальной эксплуатации. Чувашских крестьян разоряли непрерывные военные столкновения между русскими и казанскими войсками, часто происходившие на территории Чувашии.

В 1546 г. казанский хан Сафа-Гирей обещал ногайским мурзам передать им Горную сторону (в основном Чувашию) за помощь в отвоевании казанского престола. Переход под власть ногайцев был бы для чувашей еще тягостнее. В 1546 г. чувашский народ восстал против Сафа-Гирея и обратился к московскому царю с просьбой прислать войска для изгнания из Казани Сафа-Гирея. В феврале 1547 г. в Чувашию были присланы русские войска, вся территория до реки Свияги очищена от казанцев. Чуваши тогда выступали за передачу казанского престола хану Шигалею. Постепенно в чувашском народе назревало стремление перейти в состав Русского государства. Московское правительство также было заинтересовано в присоединении Чувашии к России. Как только 24 мая 1551 г. русские войска, беспрепятственно пройдя через Чувашию, в устье реки Свияги основали крепость Свияжск, представители чувашского народа обратились к русским воеводам в Свияжке с просьбой принять Чувашию в состав России и управлять ею из Свияжска. Посланцы чувашского народа были направлены в Москву к Ивану IV. Акт мирного присоединения Чувашии к России был оформлен в Москве в июне 1551 г. путем выдачи Горной стороне жалованной грамоты за золотой печатью. В 1552 г. чувашские и горномарийские полки, влившись в состав русских войск, участвовали во взятии Казани. Население Чувашии строило для русских войск дороги и мосты, снабжало их продовольствием.

Институт просит Чувашский обком КПСС рассмотреть вопрос о целесообразности проведения в июне 1976 г. национального празд-

ника чувашского народа в связи с 425-летнем вхождении Чувашии в состав России.

Директор Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР В.Д.Димитриев” [10].

Более подробно предпосылки и процесс мирного присоединения Чувашии к России были изложены в исторической справке “О присоединении Чувашии к России”, представленной в обком КПСС в июле 1974 года [11]. В августе того же года в ЦК КПСС была отправлена еще более подробная информация “О присоединении Чувашии к России” [12]. Однако в названных документах опускалась одна из важнейших предпосылок мирного присоединения Чувашии к Российскому государству – опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV вв., исследованное мною лишь в середине 90-х годов.

Ходатайство Чувашского обкома КПСС о разрешении праздновать в 1976 г. 425-летие мирного присоединения Чувашии к России и приложенная к нему историческая справка были возвращены в Чебоксары с предложением отмечать не “мирное присоединение”, а “добровольное вхождение Чувашии в состав России”. Ходатайство обкома КПСС и историческая справка были обновлены введением формулировок, предложенных ЦК КПСС. В ответ было получено постановление ЦК КПСС о разрешении Чувашской АССР праздновать эту дату. Оргкомитет по ее празднованию во главе с председателем Президиума Верховного Совета ЧАССР С.М.Ислюковым обеспечил подготовку и проведение многочисленных мероприятий. Было принято постановление о сооружении в Чебоксарах монумента Дружбы народов. Материалы всероссийской научной сессии, проведенной в дни юбилея, были изданы в виде сборника статей. Написанная мною еще в 1974 г. статья “О мирном присоединении Чувашии к Русскому государству” была напечатана под названием “Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства” [13]. В моей же статье, опубликованной в 1990 г., указывалось: “Летописи и другие источники с несомненностью свидетельствуют о том, что вхождение чувашского народа в состав Российского государства произошло в 1551 г. по челобитью, волеизъявлению населения, мирно, с оформлением ус-

ловий вхождения, изложенных в жалованной грамоте Ивана IV с вислой золотой печатью. Все лето и осень 1551 г. ездили в Москву делегации чувашей и горных марийцев по 500–600 человек. Зная об этом, М.П.Петров писал, что “чувашаи приняли добровольно русское подданство. Это было важным этапом в истории завоевания Среднего Поволжья”... И мне приходилось писать о добровольном вхождении чувашей в состав России. Но понятие “добровольность” в межнациональных отношениях, по нынешним представлениям, включает высокий уровень чувства интернационализма и общественного сознания, которого в XVI в. еще не было. Возможно, вернее было бы придерживаться формулировки “мирное вхождение чувашского народа в состав России” [14].

В постсоветское время историки тех народов, которые были присоединены к России насильственно, путем завоевания, пересмотрели прежние необоснованные утверждения о добровольном их присоединении к Русскому государству. А исследователи истории народов, которые вошли в состав России мирно, по соглашению или челобитью (прошению), не стали пересматривать установившиеся определения и формулировки. Видный башкирский ученый И.Г.Акманов в статье “Еще раз о присоединении башкир к Русскому государству”, опубликованной в 1996 г., используя доказательные свидетельства источников, приходит к выводу: “В свете всего сказанного можно сделать заключение о том, что оснований для пересмотра концепции о добровольном присоединении башкир к Русскому государству нет” [15].

В 90-х гг., как сообщалось в центральных газетах, некоторые сибирские народы отпраздновали 400-летие их добровольного вхождения в состав России. В официальных изданиях Чувашской Республики последних лет указывается: “В 1551 году “горные люди” (так чувашей именовали на Руси), стремясь к сохранению собственной народности, избавлению от разорительных феодальных войн, добровольно присоединились к Русскому государству, оговорив условия присоединения в жалованной грамоте Ивана IV” [16]. Президент Чувашской Республики Н.В.Федоров в докладе на торжественном собрании, посвященном 80-летию Чувашской Республики, заявил: “В 1551 г. Чувашский край добровольно вошел в состав Московского государства. Исторические, политические и культурные послед-

ствия этого события с учетом последовавшего за ним обращения чувашского народа в православие оказались для него эпохальными. Они определяли весь ход его новой этнической истории, не допустив, в частности, исламизации и реальной перспективы исчезновения как этноса...” [17].

В последнее время в освещение вопросов о русско-чувашских отношениях в XIV – первой половине XVI вв., предпосылках и процессе присоединения Чувашии к России включился кандидат исторических наук А.В.Изоркин, ранее занимавшийся изучением истории чувашской периодической печати. Им были опубликованы газетные статьи “О разорении русскими” Волжской Болгарии [18], о ложной дате основания г. Чебоксары [19], о высказываниях историка конца XVII в. А.И.Лызлова о чувашах в его “Скифской истории” (1692) [20], о праздновании в 1976 г., якобы, ложного юбилея “425-летия добровольного вхождения Чувашии в состав России” и 450-летию покорения чувашей и горных марийцев русскими в 1546 г. [21]. Эти публикации не обосновываются письменными источниками, не имеют ссылок на литературу и источники. А в журнале “Лик Чувашии” появилась более подробная его статья о ложном, как он считает, юбилее 1976 г., уже сопровождаемая некоторыми ссылками на литературу и источники [22]. К сожалению, с тезисами А.В.Изоркина согласиться невозможно.

В настоящей работе путем анализа письменных (отчасти и устных), археологических и нумизматических источников удалось проследить предпосылки и процесс присоединения Горной стороны Казанского ханства к России.

ПРЕДПОСЫЛКИ МИРНОГО, ПО ЧЕЛОБИТЬЮ, ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЧУВАШИИ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Исследуя данный вопрос, мы должны выяснить, почему правобережные чуваша по челобитью (прошению), мирно, без сопротивления присоединились к Российскому государству, тогда как левобережное население Казанского ханства – луговые марийцы, удмурты и, возможно, сохранившиеся еще от мусульманско-татарской ассимиляции чуваша в значительной мере поддержали татарскую элиту и служилых татар (ясачных татар в ханстве не было); почему после завоевания Казанского ханства правобережные чуваша не участвовали в антимосковском движении 1552–1557 годов? Причины такой исторической позиции чувашей имеют глубокие корни.

Герб Волжской Болгарии
(Рисунок из Царского
титульника 1672 года)

Болгары имели свою государственность – Волжскую Болгарию, в составе которой они мирно уживались в течение нескольких столетий с марийцами, удмуртами, пермяками и восточной мордвой. В XII в. завершилось формирование единой болгарской (древнечувашской) народности. Собственно Болгарская земля охватывала территорию современных Самарской, Ульяновской, восточной части Пензенской областей, южной, в основном закамской и частично (полосой) предкамской, а также юго-западной правобережной части Татарстана и юго-восточной Чувашии. Волжская Болгария, в основном, разумеется, сама Болгарская земля, успешно отбивала нападения монголо-татар в 1223, 1229 и 1232 годах. Вторжение 150-тысячной армады хана Батыя в пределы Болгарской

земли с ее многочисленными городами и селениями встретило упорнейшее сопротивление болгарской армии. Агрессору каждый город и селение приходилось завоевывать, ведя жестокие бои, уничтожая поселения и несметное количество жителей – от младенцев до стариков. Войска Батгя задержались в Болгарии на целый год и только летом 1237 г. развернули наступление на мордовские и русские земли. В эти годы и позднее, в XIII – первой половине XIV вв. часть болгаро-чувашей начала переселяться в лесные районы правобережья и левобережья Волги, в среду марийцев. Все это отражено в русских летописях, восточных письменных и археологических источниках. О разорении монголо-татарами земель луговых марийцев и удмуртов источники не сообщают.

В 1243 г. территория переставшего существовать Болгарского государства была включена в состав четвертой монгольской империи – Золотой Орды (кроме нее, в те времена чингисиды образовали Центральную, Чагатайскую и Хулагуидскую монгольские империи). Золотая Орда была кочевой империей. Во второй половине XIII – первой половине XIV вв. монголо-татары особенно не тревожили оседлую Болгарскую землю, ставшую житницей Золотой Орды. Без участия болгар, путем объединения кочевых западных кыпчаков (половцев), переселившихся в южные районы Восточной Европы в середине XI в., и прибывших с монголами тюркоязычных татар, известных в Тюркском каганате еще с 552 г., в Золотой Орде шло формирование единой татарской народности.

В середине XIV в. начался распад Золотой Орды. Стремление Болгарской земли к независимости, отделению от Золотой Орды привело к тому, что к 30-м гг. XV в. она была полностью опустошена. Вопрос этот был изучен мною еще в середине 50-х годов. В статье, опубликованной в 1958 г., были приведены исторические факты и сделано заключение, что с 60-х гг. XIV в. до 30-х гг. XV в. перекрестными ударами золотоордынских князей и эмиров, Тамерлана, отрядов кочевников, ушкунников и русских князей Болгарская земля была превращена в дикое поле, в кочевья степняков, а оставшееся в живых население переселилось в северные лесные районы [23]. Все это было изложено также в I томе “Истории Чувашской АССР” (1966, 1983) [24].

Повторно изучив все восточные и русские письменные источни-

ки, используя устные, новые археологические и нумизматические сведения, в 1994–1995 гг. мною были сделаны уточненные выводы по истории опустошения Болгарской земли, изложенные в ряде статей [27], а в 1996 г. опубликовано исследование “Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV веков” [38], в котором анализом охвачены все сохранившиеся источники (многие из них процитированы). В исследовании шаг за шагом прослежен процесс опустошения Болгарской земли, происходивший в три этапа.

Первый этап охватывает 1357–1379 годы [27]. Еще в конце 40-х гг. XIV в. в Золотой Орде из-за эпидемии чумы (“великого мора”) “обезлюдели деревни и города”. Период с 1357 по 1379 г. в истории Золотой Орды получил название “великой смуты”, “великой междоусобицы”. За 20 лет в ней сменилось 25 ханов. Эмиры, беки, нойоны старались держать себя независимо от хана и не подчинялись центральной власти. Эмиры со своими войсками совершали грабительские походы на оседлые земли, иногда и на кочевые улусы других, грабили и убивали население, уводили людей в плен для продажи в южные и восточные страны, уничтожали населенные пункты. Объектом нападений прежде всего являлась Болгарская земля.

В 1360 г. новгородские ушкуйники (разбойники) вторглись в Болгарскую землю, но они при содействии русских князей были обезврежены и казнены в Сарае. В 1361 г. ордынский князь Булат-Тимур занял Болгарскую землю, провозгласив ее самостоятельным княжеством. Начались разорительные нападения на нее ханских войск. Археологические раскопки показали большие разрушения болгарских городов и селений в эти годы. С 1361 по 1366 г. в Поволжье были голодные годы, эпидемии, от которых сильно пострадало и болгарское население. В 1366 г. новгородские ушкуйники, ограбив верхневолжские русские города, вторглись в Болгарскую землю, где громили и грабили ее города и селения. В 1367 г. Булат-Тимур со своим войском хотел завоевать Суздальско-Нижегородскую землю, но потерпел здесь поражение и сбежал в Сарай, где и был казнен. В 1369 г. ушкуйники шли Камой и были разбиты под г. Болгары.

В 1370 г. Болгарской землей правил болгарский князь Хасан (по чувашским преданиям – чувашский князь *Хусан*), отделив ее от Золотой Орды. Как доказал В.Л.Егоров, им был основан г. Казань. По

требованию посла темника Мамай Ачи-Ходжи, суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович в 1370 г. направил войско против Хасана, но тот встретил его с большими дарами, и воины, не вступив в сражения, вернулись в Нижний Новгород. Русские из Нижнего Новгорода напали на Болгарскую землю по требованию Мамай еще в 1376 г., но представитель Мамай Махмат-Салтан и болгарский князь Хасан нашли общий язык и оба остались у руля правления. Ведь темник Мамай еще в начале 60-х гг. XIV в. отделил под свое правление часть Золотой Орды, основал столицу в Крыму и назначал ханов своей Мамаевой Орды. Территория Золотой Орды восточнее Волги составляла тогда (до 1380 г.) Сарайскую Орду. Мамай был против возврата Болгарской земли в состав Сарайской Орды.

В 1374 и 1375 гг. новгородские ушкуйники совершили грабительские походы в пределы Болгарской земли, причем в г. Болгар продали русских пленных. Мамай, стремясь подчинить себе русские княжества в целях получения дани, часто нападал на них. По-видимому, из-за того, что Болгарская земля управлялась ставленником Мамай Махмат-Салтаном, объединенные русские войска в 1376 г. совершили нападение на Волжскую Болгарию. Хорошо вооруженные болгары оказали достойное сопротивление русским, но победа оказалась на стороне последних. Русские войска получили от болгар большую контрибуцию и на обратном пути разоряли болгарские и марийские селения. В 1377 г. сарайский грозный Урус-хан с боями, разоряя города, селения и жителей, подчинил Болгарскую землю Сарайской части Золотой Орды. Таким образом, на первом этапе Болгарская земля, стремившаяся отделиться от Золотой Орды, претерпела разорение, разрушение городов и селений, уничтожение значительной части жителей от нападений войск золотоордынских ханов, эмиров, князей, отрядов новгородских ушкуйников, а также войск северо-восточных русских князей, выступавших против болгар часто по провокации со стороны золотоордынских ханов.

Второй этап включает 1380–1399 годы [28]. В 1380 г. темник Мамаевой Орды татарский князь Мамай, собрав войско на своей территории, напал на Русь и на Куликовом поле потерпел сокрушительное поражение от объединенных русских войск во главе с московским великим князем Дмитрием Ивановичем (впоследствии Донским).

Поражением Мамаю воспользовался Тохтамыш, ставший сарайским ханом в 1380 году. Он одержал победу над отступающими с Дона остатками войска Мамаю у днепровских порогов, захватил награбленное им богатство. Татарские князья и мурзы перешли на сторону Тохтамыша. Осенью 1380 г. власть Тохтамыша распространилась на всю Золотую Орду, включая территорию бывшей Мамаевой Орды, Болгарскую землю. Некоторые историки ошибочно пишут, что в войске Мамаю были болгары (бесермяне). В русских летописях XIV–XV вв. не указано, что в него входили бесермяне (болгары), армяне и буртасы. В летописи конца XV–XVI вв. редакторы того времени самолично, непозволительно, преследуя определенные политические интересы, в число этносов, участвовавших в войске Мамаю, включили: “Бесермены и Армены... и Буртасы”. Об этом подлоге писали историки еще до 1917 г. и в советское время. Болгары не могли быть в войске Мамаю и по той причине, что Болгарская земля в 1377 г. была возвращена Сарайской Орде, т.е. не подчинялась Мамаю [29].

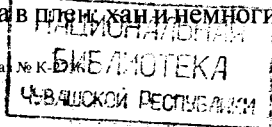
В 1382 г. Тохтамыш “посла Татаръ своих в Болгары... и повеле торговци Руские избити и гости грабити, и суды их с товаромъ отъимати и попровадати к себе на перевозъ”. Собрав огромное войско, в составе которого были и болгары, Тохтамыш двинулся на Московскую Русь, взял и сжег Москву и другие русские города. Русские княжества продолжали платить дань Золотой Орде до 1480 года.

В 1387 г. Тохтамыш направил войско в Среднюю Азию. Но Аксак-Тимур одержал над ним победу, разрушил и захватил золотоордынский Хорезм. Для организации второго похода против Аксак-Тимура осенью 1388 г. Тохтамыш, кроме монголо-татар, “собрал со всего Улуса огромное войско из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов, [жителей] Крыма, Кафы, Азака, башкиров и мокши”. В походе золотоордынское войско сопровождал нижегородский князь Борис Константинович, получивший накануне от Тохтамыша ярлык на великое княжение. Весной 1389 г. Аксак-Тимур разгромил войска Тохтамыша на Сыр-Дарье. Золотоордынский хан не сумел отвоевать Хорезм. Хитрый и коварный князь Едигей, предавший Тохтамыша еще в 1387 г., склонил Аксак-Тимура к походу против него.

В начале 1391 г. Аксак-Тимур с 200-тысячным войском направился на северо-восток, на р. Тобол и, повернув на запад, через Баш-

кирскую землю вторгся в пределы Болгарской земли, громя, разрушая села и истребляя мирное население. Тохтамыш узнал о походе Аксак-Тимура только в апреле и не сумел собрать все свое войско. 18 июня 1391 г. на р. Кондурча, в пределах Болгарской земли, на территории нынешней Самарской области, Аксак-Тимур разгромил войско Тохтамыша. “Потери Тохтамыша, — пишет М.Г.Сафаргалиев, — огромны: поле битвы на протяжении 40 ферсахов (ферсах — 1200 шагов. — В.Д.) было усеяно трупами; по данным Шармау, число погибших воинов доходило до 100 тысяч человек”. Войска Тимура пробыли в районе сражения, в оседлой Болгарской земле, 26 дней. В это время его отряды занялись грабежами, возвращаясь в лагерь “с бесчисленной добычей — лошадьми, верблюдами, быками, баранами и множеством рабов — девушек и детей на телегах. Всех неприятелей, искавших спасения на островах Итиля (т.е. Волги. — В.Д.), схватив и забрав в плен, привели [в лагерь]”. Как записали сопровождавшие Аксак-Тимура летописцы, войскам полководца досталась огромная добыча. “У отдельных людей скопилось столько лошадей и баранов, что во время возвращения, идя назад, они не были в силах гнать их... В лагере Тимура оказалось столько подобных хуриям девушек и красивых отроков, что одних тех, которые были выбраны лично для Тимура, было более 5000 человек”. По данным Мукадшим-Паши, в этом городе Тимуру достались четыре миллиона овец, 40 тысяч рогатого скота, 500 тысяч лошадей и 500 тысяч людей. Возможно, эти цифры преувеличены, но они свидетельствуют о масштабах грабежа и разорения. Все это происходило в основном в Болгарской земле. Со своей стоянки, не двигаясь в глубь Орды, Тимур тронулся в обратный путь.

Не успел Тохтамыш оправиться от похода 1391 г., как весной 1395 г. Аксак-Тимур с огромным войском приблизился “через Кавказ к южной границе Золотой Орды. Тохтамыш занял оборону на реке Терек. В жестоком сражении, длившемся с 14 по 16 апреля, Тохтамыш потерпел поражение, имея огромные потери. М.Г.Сафаргалиев пишет: “Преследуя отступающее войско неприятеля, Тимур переправился через реку Куру “по пятам неприятеля” и дошел до Укека и “многих из них убил”. Большая часть сторонников Тохтамыша была взята в плен, хан и немногие его приближенные “бросились на плотях

в воду и переправились на сторону Итиля”. Войско Тимура, перейдя на левый берег Волги, преследовало остатки разбитых войск Тохтамыша. “Тохтамыш-хан бросил ханство, — писал Шериф-ад-дин Иезди, — дом, и все, что имел, явное и скрытое, и, опасаясь за жизнь свою, с несколькими людьми ушел в сторону Булгара, в лесную местность... Победоносное войско [Тимура] в этой стороне реки дошло до того же места, до которого оно в первом походе на Дешт (т.е. Золотую Орду в 1391 г. — *В.Д.*) добралось с той стороны реки и ограбило [все это]. Место [же] это недалеко от “страны мрака” [*Тизенгаузен В.Г.* Сборник. Т.II. С. 178]. Таким образом, войска Тимура и во втором своем походе, как и в первом, дошли до Булгар и ограбили все, что было восстановлено при монголах... Города Булгар, Жукотин, Керменчук и другие были, несомненно, разграблены и опустошены Тимуром во время второго похода 1395 года. Об этом свидетельствуют многочисленные предания казанских татар, отраженные в “Повести о нашествии Тимура булгарам” ...

Достоверность передаваемых в “Повести” фактов о разрушении Тимуром булгарских городов не вызывает сомнения. Город Булгар, имевший до этого десять тысяч двадцать четыре дома, был “обращен в ничто и небытие; в мире осталось только одно имя его”. Из более раннего списка “Повести”, каким является список Британского музея (XVII в.), видно, что Тимур, прежде чем идти на Булгар, “захватил после боя город Асидрахан (т.е. Астрахань) и стал держать дорогу на север, на Булгары”. Это как раз случилось во время второго похода, т.е. в 1395 году”. Чувашиские и татарские исторические предания говорят о взятии и разорении Аксак-Тимуром и города Биляра. Далее М.Г.Сафаргалиев пишет, что археолог А.П.Смирнов подтверждает разрушение г. Болгар Аксак-Тимуром в конце XIV в., но он допускает и возможность разрушения города русскими во время похода 1396 г. М.Г.Сафаргалиев правильно указывает, что в 1396 г. похода русских войск на г. Болгар не было. Он был совершен в 1399 г., но во время этого похода летописи не сообщают о разрушении болгарских городов. “Войска Тимура, — продолжает далее М.Г.Сафаргалиев, — разрушив булгарские города (Булгар, Жукотин, Керменчук и др.) по пути к Сараяу, предварительно разрушив в числе других городов и город Укек, остановились в столице ханов Золотой Орды”. Далее М.Г.Сафарга-

лиев приводит факты о покорении Аксак-Тимуром западных улусов Золотой Орды на Дону, в бассейне Днепра и в Крыму, откуда он направился в Рязанское княжество, дошел до Ельца, опустошил его и вернулся на Северный Кавказ. Отсюда Тимур отправлял отряды для разграбления многих городов Золотой Орды. В частности, ее столица – г. Новый Сарай был сожжен, сравнен с землею. Такому же разграблению подверглись Старый Сарай, Бальджимен, Маджар, Азак (Тана), Солхат, Деяков и др. Войско Тимура с наступлением весны 1396 г. “поспешно ушло в Иран по разоренной им же дороге, не достигнув своей цели – подчинения Золотой Орды” [30]. М.Г.Сафагалиевым все приведенные утверждения сделаны со ссылками на восточные источники.

В 1395 г. Тохтамыш попытался удержаться в Болгарской земле, разорял ее, собирал с местного населения “золото, серебро и дары многие”, чтобы призвать “татар отовсюду к себе”, предпринял поход в районы, расположенные севернее нижней Камы. Затем, собрав татарское войско, удалился в Крым.

В 1399 г. Московский великий князь Василий Дмитриевич, собрав много рати, послал брата Юрия Дмитриевича в Волжскую Болгарию. Он занял города Болгар, Жукотин, Кашан, побил здесь немало болгаро-чувашей и татар и возвратился в Москву через три месяца с трофеями и пленными [31]. Этот поход был совершен как наказание суздальского князя Семена Дмитриевича за его измену – переход в Золотую Орду.

Семен Дмитриевич вел борьбу против московского великого князя Василия Дмитриевича из-за присоединения Нижегородского княжества к Москве в 1393 г., желая отделить Суздальско-Нижегородскую землю от Москвы, и прибег в этой борьбе к помощи татар. В летописи сказано: “Тое же осени князь Семень Дмитриевичъ Суздальскыи прииде ратью к Новугороду Нижнему, а с ним царевич Ентякъ с тысячью Татарь. Людие же затворишася в городе, а воеводы у них бяху Володимеръ Даниловичъ, Григорей Володимеровичъ, Иван Лихорь, и бысть имъ бои с ними. Татарове же отступиша от города и паки приступиша, и тако по три дни бяхуся и много людеи от стрель паде, и по семь мирь взяша. Христиане крестъ целоваша, а Татарове по своєю вере даша правду, што им никоторого зла христьяномъ не творити. И

на том Татарове створиша лесьть (т.е. обман. – *В.Д.*) и роту (т.е. клятву, обещание. – *В.Д.*) свою измениша и пограбивъше всех христьянь, нагих попушаша. А князь Семень глаголаше: “Не яз створих лесьть, но Татарове, а яз не поволень в них, а с них не могу”. И тако взяша град октоврия въ 25 и быша ту две недели, донде же услышаша, что хочеть на них князь велики ити ратью, и побегоша к Орде. А князь велики слышав се и събра рати многы посла своего князя Юрья Дмитриевича, а с ним воевод и старейших боярь и силу многу” [32]. Вместе с татарами сбежал в Орду и князь Семен Дмитриевич со своей ратью.

Поход Юрия Дмитриевича был направлен в погоню за изменником Семеном Дмитриевичем, скрывавшимся, вероятно, в Болгарской земле. Недаром в Никоновской летописи под 1399 г. указывается, что осенью 1399 г. “князь велики Василей Дмитриевичъ Московский посылалъ за княземъ за Семеномъ за Дмитриевичемъ за Суждалскимъ погоню до Казани и не угнаша” [33]. Суздальский князь и его семья были разысканы в золотоордынских пределах в 1401 году. [34]. М.Г.Сафаргалиев справедливо писал: “Приведенный отрывок (о походе Юрия Дмитриевича. – *В.Д.*) из русской летописи еще не дает права делать вывод о разрушении городов, здесь говорится лишь о взятии болгарских городов русскими без какого-либо сопротивления со стороны местного населения, еще не оправившегося от похода Тимура” [35]. Действительно, ограбить обессиливший, накануне разграбленный и жестоко побитый Аксак-Тимуром болгарский народ и заявить о великой победе над ним не стоило никакого труда. Это событие лишь свидетельствует о том, что к концу XIV в. еще не все население Болгарской земли было истреблено, уведено в плен и сбежало в северо-западные, северные и северо-восточные лесные районы. Австриец Сигизмунд Герберштейн, посетивший Москву в 1517 и 1526 гг., писал о походе 1399 г., что московский великий князь Василий Дмитриевич “овладел Булгарией, которая лежит по Волге, и изгнал из нее татар” [36]. Однако по прошествии 118 лет со времени со совершившегося события вряд ли он имел возможность получить в Москве достоверные сведения об изгнании русскими татар из Болгарской земли. М.Н.Карамзин отмечал, что Василий Дмитриевич слыл со времени похода 1399 г. “завоевателем Болгарии: но время ис-

тинных, прочных завоеваний для России еще не наступило” [37].

Третий этап опустошения Болгарской земли начинается с 90-х гг. XIV в. и завершается в 30-х гг. XV века [38].

В 1396 г. на территории Золотой Орды существовали независимые друг от друга, боровшиеся между собой четыре орды: 1) хана Кюрчака вблизи Сарая; 2) хана Тимур-Кутлука в районе Астрахани; 3) хана Тохтамыша в Крыму; 4) Мангитский Юрт князя Едигея. Этот юрт появился в 1391 г., он являлся самой большой и сильной ордой, мог выставить 200-тысячную армию. Центр юрта – г. Сарайчик. Едигей, как и Мамай в свое время, менял ханов как перчатки. Между ханами продолжались войны. В 1406 г. Едигей направился с войском в Хорезм и овладел им (Аксак-Тимур в 1405 г. умер). В 1407 г. сын Тохтамыша Джалал-ад-дин захватил Болгарскую землю и провозгласил себя ее ханом. Едигей возвратился из Хорезма и со своей армией вторгся в Болгарскую землю, как обычно громя и разрушая все на своем пути. Джалал-ад-дин с 40-тысячным татарским войском сбежал на Русь, оттуда – в Литву. Едигей вернулся в Сарай и посадил ханом Пулата. Ввиду того, что Московская Русь с 1395 г. не платила дани Орде, Едигей в конце 1408 г. с огромной армией вторгся в пределы Руси, разорил много городов, осадил Москву. Взяв с нее выкуп в 3000 рублей, вернулся в Орду.

В это время Болгарская земля еще не была полностью опустошена и могла выделить своих воинов в татарское войско по требованию эмиров. В те же месяцы, когда Едигей разорял Подмоскovie, некий татарский ханыч (эмир) и “с ним мнози Татарове, и Болгарская сила, и Мордва, взяша Новградъ Нижний и пожгоша весь, монастыри и святыя церкви все те огневи предаша, а люди старыя и суцаа младенци иссекоша, а молодиа въ полонь поведоша”. То же самое проделало это татарское войско в Городце, Курмыше, в селениях по Суре. Несомненно болгары в этом походе участвовали как подневольные воины.

В 1409 г. жукотинские и болгарские князья разгромили на Каме прибывших с разбоем 100 ушкуев нагородца Анфила. Последний раз болгарские и жукотинские князья упоминаются в русских летописях в январе 1411 года. Они со своими отрядами участвовали в Лыскове в сражении между сторонниками Москвы и суздальс-

ко-нижегородского князя Данила Борисовича на стороне последнего. Обе стороны понесли большие потери.

Конец XIV – первая треть XV в. были самым трагичным периодом для болгаро-чувашей. Мангитский Юрт Едигея (до 1420 г.) и его преемников граничил с востока и юга с левобережной и правобережной частями Болгарской земли. Отряды мангитов, приближавшиеся во время кочевий к Болгарской земле с весны до осени, систематически уничтожали города и селения болгар, истребляли их население. Постепенно вся территория уничтожаемой Болгарской земли, расположенная южнее нижней Камы в левобережье Волги, а в правобережье – южнее линии современных населенных пунктов Красновидово (на Волге) – Средний Биябаш-Чутеево-Кошелеи (Комсомольское), на Суре – южнее Барышской слободы, превратилась в дикое поле – кочевья мангитов, с середины XV в. известных как ногайцы.

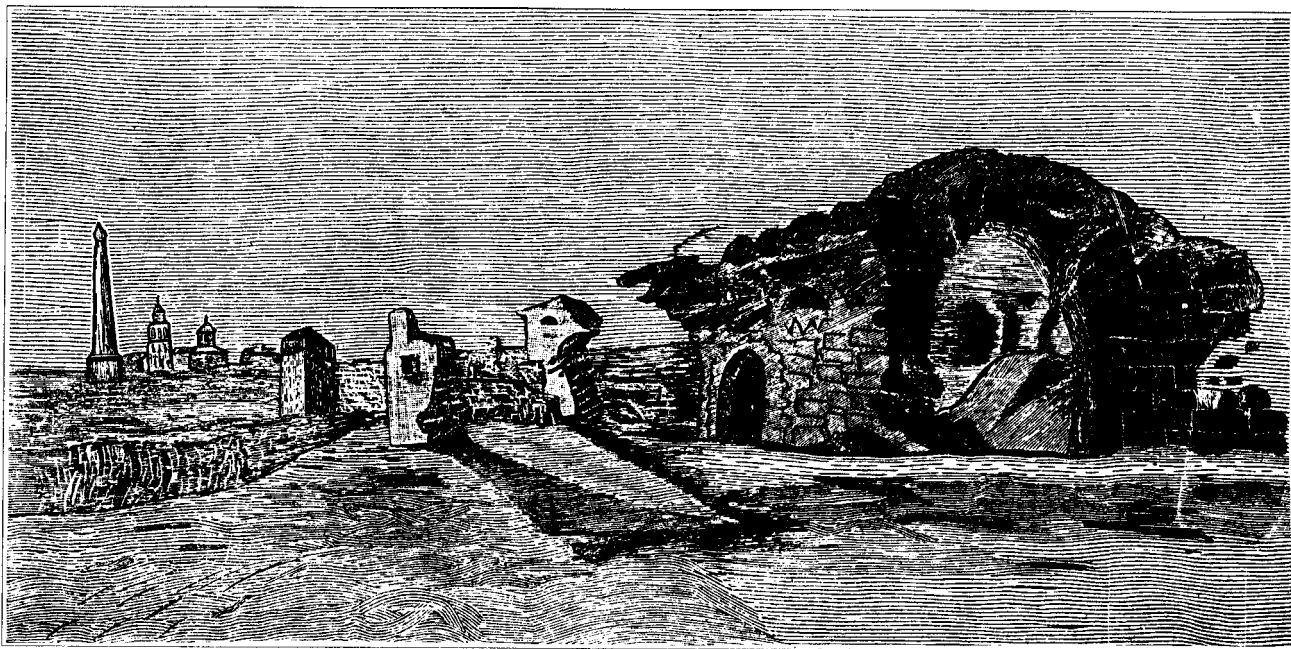
Историки до сих пор не обращали внимания на важнейшее указание “Казанского летописца”, составленного в середине XVI в. анонимным вятским служилым человеком, долгое время находившимся в казанском плену. Указывая на разрушение Болгара, Жукотина и Керменчука в конце XIV в., летописец отмечает, что на Болгарскую землю золотоордынские ханы и ханычи “по суху войско свое посылаше”, русские князья “Волгою посылаше в лодиях, а з другую сторону, создади, мангиты силныя стужаху, их же беша качевныя на великой реке, на Яике, иеже течет во Хвалимское (т.е. Каспийское. – *В.Д.*) море... От тех же мангит до конца запусте...” “И вселишася в Большой Орде (т.е. территории Болгарской земли, входившей в Большую Орду, как и на всей территории Большой Орды. – *В.Д.*) нагаи и мангиты, из-за Яика пришедшие, иже и доньне в тех улусах качюют”. (Ногайцы до середины XVII в. кочевали на территории бывшей Болгарской земли). Выше тот же летописец указывает, что область около Казани “наведе из-за Камы реки язык (т.е. народ. – *В.Д.*) люд и поган (имеются в виду ногайцы. – *В.Д.*) болгарскую чернь со князи их и со старейшинами”, т.е. летописец утверждает, что мангиты выгнали болгарский народ с их князьями и старейшинами в Приказанье и Заказанье – в область Казани. “И приложих Казани царь (т.е. казанский хан. – *В.Д.*) болгарския грады – обладаютя царем казанским. То бо бе преже земля болгарець малых за Камою, промеж великая реки Волги и Белья

Воложки до Великия Орды Нагайския. А большия болгары на Дунае. Ту же был на Каме старый град, именован Брягов болгарский, ныне же градище пусто...”. Автор “Казанского летописца” в основных чертах правдиво и достоверно показывает итог опустошения Болгарской земли, считая мангитов завершителями этого процесса. Окончательное опустошение Болгарской земли завершилось в начале 30-х гг. XV века.

Последнее упоминание о Болгарах в русских летописях относится к 1431 году. Тогда московский великий князь Василий III “посылал ратью на Болгары Волжьские князя Федора Давыдовича Пестрого, онъ же шедъ взя их, всю землю их плени”. О боях не говорится. В некоторых летописях лишь указывается, что “Пестрой ходил Българ воевати, да и взял”. В Болгарской земле брать и пленить уже было некого.

В результате опустошения Болгарской земли было уничтожено 32 города и около 2000 селений (с учетом еще не изученных селищ). Оставшиеся болгаро-чуваши перебрались в Нижнее Предкамье, в Ногайскую даругу, Приказанье и Заказанье, где образовалась Чувашская даруга, расположенная от Казани на восток до Камы, в Алатскую, Галицкую и Арскую даруги и даже на р. Чепцу в Северной Удмуртии (сюда – в основном из левобережной части Болгарской земли), а также на территорию Центральной и Северной Чувашии (сюда – с территории современных Пензенской, Ульяновской областей, юго-западной части Татарстана, юго-восточной части Чувашии, с левобережья – с Закамья, с района Жукотина, Керменчука, Болгара, с территории Самарской области, позднее и с Приказанья). По данным писцовых переписей и других актов второй половины XVI – начала XVII вв. установлено, что в левобережье появилось около 200 чувашских селений, на территории Чувашии – также до 200 материнских селений. Вместо 32 уничтоженных городов существовали только г. Казань (с 1370 г.) и Веда-Суар – Чебоксары (с конца XIII в.).

По самым осторожным подсчетам не менее 4/5 болгаро-чувашского населения было уничтожено. Автор “Казанского летописца” сообщает, что в Приказанье и Заказанье собрались “худые болгары”. Светская и духовная элита болгаро-чувашей в основной массе была уничтожена. Совершен был невиданный геноцид болгаро-чувашского

Развалины города Болгара (Рисунок начала XX века)

народа. В некоторых своих статьях мною указано: “Не будь такого геноцида, численность чувашей приблизилась бы ныне к 10 миллионам человек” [39]. На территории бывшей Болгарской земли ныне проживает более 10 млн. человек.

Совершенно необъективным является “утверждение” некоторых историков о том, что Болгарскую землю опустошили русские войска. Наше исследование “Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV веков” показало, что походы русских князей на Болгарскую землю были большей частью ответами на нападения татарских войск на русские земли или же были спровоцированы ханами Золотой Орды при выдаче тому или иному русскому князю ярлыка на великое княжение с целью подавления сепаратизма Болгарской земли. Новгородские ушкуйники больше грабили верхневолжские и северо-восточные приречные города, чем прикамские города Болгарской земли, где, между прочим, их больше пресекали и разбивали сами болгары.

Потеря болгаро-чувашами своей государственности, монголо-татарское иго, опустошение Болгарской земли в основном татаро-монголами, массовый геноцид болгаро-чувашского населения, перемещение оставшихся в живых болгаро-чувашей с плодородных лесостепных земель в менее плодородные лесные районы с довольно суровыми климатическими условиями – все это составляет **первую глубинную важнейшую предпосылку мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к Российскому государству.**

У луговых марийцев и удмуртов, не говоря уже о татарах, такая предпосылка отсутствовала. Луговые марийцы и удмурты в болгарское время своей государственности не имели, поэтому от опустошения Болгарской земли во второй половине XIV – первой трети XV в. непосредственно не пострадали. Состав 1500 чувашских слов, проникших в марийский язык начиная с VII–VIII вв., более 500 чувашизмов, заимствованных удмуртами в свой язык, и свыше 300 чувашизмов в коми-пермяцком и коми-зырянском языках свидетельствуют о том, что чувашские слова проникали в эти языки вплоть до середины XIV века.

Как известно, монголы, татары и кыпчаки (в XIV – начале XV вв. из татар и кыпчаков сформировалась единая татарская народность)

были кочевниками, Золотая Орда в основном была кочевой империей. Воины-всадники, опасаясь кочевников, не заезжали в леса и лесные районы. Боялись леса и татарские чиновники. Обоснованно можно считать, что до середины XIV в. монголо-татары Золотой Орды в управлении марийцами, удмуртами, пермяками и зырянами (они жили южнее, чем теперь) использовали болгарских чиновников. В районы расселения этих народов походы монголо-татар почти не совершались. Правда, есть сообщение русской летописи о том, что в 1391 г. “Тактамыш посла царевича Бектуту на Вятку ратию, он же шед взял Вятку и людей посече, а иных в полон поведе, а иных на откуп отдавал”. На редконаселенные земли приказанских и заказанских марийцев и горных марийцев вторглись оставшиеся в живых “худые болгары” – чувашаи, они даже вытеснили часть горных марийцев на левобережье. Часть “худых болгар” проникла на земли южных удмуртов (арские чувашаи) и даже северных удмуртов – на реку Чепцу (последние в XV–XVI вв. известны здесь как бесермяне – чувашаи). Ветлужские марийцы в XIV – начале XV вв. испытывали наступление Галицкого удельного княжества. К XIV в. оформилась русская Вятская земля, включившая в свой состав значительную часть северных удмуртов. “Удмурты стали объектом беззастенчивой эксплуатации и грабежа” со стороны вятчан. В первой четверти XV в. Вятская земля попала под влияние Московского великого княжества, но с 1432 г. вместе с Галицким княжеством была втянута в феодальную войну против московских великих князей (до конца 50-х гг. XV в.). Она принесла страдания и северным удмуртам, и западным луговым марийцам [40].

Вторая важная предпосылка мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к России – это угнетенное и униженное, очень трудное положение чувашского народа в Казанском ханстве.

В ханстве господствующим народом были татары, из которых состояли светская и духовная элита и военнотрудовые люди, а ясачных людей не было, угнетенными являлись ясачные народы: чувашаи, марийцы, удмурты, остяки, восточная мордва и западные башкиры. Луговые марийцы и удмурты относились к татарским феодалам вследствие своего географического и социального положения, а также характера столкновений с русскими войсками иначе, чем чувашаи и

горные мари́цы. Т.Г.Гусев и М.Н.Тихомиров не останавливались на первой предпосылке (проблема опустошения Болгарской земли в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. еще не была исследована). Они обстоятельно рассмотрели вторую предпосылку вне связи с первой. Оба автора полагали, что чувашаи всегда жили только на территории нынешней Чувашской Республики. Т.Г.Гусев писал, что “земли чуваш лежали на рубеже Болгарского государства, включенного полностью в состав Золотой Орды и русских княжеств... Поэтому чувашаи оказались в еще более худших и тяжелых условиях” [41]. Он правильно, по источникам, характеризует трагическое положение покоренных монголо-татарами народов. В Казанском ханстве, указывает Т.Г.Гусев, ханы и татарские феодалы в управлении Чувашией, в ее угнетении опирались на местную феодальную аристократию, подкупали ее. Ясачные чувашаи несли более 10 видов различных поборов и повинностей. “Казанские ханы почти ежегодно устраивали походы, нападения на русские земли... Все это приводило к новым и более частым разорениям... Чувашаи использовались казанскими ханами и как военная сила, они строили укрепления и содержали ханские войска... На территории Чувашии нередко происходили военные действия между русскими и татарскими войсками” [42].

М.Н.Тихомиров, опираясь на русские источники и чувашские исторические предания, характеризует хозяйство, экономическое положение и социальные группы (ясачные люди, сотные и десятные князья) чувашей. “Казанские феодалы оседали в Чувашии, обзаводясь здесь крупными земельными владениями... Господство татарских феодалов было крайне тяжелым для чувашей... О набегах и грабежах татарских феодалов говорят ... чувашские предания. Они называют и народных чувашских героев, боровшихся с насильниками... Сбор ясака с Горной стороны Волги составлял важную статью поступлений в казну казанского царя... Тяжелой повинностью подчиненных народов в Казанском ханстве было участие в военном ополчении, которое собирали казанские ханы для войны с соседями и для набегов на русские земли” [43]. Утверждения Т.Г.Гусева и М.Н.Тихомирова показывают, что положение правобережных чувашей в Казанском ханстве не могло не сделать их сторонниками мирного вхождения в состав России.

В 1428 г. ханом Золотой Орды стал Улук-Мухаммед. Но вскоре у него появился соперник Кичик-Мухаммед. Улук-Мухаммед в 1437 г. был изгнан из Золотой Орды. Он ушел на север и, “переходя с места на место”, осел в русском городе Белеве. Здесь Улук-Мухаммед одержал победу над русской ратью. “Казанский летописец определял численность татарских воинов всего в три тысячи человек, явно преуменьшая их число. Располагая таким отрядом, хан, конечно, не мог рассчитывать на победу московской рати, которая, согласно той же летописи, насчитывала 40 тыс. человек. После сражения от этого (т.е. московского. – *В.Д.*) войска, по словам автора Львовской летописи, уцелела лишь небольшая часть. Следовательно, с Улук-Мухаммедом было значительно большее число воинов” [44]. Вероятно, у Улук-Мухаммеда было не менее 40–50 тысяч воинов.

Весной или летом 1438 г., согласно сообщению “Казанского летописца”, Улук-Мухаммед со своей ордой “шед полем перелез Волгу, и засяде Казань пустую, Саинов юрт” [45]. Казанский князь Алибей (Али-Бек) был убит (по данным некоторых летописей, в 1545 г.).

На территории будущего Казанского ханства испокон веков жили марийцы, удмурты; не так давно сюда прибежали “худые болгары” – чуваша. Татар-кочевников здесь еще не было. Но “Казанский летописец” упоминает “срачин” (срацин) – татар, возможно, из Старой Казани. “Казанский летописец” – не чистая летопись, а литературное произведение, в нем немало и вымысла, и объективного, отсутствующего в других летописях. После взятия Казани Улук-Мухаммедом, по мнению автора “Казанского летописца”, “и мало во граде живущих, и нача збиратися в Казань срачини и черемиса, развие по улусом казанским. И ради ему бысть изо оставшихся от плена худья болгары. И молиша его казанцы быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания рускаго, и быти царьству строителя, да не до конца запустеют, и повинишася ему. Царь же вселися в жилищех их и постави себе деревяный град крепок на новом месте, крепчаиша старого, недалеко от старья Казани, разоренныя от руския рати” [46]. В действительности новая Казань известна по русским летописям с 1395–1396 годов. А положение и чаяния населения возникающего ханства летописец, возможно, представлял более или менее правильно. Окончательно измученное, жившее в страхе и непрерывных потрясе-

ниях, оно ждало стабилизации, мира, спокойствия, надеясь, что хан станет его заступником. Но не суждено было сбыться этим ожиданиям: “И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран: от Златья Орды, от Асторохани и от Азова и от Крыма. И нача изнемогати во время то и Великая Орда Золотая, усиляти и укреплятися вместо Золотья Орды Казань – новая Орда... От злаго древа, реку же от Златья Орды, злая ветвь произыде – Казань и горкий плод изнесе...” [47].

В Золотой Орде монголов было мало. Правящая верхушка (ханы, эмиры, нойоны и пр.) состояла из монголов. Западные кыпчаки и прибывшие с монголами родственные кыпчакам тюркоязычные татары, слившиеся в XIV в. в единую татарскую народность, составляли кочевой служилый класс воинов и скотоводов. У татар были расположенные по нижней Волге города – военно-административные и торгово-ремесленные центры. Летом кочевало и городское население. С образованием Казанского ханства татары начали заселять лесную и лесостепную земледельческую территорию. В ханстве из татар состояли правящая элита, военачальники, духовенство, средние и мелкие служилые люди. Они начали оседать в местных селениях, создавать и свои поселения, хотя от кочевнического образа жизни отвыкали медленно.

Западная граница Казанского ханства проходила по нижней Суре, начиная примерно от нынешней Барышской слободы, на левобережье – по Приветлужью, с севера ханство граничило с Вятской землей и охватывало южную половину Удмуртии, на востоке и юге граница проходила по Каме, на правобережье – приблизительно по линии современных селений Камское устье – Апастово – Чутеево, далее на запад по реке Кубня до Барышской слободы.

По источникам XVI в. можно установить, что Казанское ханство делилось на Горную, Луговую, Арскую, Побережную стороны. Иван IV в своем завещании 1572 г. писал, что своему наследнику царевичу Ивану Ивановичу оставляет “город Казань” “с Арскою стороною и с Побережною стороною и с Луговою стороною ... что было изстари к Казанской земле потягло при прежних церех”, а также поставленные им города Свияжск и Чебоксары “со всею Горною стороною, и со всею Чувашею и Черемисою и Мордвами, и с их вотчинами и с рыбными ловлями и со всеми пошлинами” [48]. Кроме того, левобереж-

ная часть ханства делилась на Галицкую (западный угол), Арскую (удмуртскую), Алатскую (от Казани на север, северо-запад, северо-восток), Чувашскую (от Казани на восток до Камы), Ногайскую (правобережье нижней Камы) даруги.

Горная сторона – правобережье Волги – была населена чувашами, горными марийцами и в небольшом количестве восточной мордвой. В междуречье нижней Свияги и Волги начали оседать служилые татары [49]. По документам XIV – XVII вв. определяется, что во времена Казанского ханства на Горной стороне имелось более 300 чувашских материнских деревень.

На Луговой стороне обитали луговые марийцы, левобережные чувашаи, татары. Сюда относились Галицкая и Алатская даруги [50].

Арская сторона – районы значительно северо-восточнее Казани, южная часть Удмуртии населена марийцами, удмуртами, арскими чувашами, татарами, незначительным количеством остяков. Сюда относилась Арская даруга [51].

Побережную сторону, составлявшую широкую полосу на правобережье нижней Камы от ее изгиба, устья Вятки и до Волги (а с левобережья нижней Камы начиналось дикое поле) населяли казанские чувашаи, марийцы и татары; возможно, сюда относилась часть кочевьев башкир. На Побережной стороне размещались Ногайская (вдоль Камы) и Чувашская даруги [52].

На северной и восточной территории ханства в русских летописях зафиксировано деление на земли. В конце мая 1469 г. хан Ибрагим против русского войска во главе с Иваном Руно выступил “со всею землею своею, съ Камьскою и съ Сыплиньскою и съ Костяцькою и з Беловоложскою и Вотягъцкою и з Башкирьскою” [53].

Большинство деревень левобережных чувашей располагалось в пределах Чувашской даруги, но немало было их по Ногайской, Алатской, Арской и Галицкой даругам. Всего на левобережной части Казанского ханства насчитывалось не менее 200 чувашских деревень, причем во многих из них размещалось по несколько дворов служилых татар [54].

Древнечувашская (болгарская) народность сформировалась еще в XII веке. В XV – первой половине XVI вв., в трагических условиях перемещения оставшихся в живых болгаро-чувашей – “худых бол-

гар” на Горную сторону, в Приказанье и Заказанье, на земли мари́йцев, вследствие ассимиляции этими “худыми болгарами” некоторой части мари́йцев сформировалась современная чувашская народность, причем значительная часть левобережных чувашей оказалась отатаренной (поэтому луговые мари́йцы жителей отатаренных чувашских деревень продолжали называть “суасами” – чувашами).

Русские и западноевропейские письменные источники XV–XVII вв. правобережных чувашей именовали, как и горных мари́йцев, или “черемисами” (преимущественно “горными черемисами”), поскольку болгаро-чуваши во второй половине XIV – начале XV в. переселились на Горную сторону на редконаселенную лесную территорию горных мари́йцев, или “горными людьми”, или же “черемисскими татарами”. В некоторых списках “Казанского летописца” чувашаи впервые упоминаются в 1508 году. Первый документ, называющий переселившихся на Чепцу (Северная Удмуртия) болгаро-чувашей чувашами, относится к 1510 году. Этот документ выявлен и опубликован М.В.Гришкиной [55]. В опубликованных русских летописях наиболее раннее упоминание этнонима “чуваши” относится к 1521 году. Страна Чувашия впервые упоминается в книге австрийского дипломата С.Герберштейна, побывавшего в Москве в 1517 и 1526 годах [56]. Чуваши были наиболее многочисленным народом Горной стороны. Вторая половина чувашского народа, разместившаяся на левобережной стороне ханства, в период его существования в значительной своей части была отатарена (его отатаривание продолжалось вплоть до XVIII в.). Документы второй половины XVI–XVII вв. левобережных чувашей называют “ясачными чувашами”, наряду с терминами “ясачные черемисы”, “ясачные вотяки”. Казанские историки Е.И.Чернышев, И.П.Ермолаев, Д.М.Исхаков безуспешно пытаются утверждать, что ясачных татар называли тогда ясачными чувашами. Они не сумели привести убедительных аргументов. Е.И.Чернышев даже “ясачных чувашей” чувашских селений Свияжского уезда, которые являются чувашскими и по настоящее время, объявил татарами. Топонимы селений ясачных чувашей Казанского уезда – чувашские. Многие селения ясачных чувашей даруг (дорог) Казанского уезда, сохранив свои прежние названия, переселились в XVII в. в Нижнее Закамье. Эти селения до сегодняшнего дня являются чувашскими.

В Казанском ханстве, как и в Крымском и других татарских ханствах, ясачных татар не было и не могло быть. Все они являлись господами [57]. Приблизительно можно установить, что в первой половине XVI в. в Казанском ханстве татары составляли 20% населения, чувашаи – 50%, марийцы, удмурты и представители других народностей – 30%.

В Казанском ханстве был установлен лишь немного отличавшийся от золотоордынского общественно-политический и социально-экономический строй, который можно определить как военно-феодальный. Высшая политическая власть принадлежала хану – монарху типа восточных деспотов. При нем действовал диван – своего рода правительство и совет крупных феодалов. Четыре главных члена дивана – карачи, в Казанском и во всех других татарских ханствах были из родов Ширин, Барын, Аргын и Кипчак. В феодальной иерархической лестнице верхнюю ступень занимали эмиры, за ними – бики (князья), затем – мурзы и уланы и лишь потом следовали сотные, пятидесятные и десятные князья нетатарских народов ханства. Большими правами пользовалось мусульманское духовенство (сеиды, шейхи, имамы, муллы и др). Многочисленную группу военнотатарских людей составляли служилые татары – казаки (*ички* – внутренние, *исники* – внешние). Трудовой люд составляли чувашские, марийские, удмуртские, мордовские, частично башкирские ясачные люди. Ханство делилось на даруги, волости (улусы), сотни и пятидесятни [58].

Верховным собственником всех земель ханства считался хан. Земли делились на дворцовые, частнособственнические (светских феодалов, вакуфы духовных феодалов) и государственные. Дворцовые земли хана обрабатывались рабами из русских полоняников (пленных) и насильно пригнанными мордовскими земледельцами. Мусульманское право формально не признавало частной собственности на землю. Фактически в ханстве частная собственность на землю была представлена широко. Феодальное землевладение выступало в форме ясакодержания: татарские феодалы получали от хана волости, сотни или селения с правом сбора с населения ясака и других податей в свою пользу (сойюргал). Феодал не занимался организацией сельскохозяйственного производства, его интересовало лишь получение готового продукта. Для сойюргала характерны: обусловленность владения доходами с феодальнозависимого населения военной, админи-

Прибытие болгар на Среднюю Волгу в VII – VIII веках (Репродукция рисунка Ю.Б.Лысогорского)

Монгольское войско начала XIII века (Репродукция рисунка О.Федорова)

Русские воины середины XVI века (Репродукция рисунка О.Федорова)

Татарский воин середины XVI века (Репродукция рисунка О.Федорова)

О (ослаблен)
всех (доблестных) Билалов
Габисану юмь сарыстану ХМ

Покорение Казани (Репродукция картины)

стративной или иной службой хану, наследственность владения, налоговый и административно-служебный иммунитет сойюргалодержателя [59]. Мусульманское духовенство владело вакуфами – населенными имениями с правом сбора с них податей в свою пользу [60]. Служилые татары владели небольшими участками государственных земель за несение военной службы. Они были освобождены от ренты-налога. Большая часть государственных земель находилась во владении общин ясачных людей из нетатарских народов, обязанных платить ренту-налог государству. В правобережной Чувашии орудовала ханско-феодалная администрация: военная, фискальная, судебно-полицейская. В укрепленных пунктах типа острогов, в сторожевых и наблюдательных пунктах стояли ханские войска во главе с феодалами-военачальниками [61].

Считая себя наследниками прав и политики Золотой Орды, татарские ханства, в их числе и Казанское, требовали от русских княжеств выплаты дани, вели по отношению к ним, затем и к Русскому государству и другим народам агрессивную внешнюю политику. Грабительские войны с захватом и порабощением пленных были для Казанского, Крымского и других татарских ханств одним из важных источников доходов.

В XV – первой половине XVI в. правобережная Чувашия являлась районом развитого земледелия. Чуваши, заняв лесную территорию нынешней центральной и северной Чувашии, за столетие сумели превратить ее в район пашенного земледелия. Опустошенные земли юго-восточной Чувашии частично обрабатывались наездом. Путем расчистки леса чувашаи расширяли площади пахотных земель и сенокосов, совершенствовали бортное пчеловодство (бортные деревья считались собственностью отдельной семьи). Леса, преимущественно смешанные, изобиловали четвероногой и пернатой дичью: здесь водились медведи, волки, зайцы, лисицы, куницы, по рекам – выдры, бобры, а также боровая и водоплавающая птица. Основным занятием ясачных чувашей являлось земледелие. Преобладала паровая система земледелия. Но при освоении новых лесных площадей под пашню приходилось прибегать к подсечной системе. Местами использовали перелог. Орудием для обработки земли служил тяжелый деревянный плуг агабусь с железным лемехом и резцом. Возде-

ывали главным образом зерновые – рожь, овес, ячмень, полбу и другие культуры. Роль животноводства была значительной, разводили лошадей, коров, овец, коз. Основными занятиями чувашей были охота и рыболовство. Хорошо знали чувашаи судоходство и многие другие ремесла, включая кузнечное и серебряное дело. Жилищами чувашей служили срубные избы, надворными постройками у них были клети, сараи, конюшни, хлевы и пр. Родственные дворы располагались кустами, уличной планировки селений не было [62].

Из чувашей были сотные (*сёрпү*) и десятные (*вунпү*) князья, подчинявшиеся ханской администрации. В их ведении находились волости, сотни, пятидесятни и десятни – группы родственных селений и отдельные селения. Во время войн *сёрпү* выступали во главе отрядов ополченцев численностью по сто человек, *вунпү* возглавляли входившие в сотни группы в десять воинов. Было небольшое количество окружных князей (*пү*), стоявших во главе значительного числа селений, связанных следами былой родо-племенной общности. Наряду с князьями, источники упоминают о чувашских тарханах особой группы служилых людей, имевших сойюргальные владения и пользовавшихся тарханским иммунитетом. Трудно установить, князья получали тарханское звание или же тарханы? Из чувашей были и казаки – мелкие служилые люди. Сотные князья, принявшие ислам, могли получить и титул мурзы. В распоряжение *пү*, *сёрпү* и *вунпү*, несших военную службу и выполнявших феодально-административные обязанности, поступала некоторая часть податных сборов. Чувашские исторические предания единогласно повествуют о том, что *пү*, *сёрпү* и *вунпү* часто терпели унижения и оскорбления от ханов и татарских феодалов. В общинах большим авторитетом пользовались старейшины. Значительное общественное влияние на чувашей имели служители языческого культа – юмзи, мачауры и др. [63].

Большинство ясачных чувашей платили ясак и другие подати в пользу хана, с некоторых селений ясачные поборы поступали в пользу татарских феодалов – сойюргалодержателей этих селений. Хану или татарским феодалам ясачные чувашаи платили до 20 видов натуральных и денежных платежей и пошлин. Наиболее тяжелой податью являлся *ясак* – дань десятинная (десятая часть от дохода). Другие платежи: *калан* – подать с возделанных земельных участков, взимае-

мая в виде доли урожая; *тютюн сани* – налог с дома (в буквальном переводе: с дыма, очага); *салыг* – подушный налог; *даругильный налог* – налог на содержание ханских наместников; *алафа* – поставка продовольствия для армии; *улуфа* – поставка фуража для конницы; *купалга* – обеспечение продовольствием проезжающих послов, курьеров и чиновников; *кулык и култыка* – запросные подати и др.; пошлины: судебная, свадебная, дорожно-мостовая, торговая (*тамга*), за провоз товаров (*вас*), судовая (с лодок и других судов); подарки и подношения (*сила харчи*). Ясачные чуваша несли тяжелые повинности: ямскую (обслуживали подводами ямские станции), постоянную (предоставляли помещения в своих домах для проезжающих чиновников, военных и др.), по постройке и ремонту городских стен, укреплений, дорог и мостов. Ш.Ф.Мухамедьяров пишет: “Кроме сбора в свою пользу установленных правительством земельного налога и др. податей феодалы увеличивали свои доходы взиманием с крестьянства всяких незаконных сборов. Вся финансовая система Казанского ханства была поставлена на службу господствующему классу татарских феодалов. Распределение налогов зависело от ханской воли, и величина их была различна в различное время... Подати и повинности были настолько обременительными, что податное население систематически выступало против феодалов” [64].

Казанский историк второй половины XIX в. Н.А.Фирсов в общем правильно оценивал положение ясачных людей ханства: “Трудовые массы нетатарских народов ханства, – писал он, – должны были отбывать повинности в пользу татарской аристократии или в виде ясака в казну казанскую, из которой потом он расходился по рукам дворян, или непосредственно самим мурзам, которым казанское правительство отдавало известные волости с правом брать в свою пользу положенный на них ясак, или, что то же, отдавало в крепостную зависимость”. Однако со ссылкой на то, что ему неизвестно о мятежах низшего сословия против господствовавшего класса, Н.А.Фирсов делает ошибочный вывод о том, что “низший класс народонаселения в Казанском ханстве далеко не был так угнетен, как можно было думать” [65].

Н.А.Фирсов пользовался при написании своей книги опубликованными русскими письменными источниками, при написании тек-

ста о Казанском ханстве – русскими летописями. Но, как известно, русские летописцы не интересовались выступлениями “низшего класса народонаселения” ханства, а отголоски выступлений ясачных людей против невыносимо тяжелого гнета в ханстве сохранились лишь в исторических преданиях. Однако словам Н.А.Фирсова поверили не только казанские историки второй половины XIX–XX вв., но и некоторые чувашские историки и этнографы. Г.И.Комиссаров, например, вторя Н.А.Фирсову, писал, что “положение чуваш в Казанском царстве, вероятно, не было тяжелым” [66].

В действительности сведения русских летописей, переписки русского правительства с ногайскими князьями и чувашских исторических преданий позволяют утверждать, что в Казанском ханстве твердый закон и порядок не соблюдались. Феодалы и чиновники собирали в свою пользу сверхокладные поборы. Татарские князья и мурзы, совершая под видом сбора ханских податей военизированные экспедиции, открыто грабили ясачных людей, за малейшее проявление ослушания истязали и убивали ясачных чувашей, жгли их селения, допускали даже угон в плен и рабство чувашских парней и девушек [67]. В предании о Сарые, записанном С.М.Михайловым в 1856–1857 гг., говорится: “Казанские цари жили почти за счет чуваш, населяющих богатую страну, частовременно посылали своих подчиненных обирать их и уводить в неволю их дочерей... Татары... при малейшем сопротивлении оказывали всю варварскую жестокость: резали нещадно мирных людей и грабили их достояние” [68].

Тягостным бременем для ясачных чувашей была служба в ханском войске. С.Герберштейн отмечает, что казанский хан “может выставить войско в тридцать тысяч человек, преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чувашаи – весьма искусные стрелки” [69].

Тяжелое положение чувашей усугублялось вследствие национального гнета. Они были совершенно бесправны. Господствующая религия в ханстве – ислам – проповедовала воинственную нетерпимость к иноверцам. Татарские духовные и светские феодалы стремились к насильственному его насаждению среди подчиненных народностей, в особенности среди тюркоязычных чувашей. Это особенно удалось среди левобережных чувашей, в селениях которых верстались слу-

жилые татары. Шел процесс массового отатаривания чувашей левобережья Волги. Правобережные чувашаи, за исключением присвияжских, сопротивлялись исламизации. Однако угроза отатаривания и полного исчезновения чувашского народа существовала.

Как сообщают народные предания, некоторые из чувашских князей, с покорностью служившие казанским ханам, обращались с ясачными чувашами ничем не лучше татарских феодалов, военачальников и чиновников. Так, в преданиях известен образ лютого Уразмеда. Военачальник и сборщик податей, он творил жестокие злодеяния [70].

Пользуясь попустительством казанских властей, систематические набеги на поселения Чувашии, особенно ее южной половины, совершали ногайские орды, грабили чувашей, угоняли их скот, уводили людей для продажи в рабство [71].

Чувашские и горномарийские селения разорялись от военных походов через их территории. По данным русских летописей удалось установить, что с 1439 по 1549 гг. по чувашской земле казанские войска шли походом против русских 31 раз, а с 1455 по 1550 гг. русские полки проходили через Чувашию на Казань или в пределы ханства 33 раза. Русские войска шли на Казань почти каждый раз судовой ратью, иногда вместе с конной ратью. Судовая рать редко тревожила горных людей.

Казанские войска были конными, они всегда совершали походы на русские земли по сухопутным дорогам Чувашии, обирая и разоряя сельское население. Из дальнейшего изложения видно, что на территории Чувашии сражений происходило мало. Казанские ханы и феодалы, смыкаясь с крымцами, почти беспрестанно, за исключением периода русского протектората над Казанью в 1487–1521 гг., нападали на русские земли, грабили и жгли города и селения, а жителей угоняли в рабство. А.Г.Бахтин правильно пишет: “Для Крымского и Казанского ханств регулярные набеги на Русь, грабежи и увод пленных, с прибылью продававшихся на восточных базарах, стали одним из важнейших источников дохода” [72]. Во второй половине XV в., а также в 20-х–40-х гг. XVI в. в ханстве томились десятки тысяч русских полоняников. В 1540-х гг. их насчитывалось более 100 тысяч [73]. Многочисленные чуваш-

ские предания сообщают, что ханские люди допускали грабежи, увод скота, захват девушек и юношей и в чувашских селениях [74].

Татарские захватчики угоняют пленных
(Миниатюра 1488 года)

В таком военно-феодальном государстве, как Казанское ханство, где царил жестокий режим угнетения и подавления ясачных чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, башкир господствующим народом, не могло не быть систематического социального и национального протеста. Гибель архива ханства и казанских дел в русском государственном архиве не позволяет нам основательно исследовать этот вопрос. В русских летописях сохранились лишь глухие отголоски о народных восстаниях. В 1496 г. произошло вооруженное восстание против хана Мамука, вызвавшего ненависть к себе горожан и сельских жителей безудержным грабежом. В результате восстания Мамук вынужден был оставить престол [75]. В 1531 г. казанские послы заявляли в Москве, что в ханстве “людей добрых мало, все люди мелкие, ино земли крепити некому, люди все в розни; а въ страховании в великомъ люди съшаталися...” [76]. В октябре – декабре 1545 г. произошло всенародное восстание против хана Сафа-Гирея [77].

Чувашские исторические предания сохранили десятки сообщений о борьбе чувашского народа против гнета казанских ханов и феодалов. Так, в одном из преданий говорится, что однажды военачальник казанского хана Шихабыл с отрядом нагрянул в деревню Шихабылово (чув. *Аслă Пинер*; ныне в Урмарском районе), сжег ее, увел девушек и юношей в рабство. (По-видимому, деревня эта была пожалована Шихабылу). Обездоленные жители деревни решили обратиться к тархану Ахплату – сильному, храброму, крупному (его сравнивали с *улăп* – великаном) человеку, жившему с семьей в деревне Пинеры (чув. *Кайрикасси*, *Турхан*, в 1948 г. вошла в дер. Шихабылово). Но его дома не оказалось, он ездил тогда в Москву к русским. Вскоре Ахплат возвратился. Чуваша рассказали ему о набегах ханских людей. Тархан собрал своих воинов и выступил против Шихабыла, разбил его отряд, сжег крепость, высвободил чувашей из полона. Ахплат же вернул чувашам земли, отобранные у них ханскими людьми. Аналогичны по содержанию повествования о Батыре, Ахмал-батыре, Алик-батыре и др. Предания сберегли для нас множество сообщений о сражениях и вооруженных стычках между отрядами казанских ханов и чувашами, происшедших в разных местностях Чувашии [78].

Социально-экономическое и политическое положение правобережных чувашей, как и горных марийцев (в их среде впиталось немало чувашей; они были очень близки чувашам, их положение не отличалось от чувашского), как было указано выше, являлось второй важной предпосылкой мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к России.

У луговых марийцев и южных удмуртов такой предпосылки не было. Они жили в лесной зоне, куда татарская администрация острегалась заходить; на их территориях не было татарских крепостей и острогов, каких немало было в Чувашии и Горномарийском районе; ханское войско редко совершало через территории луговых марийцев и удмуртов разорительные для них походы на русские земли; во второй половине XV – первой половине XVI в. русские предпринимали с Галича разорительные походы в селения луговых марийцев. Во второй половине XV в. русские войска, борясь за Вятскую землю и Северную Удмуртию, нанесли большой урон удмуртскому народу. А.Г.Бахтин, указывая, что для Казани одним из источников дохода

были грабительские походы, пишет: “К этому виду промысла прибегали и левобережные марийцы, чему благоприятствовала слабость их хозяйственной базы и пограничное расселение, где почти постоянно сохранялась напряженность. Многочисленные источники недвусмысленно свидетельствуют о том, что левобережные марийцы долгое время промышляли грабежом и работоторговлей” [79].

Луговые марийцы и удмурты относились к русским и татарам иначе, чем правобережные чувашаи и горные марийцы.

Третьей предпосылкой мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к России являлось установление добрососедских отношений между правобережными чувашами и русским населением Нижегородского Поволжья. Это обстоятельство подробно рассмотрено в указанных выше исследованиях Т.Г.Гусева [80] и М.Н.Тихомирова [81].

Как уже указывалось, территория центральной и северной частей нынешней Чувашской Республики в массовом порядке была занята чувашами во второй половине XIV – начале XV века. В XIV в. рубежи русских земель вплотную подошли к р. Сура. В 1372 г. городецкий князь Борис Константинович, чье удельное владение входило в Нижегородское княжество, основал на р. Сура г. Курмыш [82]. На рубеже XIV и XV вв., после присоединения Нижегородского княжества к Московскому великому княжеству, Курмыш со всеми селами и с Алгашем, расположенным на правобережье р. Суры, стал принадлежать московскому великому князю Василию Дмитриевичу [83].

Чуваши близко общались с русскими, вели с ними торговлю, устанавливали деловые связи. Интересны в этом отношении предания, записанные К.А.Шуловым из пос. Ибреси в 1928 г. и объединенные под названием “Жизнь чуваш до взятия Казани”. Занятия чувашей, говорится в записях, заключались в хлебопашестве, скотоводстве, сборе орехов и желудей, заготовке лыка и плетении лаптей, которые сбывались за Суру. В сентябре приступали к ловле куницы, зайца, хорька, сурка и норки... Многие необходимые изделия чувашаи покупали за Сурой у русских. “Дружба между русскими и чувашами все более росла, в свободное время они играли, боролись. Чуваши стали ходить к русским за Суру на регулярные заработки и проводили с ними целые годы. Научились некоторым русским обычаям, а также

говорить по-русски”. Чуваши восприняли от русских их древний языческий праздник Семик. А один из чувашей, богатый и знатный силач Кабан, узнав, что на Волге поселились русские кузнецы Кузьма и Демьян, отправился к ним, взяв с собой лагун пива и чувашскую колбасу *шӑрттан*, познакомился с ними, угостил. И кузнецы выполнили заказ Кабана на все нужное, в том числе изготовили несколько пудовых капканов и железные вилы [84]. Еще в первой половине XVI в. чувашские крестьяне снимали на оброк у русских властей бортные леса в Нижегородском уезде для сбора меда [85]. Происходило сближение чувашей и с русскими полоняниками, которые для обработки ханских земель размещались в чувашских селениях. Чуваши входили в контакт с русскими и во время походов московских войск на Казань. Хотя чувашские лучники-ополченцы, подчиняясь казанским ханам, военачальникам и своим сотным и десятным князьям, служили в ханской армии и не раз участвовали в боях против русских войск, но русские полки, направляясь на Казань, не встречали в Чувашии никаких препятствий и противодействия со стороны местного населения.

МОСКОВСКО-КАЗАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРАВОБЕРЕЖНЫЕ ЧУВАШИ

В последнее время казанским историком С.Х.Алишевым издана книга “Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.” В ней большинство событий изложено односторонне, в некоторых фактах и датах имеются ошибки. Йошкар-Олинским историком А.Г.Бахтиным, выпустившим в 1998 г. книгу “XV–XVI века в истории Марийского края”, в специальной главе “Марийцы и русско-казанские отношения во второй половине XV – первой четверти XVI вв.” по достоверным источникам объективно, тщательно и подробно исследована проблема московско-казанских отношений – дипломатических и военных и причастность к ним луговых и горных марийцев [86]. Положения и выводы А.П.Бахтина имеют прямое отношение и к нашей теме. Мы не имеем возможности проанализировать все события московско-казанских отношений.

Улук-Мухаммед еще при занятии Казани в 1438 г. путь из Белева в Казань проделал по территории Чувашии, через которую в 1439 г. им был свершен поход на Москву “со многими силами”. В 1444 г. он идет на Нижний Новгород и захватывает его. Отряды сыновей Улук-Мухаммеда – Махмутека и Якуба – разгромили у Суздаля войско великого князя московского Василия II, взяли его в плен и доставили в Курмыш, где продержали почти два месяца, и отпустили его с условием выплаты большого выкупа (по разным сведениям, от 25 тысяч до 200 тысяч рублей). В 1446–1447 гг. ханом Махмутеком были совершены два похода на Русь. Следовательно, уже в первое десятилетие существования ханства Казань стала совершать грабительские походы на русские земли. В конце 50-х гг. Москва совершает походы про-

тив Вятки, попутно подчиняя Верхнее и Среднее Поветлужье. В 1462 г. на луговых марийцев была направлена судовая рать устюжан, вологжан и галичан. Татары и марийцы совершили поход на Устюжский уезд [87].

Осенью 1467 г. касимовский хан Касим при поддержке Москвы направлялся на Казань, чтобы отвоевать престол у хана Ибрагима. Но после переправы с Горной стороны на Луговую войско Касима встретил отряд Ибрагима. Касим побежал назад, а вскоре умер. В ответ Ибрагим совершил нападение на Галич. В набеге участвовали и луговые марийцы, за что Москва решила их наказать [88].

В декабре 1467 г. (а не 1468 г., как пишет А.В.Изоркин) “князь велики Иван послал на Черемису князя Семена Романовича (Ярославского. – *В.Д.*), а с ним многих детеи боярьских, дворъ свои, и совокупившеся вси поидоша из Галича на Николин день декабря 6, и поидоша лесы без пути, а зима была велми студена... Тоя же зимы въ 6 генваря на крещение господне рать великого князя прииде в землю Черемисскую, многа зла учиниша земли тои, люди иссекоша, а иных в полон поведоша, а иных изожгоша, а кони их всякую животину, чего нелзе с собою имати, то все иссекоша, а что было живота их, то все взяша, и повоевавшю всю землю ту досталь пожгоша, а за один день (пути. – *В.Д.*) до Казани не доходили. И възвратившися приидоша к великому князю вси по здорову. А Муромцемъ и Новгородцемъ велель князь велики воевати по Волзе, и те шедше повоеваша горы и бараты (по-видимому, торговые фактории. – *В.Д.*) по обе стороны” [89]. Рать Семена Романовича воевала только на Луговой стороне, а муромцы и нижегородцы воевали и по левому, и по правому, чувашскому, берегу Волги. Но летопись не сообщает о разорениях чувашских селений, далее летописец рассказывает, что весной 1468 г. русское войско, возглавляемое воеводой Иваном Руно, воевало против черемис (здесь: марийцев и удмуртов. – *В.Д.*) и татар по Вятке и Каме [90]. В дальнейшем до похода Ивана Руна из Нижнего Новгорода на Казань весной 1469 г. ни в одной летописи ни о каких походах на Казанское ханство, включая Чувашию, не сказано.

Весной 1469 г. из многих городов и уездов Русского государства по распоряжению великого князя Ивана III в Нижнем Новгороде было собрано значительное войско. Главным воеводой избрали Ивана Руно.

В летописи читаем: “И того же дни отплывше от Новагорода 60 версть, начевали, а на утрее обедали на Рознежи, а начевали на Чебоксаре, а от Чебоксари шли весь день, да и ночь ту всю шли, и приидоша под Казань на ранней зоре маиа 21, в неделю 50-ю (т.е. в Троицу. – *В.Д.*), и вышед ис суд поидоша на посад, а Татаром Казаньским еще всемь спящим, и повелеша трубити, а Татарь начаша сечи и грабити и в полон имати. А что полонь был туто на посаде христианскои, Московскои и Рязаньскои, Литовьскои, Вяцкои и Устюжскои и Пермьскои и иных прочих градов, тех всех о[т]полониша (т.е. освободили от плена. – *В.Д.*), а посады их все со все стороны зажгоша. Мнози же Бесурмени и Татарове, не хотяще ся дати в руки христианом, а болшее, жаяще по мнозем богатстве своемь, и запирающися над своим добромь въ храмах своих и з женами и з детми и со всемь, что у них есть, и тако изгореша. Погоревшим же посадом, и рать отступи от града”. Через неделю на Ирыхове острове (Йёрёх утравё. – *В.Д.*) на Волге татарское войско напало на русскую флотилию. С обеих сторон были потери. Флотилия вернулась в Нижний Новгород, не ведя никаких боев с чувашами [91].

В 1487 г. русские войска заняли Казань. Был установлен русский протекторат над ханством, который продолжался до 1521 года. В период протектората ханы ставились Москвой. Ими были: Мухаммед-Амин (1487–1495), Абдул-Латиф (1496–1502), Мухаммед-Амин (1502–1518), Шах-Али (1519–1521). В этот период мирные отношения между Москвой и Казанью были прерваны лишь в 1505–1506 годах. Ясачные чуваша, марийцы и удмурты в годы протектората не призывались в армию и были довольны этим. Мухаммед-Амин провел налоговую реформу. Чуваша в 1531 и 1551–1552 гг. выражали свое удовлетворение налоговой реформой Мухаммед-Амина и просили восстановить ее.

В 1521 г. в Казани победила крымская партия татарских феодалов и возвела на престол крымского ставленника Сахиб-Гирея. Но весной 1524 г. хан Сахиб-Гирей поставил на свое место вызванного из Крыма племянника Сафа-Гирея, сам удалился в Стамбул и стал вассалом турецкого султана. Тяжелое положение народных масс еще более усугубилось. В Казань наехало множество крымских феодалов. Размеры поборов с податного населения возросли, ограбление наро-

да усилилось. Ясачные чуваша, мари́йцы и удмурты почти ежегодно призывались в ханскую армию для ведения войн против русских. Даже представители казанских феодалов жаловались в мае 1541 г. в Москве Ивану IV, что от казанского хана Сафа-Гирея “ныне Казанским людем велми тяжко, у многих князей ясаки постъимал да Крымцом подавал; а земским людем великаа продажа: копит казну да в Крым посылает” [92].

В 1487 г. великий князь московский Иван III добавил к своему титулу слова “великий князь болгарский”. Установление протектората над ханством не позволяло ему считаться царем казанским (сам Иван III еще не был царем). Титул “великий князь” переставшего существовать Болгарского государства носил формальный, но, возможно, символический характер и не вызвал возражения со стороны казанского хана и татарских феодалов.

В “Казанском летописце”, как и в “Скифской истории” А.И.Лылова, сказано: в 1508 г. “отвори врата царь градныя и выехав со 20000 конными, а 30000 пешцев, черемисы злыя, и нападе на полки руския... Воевод же великих 5 убиша: трех князей Ярославских, князя Андрея Пенка да князя Михаила Курбскаго, да Карамыша с братом его, с Родоманом, да с Федором Киселевым, а Дмитрея [Ивановича, брата Василия III] же взяша жива на бою, и замучи его царь казанский злогоркими муками. И от тое 100000 ошастася 7000 русских вои” [93].

Событие произошло не в 1508, а в 1506 году. Казанский хан Мухаммед-Амин, ставленник Москвы, известный проведением в ханстве налоговой реформы, поддержанной чувашами, мари́йцами и удмуртами, под давлением татарских феодалов, ориентирующихся на Крым, и ногайцев в 1505 г. изменил московскому великому князю Ивану III и совершил поход с 20 тысячами ногайцев на Нижний Новгород. Современный татарский историк С.Х.Алишев, представитель казанской патриотической школы, на основе достоверных источников указывает, что новый московский великий князь Василий III в апреле 1506 г. с пехотою на судах отправил войска во главе со своим братом Дмитрием Ивановичем и воеводой князем Ф.И.Бельским, сухим путем – конную рать воеводы А.В.Ростовского. Судовая рать, достигнув Казани 22 мая, вступила в бой и была разгромлена татара-

ми. Воеводы отступили. Василий III отправил под Казань новое войско во главе с князем В.Д.Холмским. С приходом конской рати А.В.Ростовского, не дожидаясь войска В.Д.Холмского, Дмитрий Иванович 25 июня 1506 г. начал приступ Казани, но потерпел поражение [94]. С.Х. Алишев пишет: “Лишь автор “Казанской истории” [под 1508 г.] рассказывает, как будто казанский царь поставил до 1000 шатров на Арском поле и организовал не то праздник Сабантуй, не то ярмарку, где праздновали горожане, черемисы, из дальних улусов люди “торговаху з градцкими людьми, продающе и купующе, и меняюще” [Казанская история. С. 61]. На них-то и обрушилось русское войско: многих “поганых варвар казанцев” побили; начали грабить оставшиеся пожитки, “упиватися без ведения ядением и питанием” [Там же. С. 62]. В то время их атаковали казанские войска и наголову разбили московских воевод. Как будто казанцы убили 5 воевод, а Дмитрия Ивановича живым поймали, и царь казанский замучил его; “и от той 100 тысячи остахся 7000 русских вои” и т.д. Во всем этом рассказе правду найти очень трудно. Он почти целиком состоит из вымысла: ярмарку организовать казанцы в такое время не могли, Дмитрий не был пойман, воевода Киселев не был убит и т.п. После неудачи под Казанью князь Дмитрий ушел в Нижний, а воевода Киселев с касимовским царевичем Джанаем пошел к Мурому. Последних настигла казанская погоня в 40 верстах от реки Суры [ПСРЛ. Т. XIII. С. 3–4], но она была успешно отражена царевичем Джанаем и Киселевым... Наконец, в 1508 г. был заключен мирный договор, который установил прежние дружеские отношения между двумя государствами [95].

По словам одного малоизвестного летописного памятника, “воеводы великого князя и город Суреск (т.е. Васильсурск. – В.Д.) на реке на Суре поставили, и Мордву, и Черемису казанскую за государя всея Руси к шерти (т.е. к присяге. – В.Д.) привели” [96]. Хотя М.Н.Тихомиров склонен считать это событие временным присоединением Присурья к Русскому государству, но в цитате речь идет, вероятно, об обязательстве населения Засурья не нападать на Васильсурск. По данным других летописей, Василий III во время основания Васильсурска “отпустил под Казань царя Шигалея въ судовой рати по Волзе, а съ нимъ воеводъ своихъ, такоже и Подем конную со многыми людми, а

велел пленити Казанские места... и великого князя воеводы Казанские места плениша, возвратишася здрави, много пленъ с собою приведоша” [97]. Василий III стремился восстановить протекторат над ханством.

Летом 1524 г. Василий III организовал новый поход на Казань. Согласно летописям, в нем участвовало до 150 тысяч войска (С.Герберштейн даже указывает 180 тысяч). Казань подготовилась к отпору, мобилизовала в армию не только татар, но и чувашей, марийцев и удмуртов, которым приходилось участвовать в боевых действиях под принуждением татарских военачальников и своих сотников. Этот поход в летописи описан так: “Тое же весны послалъ князь великий рать свою х Казани, Шигалея царя, а с нимъ воеводъ своихъ въ судехъ и конми, за их неисправление... И царь Шигалей и великого князя воеводы судовые пришедъ х Казани, и стаща на берегу у Волги, выше Казани на Казанской стороне; а про конныхъ воеводъ сведавши казанцы, что идуть х Казани, и собравшися князи, и мурзы и вся земля Казанская, и встретиша великого князя вьевождъ за дватцать версть отъ Казани от города на Свияге, и бысть имъ бой, и поможе Богъ великого князя вьеводамъ. И на томъ бою многихъ князей, и мурзь, и Татарь, и Черемису, и Чювашу избиша, а иныхъ князей и мурзь многихъ живыхъ поимаша. И снидошяся конная рать съ судовою, и начаша приступати къ граду, и многихъ Татарь подь градомъ побиша; и Казанци видя свое изнеможение и добиша челом великого князя воеводамъ да и шерть дали на всей воли государя великого князя” [98].

Более подробно, но, как признано историками, не совсем точно описывает поход 1524 г. С.Герберштейн. Между прочим он указывает, что Василий отправил из Нижнего Новгорода для оказания помощи своим войскам под Казанью конный отряд в 500 человек и флотилию князя И.Палецкого с продовольствием (по сведениям “Казанского летописца”, и стенобитным нарядом – артиллерией). Конный отряд перебили черемисы, в живых осталось только 9 человек, а флотилию И.Палецкого разгромили они же [99]. Анонимный автор “Казанского летописца” эмоционально описывает разгром его флотилии черемисами [100]. Н.М.Карамзин поверил автору “Казанского летописца” и передал его рассказ в своем изложении: “Там, где Волга, усеянная островами, стесняется между ими, черемисы запрудили реку

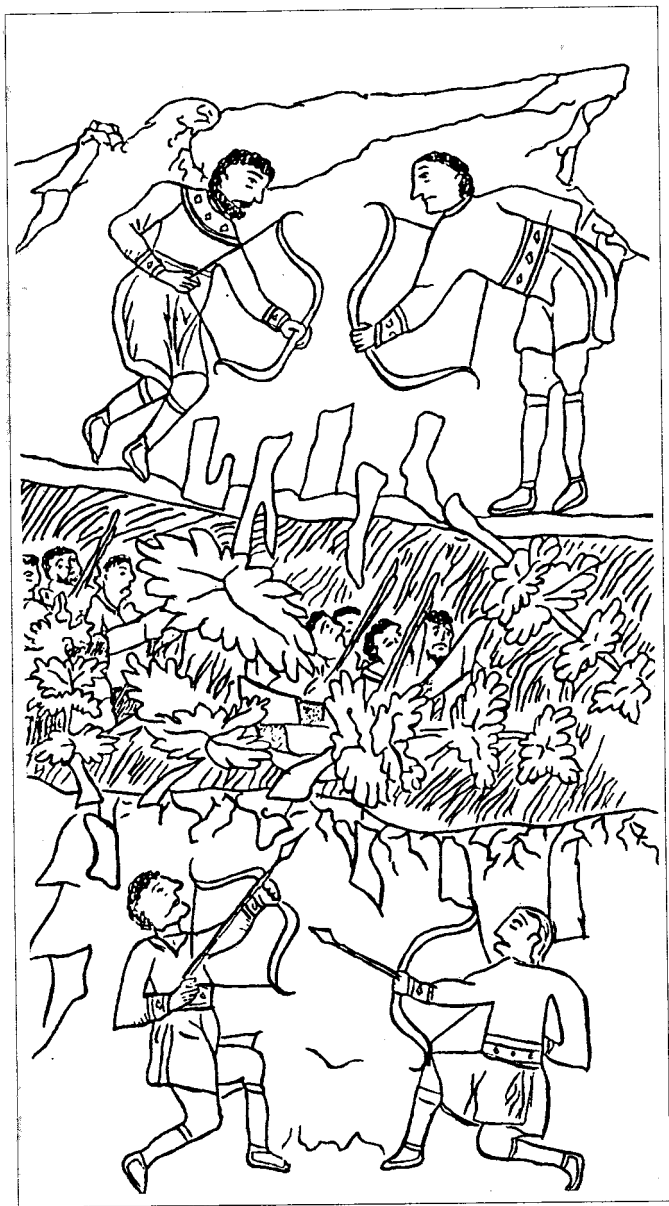

Сражение русских с татарами под Казанью в 1524 году
(Миниатюра из списка «Казанской истории» начала XVII века)

каменьем и деревьями. Сия преграда изумила россиян. Суда, увлекаемые стремлением воды, разбивались одно об другое или об камни, а с высокого берега сыпались на них стрелы и катились бревна, пускаемые черемисами. Погибло несколько тысяч людей, убитых или утопших; и князь Палецкий, оставив в реке большую часть военных снарядов, с немногими судами достиг нашего стана” [101].

Некоторые историки с недоверием относились к рассказу автора “Казанского летописца”. Первый чувашский историк С.М.Михайлов увязывал место разгрома флотилии И.Палецкого с существовавшей на Сундырской горе татарской крепостью (в 15 верстах ниже построенного позже г. Козьмодемьянска на Волге) [102]. Операция по разгрому русской флотилии, несомненно, была подготовлена татарскими военачальниками. Среди исполнителей, вероятно, преобладали черемисы, среди которых были, по-видимому, не только горные и луговые марийцы, но и чуваша. Население Горномарийского района не стало бы участвовать в подобных событиях, если оно уже к 1523 г. было завоевано русскими. Русские войска под Казанью не добились успеха и, неся значительные потери, возвратились в Московию. В “Казанском летописце” сообщается, что на обратном пути воеводы “повоеваша нагорную черемису” [103]. Однако в других летописях об этом не сказано. Замысел Василия III о восстановлении протектората над ханством не осуществился. В мирных переговорах, проводившихся казанскими и московскими дипломатами вплоть до 1530 г., московская сторона безуспешно настаивала на признании русского протектората. В течение шести лет военных столкновений между Москвой и Казанью не было.

В 1530 г. Москва направила против Казани огромное войско, возглавляемое почти 30-ю воеводами. Сафа-Гирей, готовясь к отпору, мобилизовал в свою армию не только татар, чувашей, марийцев и удмуртов, но и пригласил в Казань ногайское и астраханское войска. Ему удалось собрать армию в 100 тысяч воинов. Конница татар совершала нападения на русские войска еще по пути их следования на Казань. “И божиею милостию великого князя воеводы татар и черемису побили и Волгу перевозились на козанскую сторону, и с судовыми воеводами совокупишася месяца июня в 12 день”. Русская армия – судовая рать, конница, пехота, артиллерия – 10 июля 1530 г.

Разгром флотилии И.Палецкого «черемисами» летом 1524 года
(Миниатюра из списка «Истории о Казанском царстве» первой половины XVII века)

одновременно обложила Казань. Начались сражения. "... И бысть бой великъ между обоихъ, и Божию милостию великого князя вьводы царя (т.е. хана. – *В.Д.*) побили, и острогъ (внешний укрепленный город. – *В.Д.*) у нихъ по Булаку взяша, и многихъ людей Казанскихъ побиша, а иныхъ живыхъ переимаша; такоже въ остроге многихъ Татаръ и женъ ихъ и детей и Черемисы бесчислено побиша, а иныхъ плениша, и пушки и пищали у нихъ поимаша, а царь не въ мнозе утече въ градъ". Большие потери понесли и русские войска. Они уже могли ворваться в кремль. "В разгар событий в стан воевод из Казани пришли парламентары Булат-князь, Апай-углан и Табай-князь с предложением мирных переговоров. Посланцы Казани дали письменную клятву в том, что казанцы "во всем будут неотступны от великого князя" и "не брать царя иначе, как из его руки". Удовольствовавшись этим, – а это был основной лозунг правительства Василия, – главнокомандующий И.Бельский возвратился в Москву со всем войском" [104].

Вскоре в Москву прибыло казанское посольство: Табай-князь, Тевекель-князь и Ибрагим-бакши. В ходе переговоров московская сторона выставила следующие условия: 1) великий князь московский признает Сафа-Гирея "сыном"; 2) казанцы и их дети впредь до смерти должны быть верными и служить великому князю; 3) в этом хан, казанские князья и все люди казанские должны присягнуть перед посланным из Москвы боярским сыном; 4) все пленные, пушки и пищали, попавшие в руки татар, должны быть возвращены вместе с московским послом. "На эти условия послы ответили согласиєм, и князья Табай и Тевекель "печати свои приложили, а Ибрагим-бакши руку свою приложил". Для осуществления данного соглашения в январе 1531 года был отправлен сын боярский И.Полев" [105]. Казанские послы оставались в Москве.

26 марта 1531 г. из Казани в Москву прибыли сын боярский С.Нехаев с грамотой И.В.Полева о том, что Сафа-Гирей отверг предложенные условия мирного договора, и представитель Сафа-Гирея Мердень с грамотой хана. Сафа-Гирей требовал от Василия III вернуть ему захваченные русскими военные трофеи и пленных, возвратить послов и прислать в Казань своего большого посла для переговоров [106]. Василий III объявил казанским послам протест. Послы заяви-

ли: “Земля Казанская Божия да твоя государева... А ныне царь (т.е. хан. – *В.Д.*) въ своемъ слове не устоялъ, на чемъ насъ къ великому государю послал бити челомъ, и онъ то все презрель... Пристали къ нему Крымцы, да Нагаи, да тутошние люди лихие, а земля съ нимъ однолично не вместе”. Если Сафа-Гирей не устраивает Василия III, “иного государь царя жалуетъ на Казань пошлетъ?” – спрашивали послы. Они просили Василия III направить Шах-Али (Шигалея), а вместе с ним – их и захваченных в плен татар в Васильсурск, откуда мы “шлемъ въ Казань от себя грамоту, да и къ Черемисе къ Горней и къ Луговой и къ Арским княземъ (т.е. чувашам, марийцам и удмуртам. – *В.Д.*) жаловати и беречи своимъ жалованиемъ, какъ было государево жалование при Магмедь Амине царе, также и ныне хочеть ихъ государь жаловати и беречи землю Казанскую”. После установления русского протектората над ханством в 1487 г. по требованию великого князя московского хан Мухаммед-Амин провел налоговую реформу в отношении ясачных чувашей, марийцев и удмуртов, облегчил их положение. Теперь послы хотят напомнить ясачным людям, что при установлении русского протектората наступит такое же облегчение. Послы вместе с Шах-Али и освобожденными пленными татарами хотели доехать до Васильсурска – восточного пограничного города Русского государства. Выходит, восточнее Васильсурска – территория Казанского ханства. Послы заявили, что у них в Казани “роды есть, и братиа и друзи”, у пленных людей ханства также имеются “отцы, и братиа, и роды, и друзи”, и они выступят против Сафа-Гирея.

В начале сентября 1531 г. по указанию Василия III был направлен в Казань к хану П.Головин, который имел также поручение встретиться с муззой Качигалеем и князем Булатом. В декабре 1531 г. Шах-Али и послы были направлены в Нижний Новгород. Написанные Ибрагим-бакшеем воззвания к казанцам, чувашам, марийцам и удмуртам были доставлены в ханство [107]. В воззвании к чувашам, марийцам и удмуртам подчеркивалось, что по старанию Василия III при хане Мухаммед-Амине им было дано облегчение в податях и повинностях, что и теперь, после отстранения Сафа-Гирея, наступят времена правления Мухаммед-Амина.

17 мая 1532 г. из Казани в Москву возвратился П.Головин и до-

ложил Василию III: “Царь Сафа Кирей Ивана Полева съ товарищи хотель побить, а великому князю недругомъ ся учинить; и какъ пришли отъ великого князя Казанские люди зъ грамотами, а писалъ князь велики въ грамоте ко царевне (Горшедне, сестре Мухаммед-Амина. – *В.Д.*) и ко княземъ и ко всей земли Казанской, какъ ихъ государь хочеть жаловати и беречи, гневъ свой царевне и княземъ и всей земли Казанской отложилъ, и царевна, и Кичигалей мурза, и Булатъ князь в головахъ, и уланы, и князи, и сеиты, и мурзы и всей земли Казанские люди съвокупишися въ едино место и убити не дали, а Сафа Кирея царя по великого князя наказу исъ Казани выслали, и царевыхъ советниковъ Крымцовъ и Нагай, и иныхъ побили, которые царю думали на лихо: Роста князя зъ детми, и Али Шакурова сына и иныхъ князей, а опосле его и царицу его исъ Казани выслали в Нагай къ отцу ее къ Мамаю, а къ великому князю посылають бити челомъ” [108].

Данная цитата свидетельствует о том, что в ханстве произошло всенародное восстание против Сафа-Гирея. В его организации большую роль сыграли Василий III и казанские послы. Указание на участие в нем “всей земли Казанской” позволяет считать, что чувашки и горные марийцы были активными участниками восстания. Ведь к ним обращались его инициаторы, они хотели облегчения в податях и повинностях, как было при Мухаммед-Амине.

Через два дня, 19 мая, к Василию III прибыли из Казани два посланника с грамотами от царевны Горшедны, мурзы Качигалея, князя Булата, уланов, князей, сеита, мурз и “отъ всехъ людей Казанские земли”, в которых сообщалось, что по наказу Василия III хана Сафа-Гирея из Казани выслали, приветствуют намерение великого князя московского беречь Казанскую землю и дать нового хана, но вместо предложенного Шах-Али своим ханом хотят видеть его брата, касимовского хана Джан-Али. Василий III согласился с кандидатурой Джан-Али. Шах-Али, узнав об этом, тайно от Василия III начал добиваться казанского престола, за что он и около 200 человек его окружения были подвергнуты жестокой репрессии. 29 июня 1532 г. Джан-Али был провозглашен казанским ханом [109]. Русский протекторат над ханством был восстановлен.

Летописные записи Марка Левкеинского сообщают, что в 1534 г.

“наши воеводы ходили в Литовскую землю месяца генваря 2 день”. После перечисления имен шести русских воевод-князей сказано: “Да с ними многие воеводы, да татарове косымовьские, да иные многие татарове, да мордва, да черемиса, да чувашене.., да иные многие языки неверных воевали Литовскую землю...” [110]. С.Х.Алишев полагает, что “вассал Москвы Джан-Али в том году посылает свои полки, состоящие из татар, мари, мордвы и чувашей, против Литвы, с которою воевала тогда Россия” [111]. Однако в источнике не сказано, что воины перечисленных народов направлены ханом Джан-Али. Вероятно, они были завербованы Москвой. Ведь в 1534 г. Джан-Али фактически изменил России.

Сторонники изгнанного хана Сафа-Гирея добились совершения в Казани государственного переворота. Воскресенская летопись сообщает, что 25 сентября 1535 г. “Ковьгоршадъ царевна, и Булатъ князь, и вся земля Казанская великому князю Ивану Васильевичю изменили, Яналея (т.е. Джан-Али. – В.Д.) царя убили.., а взяли къ себе на Казань царемъ ись Крыма Сафа Киреа царевича” [112]. Сафа-Гирей восстановил в ханстве крымскую администрацию, жестокие порядки и стал вести агрессивную политику в отношении Русского государства.

В малолетстве великого князя Ивана IV, когда Русским государством правили бояре, не только Крымское ханство, но и Казанское развернули разорительные и грабительские набеги на русские земли. А.Г.Бахтин обстоятельно, со ссылками на источники, анализирует набеги на Русь, совершенные казанцами (Ниже приведены выдержки из его книги). Еще при хане Джан-Али, русского ставленника, но попавшего под влияние восточной партии в Казани, татары начали набеги на русские земли. Летом 1534 г. казанцы совершили нападение на Вятку. “Русское правительство в связи с этим подтвердило грамоту от 1522 г., предписывающую проживавшим в Вятской земле татарам, удмуртам и чувашам вместе с русскими участвовать в отражении казанских набегов”. Осенью 1534 г. татары и черемисы (луговые маришцы. – В.Д.) совершили набег на Галич. “Зимой 1534/35 гг. “приходили многие казанские люди к Нижнему Новгороду и Новгородские места многие пусты учиниша... полону без числа много поимали, жен и детей боярских да и черных людей с женами и з детми

Привод русских пленных на невольничий рынок Казани
(Миниатюра из списка «Казанской истории» начала XVII века)

многих поймали”, – записал летописец”. Заняв казанский престол в сентябре 1535 г., Сафа-Гирей “сразу же мобилизовал казанцев на войну с Россией”. В октябре 1535 г. “приходили татарове и черемиса” на Галицкую землю, ограбили и разорили ее, “в Галиче половину посада сожгли”. “24 декабря появились под Нижним Новгородом и Балаханой, сожгли посады и несколько недель грабили близлежащие волости”. В ту же зиму “приходили татарове казанские и черемиса, многие люди в Коряково”. Русские воеводы “татар и черемису” многих побили, привели в Москву, и они были казнены. 30 июля 1536 г. большой отряд казанцев вторгся в костромские и галицкие места, убили двух князей и многих детей боярских. Зимой 1536/37 г. сам Сафа-Гирей возглавил поход, подошел к Мурому, сжег посад. Узнав о приближении русских войск, повернул назад. Тогда же казанцы разоряли северные районы Руси, дошли до Вологды. В 1537 г. Сафа-Гирей снова совершил поход на Муром, где сжег посады, и Нижний Новгород, где также сжег посад (сгорело 200 дворов), в течение шести часов продолжался бой между нижегородцами и татарами. Зимой 1537/38 г. “ходиша татарове по московским городом, в Костромщины, и в Муромщины, и в Галич, и в Вологде”, все “пограбиша и пожгоша”, “житных людей, и жен младых, и отроков поведоша во свою землю”. Татарами была ограблена и Нижегородская земля. В Вологодской земле казанцы “собра полона безчислено, отоидоша прочь”. Мирные переговоры между Москвой и Казанью осенью 1539 г. Сафа-Гиреем были прерваны, и он возобновил вторжения на Русь. “Осенью 1539 г. Сафа-Гирей с войском подходил к Мурому и опустошил нижегородские земли. Другой казанский отряд во главе с князем Чюрой Нарыковым 20 сентября захватил Жиланский городок. В феврале-марте 1540 г. тот же Чюра Нарыков с восьмитысячным войском, в котором были татары, черемисы и чуваша, опустошил костромские места. Русские воеводы смогли догнать казанцев, однако те не только отбились, но и нанесли русским значительный урон”. В декабре 1540 г. Сафа-Гирей напал на Муром, увел с собой значительный полон. В сентябре 1541 г. казанские татары совершили набег на Нижний Новгород, убили 36 нижегородцев и увели много пленных. Зимой 1541/42 г. тридцатитысячное казанское войско, в составе которого были также крымцы и ногайцы, разорило муромские волости и половину владимирских во-

лостей, Стародуб и Ряполов, увело в Казань большой полон. В 1542 г. 4000 татар и черемис напали и ограбили Вятскую и Устюжскую земли. Награбленную добычу и пленных решили увести на плотках. Но под Котельничем вятичи полностью уничтожили татар, “марийцам же удалось прорваться в лес и уйти на р. Пижму”. В 1543 г. Сафа-Гирей опять напал на Муром, разорил волости и увел в плен жителей. В 1544 г. татары и марийцы ограбили нижегородские места. Зимой 1544/45 г. казанцы совершили набег на Владимирские места и “полону много имали”.

Недавно в выходящем в Казани журнале “Эхо веков” опубликованы три письма Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I Старому, написанные в 1538–1545 годах. В них Сафа-Гирей указывал, что “Землю московскую звоевал и опустошил... Зо всем своим войском был и замки (т.е. крепости, города. – *В.Д.*) иншии (т.н. иные. – *В.Д.*) побрал, и иншии попалил, и со всем войском своим был есми за Окою рекою далеко в земли неприятельской”. Хан указывает, что в походах участвовали по 10, 40 и даже 70 тысяч воинов, причем не только казанцы, но и ногайский мурза Алей с 10000 воинов и 1000 астраханцев “И теперь тоя земля та есть пуста... до Студеного (Белого? – *В.Д.*) моря”. В одном письме хан указал, что Вятскую землю взял и берет с нее дань. Сафа-Гирей отвергал мирные инициативы Москвы. “Князь великий московский, – писал Сафа-Гирей королю, – присылал до нас послов и гонцов своих, просячи и жадаючи мене: а быху з ним валки не мел и мир быху з ним принял. И я того не хотел и миру з ним не принял”. Как итог А.Г.Бахтин приводит сообщение Никоновской летописи: “... Воевали казанцы в те годы по украйнам государя нашего никым взбранями, и много христианства погубиша и грады пусты створиша. А воевали казанцы и грады пусты сотворили: Новгород Нижний, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, Заволжье, Галич с всем, Вологду, Тотму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многие лета...”. По другим источникам, казанцами были разорены также Владимир, Шуя, Юрьевец Вольский, Кострома, Кинешма, Унжа, Касимов, Темников и др. Сам Иван IV писал: “От Крыма и от Казани почти половина земли пустовала” [113].

О характере походов казанцев на русские земли в 1534–1545 гг. автор “Казанского летописца” написал особую главу “От казанцев

пленение Рускую землю и осквернение от них святых церкви и нарушение от них крестьяном православным”. В ней он пишет: “И кто бо тогда изрещи может беды сия за многа лета от казанцов и от поганья черемиса православным крестьяном, паче Батыя... Казанцы... овогда с царем своим, овогда же с воеводами воююще Русь, и посекающе, аки сады, руския люди и кровь их, аки воду проливающе... Мнози гради рустии раскопаша, и травую и былием заростивша, села и деревни, многия улусы орастеша былием от варвар (автор татар называет варварами. – *В.Д.*). Великия монастыри и святыя церкви оскверниша... И продаваша русьский плен в дальния срачины... Над мирскими девицами, предо очию отцов и матерей их, насильствующе... Православнии же крестьяне по вся дни татары и черемисою в плен ведома суть ... так пометаху по земли: тело валяшесе и после умираше. Иным же главы отсецаше и надвое рассекаху, овии же удами (т.е. крючками. – *В.Д.*) за ребра и за ланиты пронизающё, повешаху, а иных на колья посаждаху около града своего... Злато и серебро в мегновении ока поймавше. Погани же казанцы все к себе поимаху попленную Русь и прещаху им, мужеска пол и женеск, в срачиньскую веру принуждаху прияти... Варвари и черемиса крестьян губяху. А кои бо же не хотеху веры прияти, и тех, яко скот, овех толпами, перевязанных, держаше на торгу, продаваху иноземцом поганым... Велик бо плач, и скорбь, и беда, и стонание [на Руси] отя языка (т.е. народа. – *В.Д.*) поганого” [114]. В 1540-х гг. в Казанском ханстве томилось 100 тысяч русских полоняников. Десятки тысяч пленных были проданы в рабство в юго-восточные страны.

В эти годы чуваша, марийцы, удмурты, восточная мордва и западные башкиры принудительно призывались в ханское войско, и им приходилось участвовать в грабительских набегах на русские земли, погибать ради обогащения Сафа-Гирея и татарских феодалов.

Награбленные богатства Сафа-Гирей отправлял в Крым для ведения агрессивной политики. Для отправки увеличил размеры сбора ренты и налога с ясачных людей, пригонял их в Казань на работы по укреплению крепостных сооружений. В ханстве росло недовольство его внутренней и внешней политикой. Приближалась развязка.

МИРНОЕ, ПО ЧЕЛОБИТЬЮ, ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЧУВАШИИ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Если Москва до середины 40-х гг. XVI в. стремилась к установлению протектората над Казанским ханством (а народы Горной стороны поддерживали эту политику), то в 1545 г., начав Казанскую войну, Иван IV переходит к политике покорения ханства. Эта политика была выработана под влиянием Избранной рады и “Большой челобитной” идеолога дворянства И.С.Пересветова, который указывал Ивану IV, что “Казань – богатая, хотя и небольшая “землица”, уже давно в “недружбе” по отношению к Москве, что он (Иван IV) слишком долго терпит ее существование и от нее “кручину... великую принимает”, что этого делать не следует. Пересветов писал, что по плодородию своих угодий “казанская землица” может быть сравниваема с “подрайской землей”, что эту землю необходимо присоединить к России для поместной раздачи русским дворянам [115]. Иван IV, разумеется, имел в виду и более широкие планы присоединения восточных земель, и овладение Волгой, и развитие торговых сношений России. Все это было облечено в форму необходимости борьбы с “неверными” для защиты православных.

В 1545 г. Российское государство начало Казанскую войну. Согласно летописям и разрядным книгам, в апреле 1545 г. из Нижнего Новгорода была направлена флотилия в составе трех полков. Из Вятки также на судах отправились полки князя В.С.Серебряного-Оболенского и вятского наместника князя Ю.Г. Мещерского. Обе флотилии встретились в устье Казанки. В.Г.Серебряный-Оболенский “идучи ... Вяткою и Камою многих людей Казаньскихъ побилъ. И вьеводы великаго князя... пришедь къ городу Казани, людей Казаньскихъ

многих побили и кабаки царицы пожгли; а в Свягу-реку посылали воеводы от себя детей боярскихъ и тамо Божию милосердиею также многих людей Казанскихъ побили, и Тевлекеева сына княжево Муртозу мырзу изымали с сыном его, а жену Муртозину и иных детей его побили; и Божиею милостию великаго князя воеводы ис Казанские земли пришли съ всеми людьми здравы”. Как видим, удары русских войск пока были направлены против татарского военнo-служилого населения, в том числе и в низовьях Свяги. А от похода “начаша рознь быти в Казани”. Хан Сафа-Гирей “почаль на князей неверку дрѣжати, “вы деи приводили воеводу великаго князя”, и учаль ихъ убивати; и они поехали многие ис Казани къ великому князю, а иные по инымъ землямъ” [116].

Татарские феодалы московской ориентации в октябре-декабре 1545 г. подняли восстание против Сафа-Гирея и его крымского окружения, оно переросло во всенародное восстание. “Казанский летописец” указывает: “Воста в Казани в вельможах и во всем народе, и во всем люду казанском смятение великое; воздвигоша бо крамолу, все соединившиися болшие с меншими, на царя своего Сапкирея и свергоша его с царства, и выгнаша ис Казани со царицами его, и мало не убиша за сию вину, что он приемляше свояземца (т.е. земляков. – В.Д), крымских срацын, приходяще к нему в Казань, велможам им быти устрояше, и богатыше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцев, любляше и бережаше их паче казанцев. И побеже царь в Ногаи” [117]. В этом восстании не могли не участвовать и чуваши, и горные марийцы, поддерживавшие русский протекторат над Казанью.

Весной 1546 г. казанским ханом стал ставленник Москвы касимовский хан Шах-Али. Ему, ехавшему в Казань, чуваши устраивали по пути встречи, приветствовали, выражая тем самым свои симпатии к Русскому государству [118]. Но в Казани агрессивная по отношению к Москве группировка светских феодалов и мусульманского духовенства встретила нового хана враждебно, настраивала против него население. Шах-Али пробыл на престоле только один месяц и сбежал, приказав убить 20 наиболее ненавистных ему казанских вельмож, других 20 вельмож связать и взять с ним в качестве заложников. Из-за этого возмущенные сторонники крымской партии перебили большое количество неповинных сторонников московской партии.

Ее лидер Чура Нарыков был казнен, а его тысячный отряд уничтожен [119].

Сафа-Гирей после изгнания с казанского престола поспешил в Астрахань, получил астраханское войско и пришел под Казань. После двух месяцев осады города, ничего не добившись, он отступил и направился к своему тестю князю Юсуфу в Ногайскую орду. Позже, в 1551 г., сыновья Юсуфа Юнус мирза (мурза) и Али мирза (прототип вымышленного казанского хана Али-Акрама 1555–1556 гг.), недовольные обманом Сафа-Гирея в 1546 г., написали “белому царю” Ивану IV письмо, в котором сообщали, что Сафа-Гирей “к Богу да к Юсуфу князю плакаться пришел есми, чтобы ныне Юсуф князь пожаловал дал мне (т.е. Сафа-Гирею. – *В.Д.*) рать. И братью бы свою меньшую их детей своих послал. А в Казани деи тех людей много, которые нас хотят, только деи с мангитскою (т.е. с ногайскою. – *В.Д.*) силою поиду, и они деи меня возмут. А возму деи Казань, и язъ деи князю [Юсуфу] и вам дам Горную сторону, да и Арскую... На том нам Сафа-Гирей царь в головах и все крымцы роту (т.е. клятву. – *В.Д.*) и правду дали. И отец наш Юсуф князь в головах да и мирзы такъ же приговорили. Да и послали нас с Сафагиреем царем ратью... Как есмя пришли блиско Казани, аже Жигалей царь ис Казани пошел... А земля (т.е. ханство. – *В.Д.*) стояла без царя и без государя. И мы шед, восемь день стояли под городом, и билися есмя. Добрые к нам казанские люди не приехали, приехали к нам худые люди. И мы Казань взяли, да и дали Сафа-Гирею царю. А сами есмя опять в Мангиты (т.е. в Ногайскую орду. – *В.Д.*) пришли. А царицы (т.е. Сююмбике. – *В.Д.*) у нас в Мангитах зимовали. И на другое лето Сафагирей царь к отцу нашему к Юсуфу князю и к нам прислал, чтобы деи Юнус мирза царицы (т.е. Сююмбике. – *В.Д.*) привел ко мне, а сам бы деи на Мангитском месте князем был. А отцу деи и дядем твоим дадим Горную сторону, и Арскую сторону. А ко мне приказал хотел мне (т.е. Юнусу. – *В.Д.*) дати мангитские доходы. В кою пору от него посол пришел и ... царицы (т.е. Сююмбике. – *В.Д.*) к нему повез. И Сафагирей царь и все ево крымцы как взяли царицы (т.е. Сююмбике. – *В.Д.*) в свои руки, отцу нашему и нам свою роту и правду изменили, отцу нашему и дядем нашим Горние стороны и Арские не дали, а меня (т.е. Юнуса. – *В.Д.*) в Казани

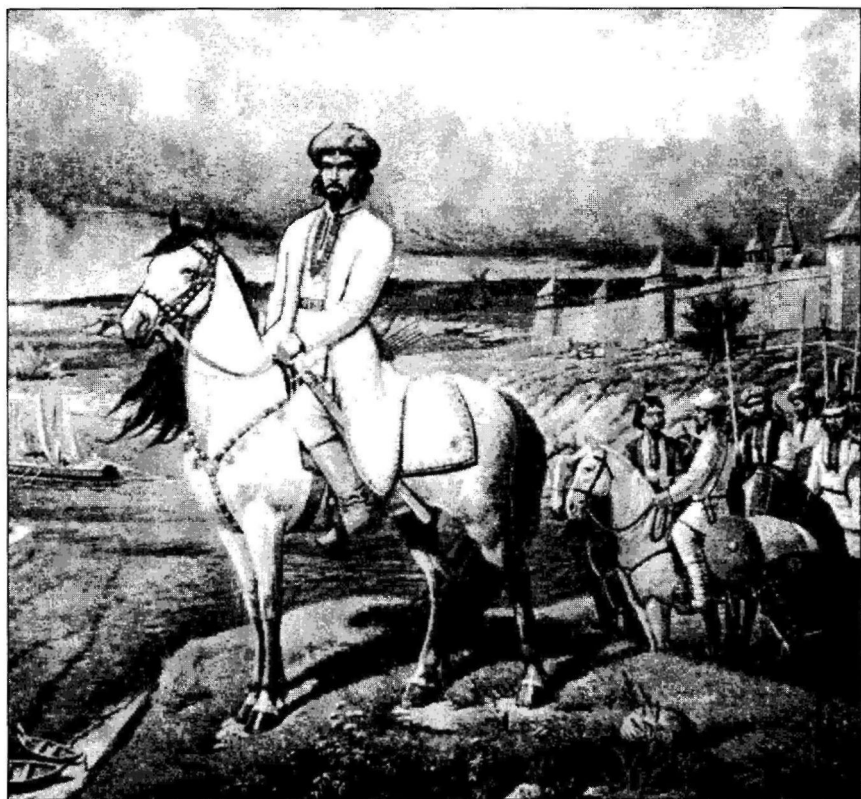
князем не учинили. И мы на Сафагирея царя разгневались” [120].

Зная Казань в третий раз, Сафа-Гирей решил ликвидировать всю феодальную оппозицию. Начались массовые казни. Многие князья, мурзы и татары-казаки сбежали в Москву и Ногайскую орду. В 1551 г. в Москве их насчитывалось более 500 человек, а в 1552 г. число казанских беженцев, включая членов семей и слуг, достигло 10 тысяч [121].

Весть об обещании Сафа-Гирея передать Горную и Арскую стороны Ногайской орде без сомнения была доведена до населения Горной стороны кочевыми ногайцами. Перспектива подчинения Горной стороны кочевой Ногайской орде, от грабительских нападений которых чуваша сто с лишним лет назад потеряли всю Болгарскую землю, все свои города и селения, преобладающую часть своего народа убитыми и уведёнными в плен для продажи в рабство, а затем страдали каждый весенне-летний сезон, не могла не показаться населению Горной стороны страшнее всего. Мною было высказано предположение, что осенью 1546 г., после завершения уборки, население Горной стороны восстало против Сафа-Гирея и направило в Москву своих представителей с просьбой о помощи.

Т.Г.Гусев и М.Н.Тихомиров не знали о письме сыновей ногайского князя Юсуфа – Юнуса мурзы и Али мурзы, поэтому каких-либо выводов по его содержанию не могли сделать. М.Н.Тихомиров, как и Т.Г.Гусев, знал лишь следующую цитату из Никоновской летописи: “[1546 г.] Декавриа 6, прислали къ великому князю бити челомъ горня Черемиса Тугай съ товарищи дву Черемисиновъ, чтобы государь пожаловаль, послалъ рать на Казань, а они съ воеводами государю служити хотять. – Тоя же зимы послал князь великий князя Александра Борисовича Горбатого и иных своих воеводъ Казаньскихъ месть воевати, по горнихъ людей челобитию; и великого князя въеводы ходили до Свяжьского устия и Казаньские места многие воевали и привели к Москве сто человекъ Черемисы” [122]. Аналогично сообщение Львовской летописи, лишь вместо 6 декабря в ней указано 7 декабря [123]. А.В.Изоркин неверно заявляет, что такую челобитную подали татарские князья, жившие в Москве.

На основании этой цитаты М.Н.Тихомировым был сделан поспешный вывод о добровольном присоединении Чувашии к России

Отряд «горной черемисы» в середине XVI века
(Рисунок из книги: *Иванов А.Г., Сануков К.Н. История
марийского народа. Йошкар-Ола, 1999*)

в 1546 г. Это утверждение в 50-х–60-х гг. XX в. получило всеобщее распространение в советской исторической литературе. В 1966 г. впервые была опубликована «Разрядная книга 1475–1598 гг.», в которой имеются следующие строки: «Лета 7055 (1547)-го февраля посылка в казанские места боярина и воеводы князь Александра Борисовича Горбатого и иных воевод по челобитью горные черемисы сотника Атачика с товарищи, что оне хотели государю великому князю служити и великого князя воевод за Василем городом встретити, и с воеводами итти х Казани. И велел князь великий воеводам из Нижнева Новагорода итти в казанские места по полком:

В большом полку воеводы боярин князь Александр Борисович Горбатого да князь Семен Иванович Мукулинской.

В передовом полку воеводы князь Петр Иванович Шуйской да князь Юрьи княж Иванов сын Деев.

В правой руке воеводы князь Иван Васильевич Пенков да князь Дмитрей Иванович Немаго.

В левой руке были воеводы Яков Иванович Сабуров да князь Иван княж Федоров сын Сухово Мезецкого.

В сторожевом полку были воеводы князь Василей Федорович Лопатин-Оболенской да князь Андрей княж Васильев сын Нагаев Ромодановского” [124].

В 1950 г. М.Н.Тихомиров не знал и о сведениях “Хронографической летописи”: “Тое же зимы посыла[л царь] и великий князь из Мурома в К[азаньские] места боярина и воеводу сво[его кня]зя Александра Борисовича [Горбатого] да князя Семена Иванов[ича Микулинского] и иных своих воевод со многими людми Московские земли и Новгородские по челобитию черемисы Горние стороны, а просила Горняя черемиса царя Шигалея на Казань, а хотели итти к Казани и царя с Казани сослати. И бояре царя Шигалея не отпустили, а послали воевод казанских мест воевати Луговые стороны, а к городу ходити не велели. И царя и великого князя воеводы в казанских местех черемису Луговые сторо[н]ы воевали и пришли дал бог со все[м]и людми здорово, а не доходили до [Ка]зани за 30 верст. А черемиса мно[гая] Горние стороны пришла была [к вое]водам и, разведав то, что [с вое]водами царя Шигалея нет, и [он]и поворочались назад, а иную чере[мис]у воеводы у себя оставили и к Москве привели” [125].

В свидетельствах приведенных трех источников об одном событии имеются некоторые разноречия. Согласно первому источнику, горные черемисы (чуваша и горные марийцы) “Тугай съ товарищи” направили в Москву к Ивану IV двух своих представителей. Тугай был, по всей вероятности, чувашским сотным князем, у него была деревня Тугаево, после присоединения к России волость была названа его именем (с 1589 г. входила в Цивильский уезд). Второй источник указывает, что челобитье в Москву было подано сотником (сотным князем) Атачиком “с товарищи”. Третий источник не называет имени предводителя чувашей и горных

марийцев, указывает на челобитье черемисы Горной стороны.

Обращения чувашей к Москве были и до, и после 1546 года. Исторические предания сообщают об обращении представителей чувашского народа к русским властям, московскому правительству за помощью в борьбе против казанских ханов. На городище под д. Изамбаево Ядринского района, по преданию, жил и бесчинствовал над чувашскими крестьянами татарский властелин. “Выведенные из терпения чуваша пожаловались на него русскому царю, и тот выслал против властелина войско” [126]. В предании, записанном С.М. Михайловым в 50-х гг. XIX в., повествуется, что чувашский наездник с Присурья Сарый со своей дружиной перебил отряд татарского феодала, который пытался увести его дочь на посрамление. “После такого поступка не оставалось Сарью ждать хорошего от казанского хана, и потому он обратился к русскому царю, давши обещание быть вожакom, чтобы указывать войскам все дороги и укрепления, какие тогда находились у татар”. Сарый, по преданию, часто ездил в Москву [127]. В другом чувашском предании, опубликованном еще в 1884 г., имя героя Анчик очень похоже на имя сотника Атачика из “Разрядной книги”. Чуваша во главе со сборщиком податей Анчиком, говорится в предании, восстали против казанского Абдул-хана. Когда хан выступил с отрядом на усмирение восставших, “Анчик со своими участниками ушел к русскому царю... Царь спросил Анчика, можно ли на них положиться. Анчик ответил, что они не только не изменят русским, но сами будут участвовать в походе против татар и укажут дорогу. Он даже уверил царя, что и татары будут рады русским, потому что и между ними есть много недовольных ханом за то, что его слуги, богатыри-воины, разбойничают над всеми. Тогда русский царь Иван Васильевич велел чувашам помогать, показывать дорогу, через реки класть мосты” [128].

Согласно приведенным источникам, просьба чувашей и горных марийцев заключалась: 1) “чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они съ воеводами государю служити хотять”; 2) “что оне хотели государю великому князю служити и великого князя воевод за Василем городом встретити, и с воеводами итти х Казани”; 3) “а просил Горня черемиса царя Шигалея на Казань, а хотели итти к Казани и царя с Казани сослати”. Из всех трех источников видно, что чуваш-

ши и горные марийцы, восставшие против хана Сафа-Гирея, обещавшего Ногайской орде передать ей Горную сторону, просили Ивана IV свергнуть Сафа-Гирея, заменить его касимовским ханом Шах-Али, которого они поддерживали еще весной 1546 г. при занятии им казанского престола, обещали помогать русским полкам своими отрядами, готовыми встретить их за Васильсурском.

Чуваши и горные марийцы еще не знали, что Московское правительство стремится присоединить к России все ханство, и полагали, что политикой Москвы все еще является установление русского протектората над ханством. Они пока что были рады этому. В годы русского протектората 1487–1521 гг. ханом Мухаммед-Амином была проведена налоговая реформа, принесящая облегчение ясачным чувашам и горным марийцам, но затем отмененная либо Сахиб-Гиреем, либо Сафа-Гиреем. В годы протектората прекратились военные действия между казанцами и русскими, перестали призывать ясачных чувашей и горных марийцев в ханскую армию, не стали проходить по горномарийской и чувашской территориям ханские и русские войска, обирая селения, не происходило на них военных действий. Следовательно, пока чувашаи и горные марийцы допускали лишь возможность свержения ненавистного им режима Сафа-Гирея, обещавшего нагайцам передать Горную сторону и против которого они уже восстали, т.е. возможность установления русского протектората над ханством с передачей престола хану Шах-Али.

Второй источник сообщает, что в поход по челобитью горных людей пять русских полков выступили из Нижнего Новгорода, а третий источник указывает, что Иван IV направил полки в Казанские места из Мурома. Достоверным нам представляется сообщение разрядных книг. К тому же сам третий источник указывает, что полки воевали на Луговой стороне. Не исключено, что вначале некоторые полки собрались в Муроме, затем направились в Нижний Новгород.

Каким был результат похода русских полков на Казанскую землю в феврале 1547 года? Первый источник конкретно не указывает, на Горной или Луговой стороне воевали русские полки, отмечает лишь, что полки дошли до устья Свияги, что давало некоторое основание полагать, что полки воевали на Горной стороне и очистили территорию Чувашии от татарской военной силы и администрации. Но тре-

тий источник конкретно подчеркивает, что “бояре царя Шигалея не отпустили, а послали воевод казанских мест воевати Луговые стороны, а к городу ходити не велели”. Полки воевали на Луговой стороне, наверное, против имевшихся здесь татар, а также луговых мариЙцев, поддерживавших татар. Не дошли до Казани на 30 верст. Много чувашей и горных мариЙцев (разумеется, их военные отряды) прибыли к русским полкам, но узнав, что не прибыл Шах-Али, что им не будет смещен Сафа-Гирей, отошли от них. И первый, и третий источники прямо не указывают, кем – луговыми мариЙцами или чувашами и горными мариЙцами были 100 человек, взятых в Москву полками. Если это были луговые мариЙцы, то они могли быть аманатами, заложниками, отвечающими за то, что луговые мариЙцы не будут выступать против русских. Если же это были горные люди, то они – сторонники Москвы, готовые служить ей.

Источники свидетельствуют о том, что в 1546, даже в 1547 гг. никакого добровольного вхождения Чувашии в состав России не было и не могло быть. В 1547 г. Русское государство не имело возможности и сил свергнуть, по просьбе горных людей, Сафа-Гирея и поставить на его место Шах-Али. Ни в одном источнике не указывается, что до июня 1551 г. Горная сторона (с западной границей по р. Сура) входила в состав Русского государства. В декабре 1546 г. чувашаи и горные мариЙцы обещали Ивану IV, что их отряды встретят русские полки за Васильсурском, т.е. на правом берегу Суры.

Конкретное указание третьего приведенного источника о военных действиях русских полков на Луговой стороне говорит о том, что в 1546 г. в результате восстания чувашей и горных мариЙцев против Сафа-Гирея Горная сторона была очищена от казанской военной силы и ханской военно-чиновничьей администрации. Наверное, поэтому во время похода русских войск на Казань 1547/48 г. сборным пунктом явился район устья р. Цивиль, в гуще чувашских селений [129]. И во время похода 1549/50 г. на Казань русские войска беспрепятственно прошли по территории Чувашии. Об этом свидетельствует и письмо ногайского князя Юсуфа Ивану IV, направленное в 1549 году. После смерти Сафа-Гирея в 1549 г. политическая ориентация Юсуфа стала промосковской. Юсуф советует Ивану IV: “Да сколько ни будет чувашаи, и черемисы, и [э]рзян, и мордвы, всех бы еси с Шигалеем царем

[к] Казани послал” [130]. Юсуфу хорошо было известно, что перечисленные им правобережные народы – восточная мордва, чуваш и горные марийцы фактически не подчинялись Сафа-Гирею, не поддерживали его и были готовы поддержать Шах-Али. Возражения А.Г.Бахтина против приведенных положений, к сожалению, не убедительны [131].

В третье правление Сафа-Гирей не сумел организовать набеги на русские земли так же успешно, как во второе. В сентябре 1548 г. был совершен набег казанских татар на костромские места, в марте 1549 г. – на Муром. В декабре 1549 г. союзные казанцам ногайцы напали на Мещеру и рязанские места. Все три набега были отражены русскими [132].

Осенью 1547 г. Иван IV с согласия митрополита и боярской думы решил совершить поход “на своего недруга” Сафа-Гирея и “на клятвopеступников казанцев”. В декабре во Владимире собралось пять полков и артиллерия. Большой полк возглавляли воеводы князя Д.Ф.Бельский и Д.Д.Пронский. Касимовскому хану Шах-Али в сопровождении астраханского ханыча Едигера было приказано с касимовским войском и пятью русскими полками направиться по Горной стороне из Мещеры (Касимова) к устью Цвиля и соединиться с основными русскими силами. Иван IV шел с полками и артиллерией до Нижнего Новгорода, куда прибыл 26 января 1548 года. В начале февраля войска с Иваном IV прибыли на остров Роботка под Нижним Новгородом. Здесь наступила теплая погода, многие пушки и пища-ли утонули в Волге, по ней двигаться стало невозможно. Иван IV возложил руководство походом на князя Д.Ф.Бельского, приказал ему соединиться с войском Шах-Али в устье Цвиля, откуда идти на Казань, сам возвратился в Москву. 18 февраля войска Д.Ф.Бельского и Шах-Али, всего 10 полков и артиллерия, сошлись в устье Цвиля и двинулись на Казань. Сафа-Гирей “со многими людьми встретил царя Шигалея и воевод великого князя на Арском поле”. Воевода С.Никulinский “передовым полком наступил и Казанских людей многих побил, а самого царя (т.е. хана. – В.Д.) в город втопташа, и стояща около града Казани семь день воюя”. Ничего не добившись, русские войска вернулись домой. Источники не сообщают о стычках с военными или местными жителями ни на Горной, ни на Луговой сторонах [133].

После смерти Сафа-Гирея (март 1549 г.) ханом был провозглашен его двухлетний сын Утямиш-Гирей. Правительство возглавил крымский улан Кошак.

✓ Поход на Казань 1549/50 г. Иван IV задумал еще в июле 1549 года. К 14 ноября 1549 г. во Владимире, Суздали, Шуе, Муроме, Костроме, Ярославле, Юрьеве, Ростове было мобилизовано более 10 полков, подготовлены артиллерийские подразделения. Затем все части собрались в Нижнем Новгороде. Сюда же прибыли из Касимова Шах-Али и ханыч Едигер со своими татарскими полками, а также казанские князья, мурзы, служилые татары, возглавляемые Табаем князем и Костровым князем. Иван IV прибыл в Нижний Новгород 18 января 1550 года. Из Нижнего он выступил 23 января, “а передь нимь полки по чиномъ и нарядъ (артиллерия. – В.Д.) пошель”. 12 февраля Иван IV “пришелъ къ городу Казани съ всемъ вьиньствомъ” и расставил войска вокруг города: сам расположился у Кабана-озера; хан Шах-Али, большой и передовой полки стали на Арском поле; царевич Едигер, полки правой руки, левой руки и сторожевой – за рекой Казанкой; большой наряд – у устья Булака, второй наряд – у Поганого озера. Иван IV велел также поделать туры для приступа к крепости. “И приступъ ко граду былъ [и града не взяша, а множество много людей по обе (ст)страны побито, а въ городе с пушек убили царевича меншицына сына да Крымца Челбана-князя. А долго было стояти]”. Но, по сообщению летописей, погода испортилась, пошли “дожди великие”, стало невозможно развернуть наступление на крепость [134].

А.Г.Бахтин со ссылкой на публикацию Х. Шерифи “Зафер наме-и Вилает-и Казан”(Эхо веков. 1995, май. С. 92.) пишет: “Обнаруженное в одном из турецких архивов письмо, датированное 1550 г. и направленное султану принимавшим участие в обороне Казани астраханцем Шерифи, свидетельствует о значительных потерях как среди казанцев, особенно страдавших от русской артиллерии, так и о неисчислимых потерях среди русских. По его словам, “два войска, утонув в железе, одинаково дрались и воевали один против другого... Это было такое сражение – будто судный день, мир заполнился звуками кинжалов, в городе Казани кровь текла рекой”. Победа досталась казанцам. “Грешние неверные, погибнув таким образом, на двух равнинах крепости лежали пищей для собак, куском для волков и гиен.

Не было места, куда можно было бы ступить ногой”, — пишет Шерифи [135].

25 февраля русское войско, не достигнув цели, тронулось в обратный путь. “И пришелъ царь и великий князь на Свяягу и въехал на Круглую гору, и съ нимъ мало отъ вой его, яко 30, и размотри величество горы тоя”. Царь посоветовался с ханом Шахом-Али, татарскими князьями и сопровождавшими его русскими военачальниками и решил поставить на Круглой горе “град Казанского для дела и тесноту бы учинити Казаньской земле”. И по пути на Казань, и на обратном пути русские войска не причинили населению Горной стороны никаких неудобств [136].

Перейдем к рассмотрению исторических фактов, относящихся к мирному присоединению Горной стороны к Российскому государству в 1551 году. Сведения по этому вопросу, в основном одинаковые, сохранились в Никоновской, Львовской, Александро-Невской, Лебедевской и других летописях, в Царственной книге, Летописце начала царства. С летописными сведениями совпадают и данные 2-й части I тома “Разрядной книги 1475—1605 гг”. Сведения литературно-летописного сочинения “Казанский летописец” отличаются от летописных. Мне в своих работах приходилось приводить свидетельства источников о мирном присоединении Горной стороны к Российскому государству в своем переизложении. В настоящем издании решил цитировать все основные источники и только затем делать выводы.

По возвращении в Москву Иван IV, пригласив к себе Шах-Али, братьев Юрия и Владимира, членов Боярской думы и казанских князей, нашедших пристанище в Москве, советовался о сооружении города в устье Свяяги на Круглой горе. Посоветовался он и с митрополитом Макарием, от которого получил благословение. Был разработан план подготовки к строительству города и его осуществления. Иван IV поздней осенью пригласил к себе выдающегося военного инженера дьяка И.Г.Выродкова и послал его с детьми боярскими в Угличский уезд, в вотчину Ушатых, чтобы вырубить крепостные стены, церкви и здания для будущего города. Задание было выполнено. Велось комплектование полков. В апреле Иван IV отпустил на судах во главе с касимовским ханом Шах-Али большой полк (воеводы князь Ю.М.Булгаков и боярин Д.Р.Юрьев), передовой полк (воеводы князь

Строительство Свияжска в конце мая – июне 1551 года
(Миниатюра из «Лицевого летописного свода» 60 – 70-х годов XVI века)

П.А.Булгаков и окольный И.Ф.Карпов), полк правой руки (воеводы боярин И.П.Федоров и князь Д.Ф.Палецкий), полк левой руки (воеводы боярин Г.В.Морозов и князь А.В.Нагаев), сторожевой полк (воеводы боярин И.И.Хабаров и окольный Д.Ф.Карпов), с ними многие дворяне и дети боярские, а также казанские князья, мурзы – Костров-князь, Чапкун, Бурнаш “с товарищи” – 500 человек. С войском выехал и инженер дьяк И.Г.Выродков. Срубы и другие материалы для возведения крепости были отправлены “на великих лодиях белозерских”. Город ставить и впредь быть воеводами были направлены князь С.И.Микулинский, П.С.Серебряный, Ф.Б.Ромодановский, окольные В.В.Морозов и Ф.Г.Адашев. Сухим путем выступил полк воеводы князя Д.И.Хилкова. Из Нижнего Новгорода впереди судовой рати

отправился князь П.С.Серебряный с детьми боярскими, стрельцами и казаками. С Вятки выступил Б. Зузин с вятчанами на Каму. Сверху Волгою спустилось большое число казаков, и они заняли все перевозы по Волге, Каме и р. Вятке, “чтобы воинские люди ис Казани и въ Казань не ездили”. Из Мещеры были посланы сухим путем 2500 пеших казаков на Волгу (ниже устья Камы). Они должны были построить суды, подняться на них вверх по Волге, соединиться с воеводами и “воевать Казанские места”. П.С.Серебряный выехал из Нижнего Новгорода со своим полком на судах 16 мая. 17 мая они остановились в устье Свяги на Круглой горе, где исполнили вечернюю молитву. 18 мая рано утром полк П.С.Серебряного приплыл к Казани, высадился “безвестно” на посад, “побилъ многихъ людей”, и живыхъ поминали, и полон Руского много отполонили (т.е. освободили русских пленных. – *В.Д.*), а князей и мурзь великихъ болши ста побили и многихъ мелкихъ людей и женъ и робячь побили”. Русское войско потеряло одного сотцкого стрелецкого (попал в плен), трех детей боярских убитыми и 50 стрельцов потонувшими, убитыми и попавшими в плен. После боя С.П.Серебряный со всеми воинами отошел на Круглую гору и дожидался прибытия флотилии хана Шах-Али с воеводами [137].

24 мая (воскресенье) 1551 г. хан Шах-Али и перечисленные выше воеводы со своими полками прибыли в устье Свяги, выгрузились на Круглую гору. Трудно поверить словам падкого на вымыслы анонимного автора “Казанского летописца” о том, что по прибытии в устье Свяги “видеша место угодно и добро велми, возлюбиа е царь (т.е. хан Шах-Али. – *В.Д.*) и воеводы все, и возрадоваша воя вся (т.е. войско все. – *В.Д.*), и наутре, в неделю (т.е. воскресенье. – *В.Д.*), распустиа воя по улусом казанским воевати, и пленити горния черемиса и нижняя (т.е. луговых. – *В.Д.*)” [138]. Об этом ни в одной летописи нет и намека. Сам автор “Казанского летописца” следом отмечает, что уже на третий день к строителям города явились с дарами старейшины и сотники горных людей (см. ниже). Это свидетельствует лишь о том, что анонимный автор обладал богатой фантазией. Воины “начаша лесъ сещи, где быти городу, и, очистя гору, пев молебнаа и воду освятя, и съ кресты по стенному месту обошли, и обложили городъ, и церковь въ городе заложили въ имя Рожества Пречистыя и чудотвор-

Челобитье чувашей и горных марийцев в Свияжске касимовскому хану Шах-Али и русским воеводам в июне 1551 года о принятии их в российское подданство

(Миниатюра из списка «Истории о Казанском царстве» первой половины XVII века)

ца Сергия... Городъ же (т.е. срубы крепости. – В.Д.), которой сверху привезень, на половину тое горы сталь, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тотчас зделали: велико бо бяше место, и свершили городъ въ четыре недели” [139]. “Казанский летописец” сообщает, что строительство города было завершено 30 июля [140]. Разумеется, строительством руководил тот же И.Г.Выродков. Вначале называли город Ивангородом на Свияге, но вскоре за ним закрепилось название Свияжск. “Горние же люди, – читаем в Никонской и других летописях, – видевъ то, что городъ царя право-

Чуваши и горные марийцы в Свияжске просят русских воевод направить их в Москву к Ивану IV для челобитья о принятии Горной стороны в состав России
(Миниатюра из «Лицевого летописного свода» 60 – 70-х годов XVI века)

славнаго стать въ ихъ земле, и начаша ко царю и воеводамъ приезжати и бити челомъ, чтобы ихъ государь пожаловаль, гневъ свой отдалъ, а велель бы имъ быти у Свяжского города и воевати ихъ не велель” [141].

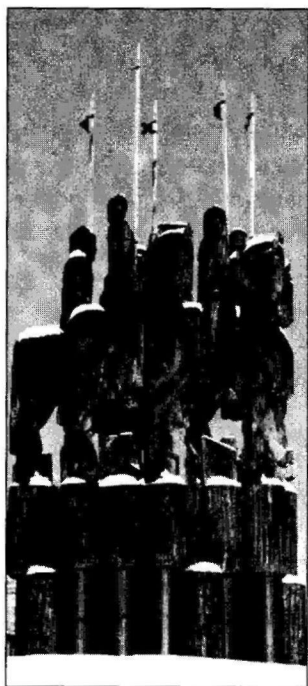
Как русские начали ставить город, отмечает “Степенная книга” (сочинение летописного типа, написанное при Иване IV), “и никто же супротивися им, ни вопреки глаголя. Наипаче же окрест живущии ту горнии людие начаша присягати и град делати помогаху, хлеб же и мед и скот и всякую потребу во град привожаху” [142].

Согласно “Казанскому летописцу”, к хану Шах-Али и русским воеводам, “град Свяжский ставити почавшим, в третий день придоша ту з дары и обославшеся старейшины и сотники горния черемисы, и моляхуся царю (т.е. хану Шах-Али. – *В.Д.*) и воеводам, еже не воевати их, князем бо и мурзам их оставлешим их в Казани во осаждение” [143]. В этом сообщении примечательно указание на то, что к Шах-Али и русским воеводам обратились не татарские князья и мурзы (мусульмане), убежавшие, как здесь сказано, в осажденную Казань, а старейшины и сотные князья (сотники) горных людей-язычников. Они вместе со всем народом были сторонниками вхождения Горной стороны в состав России. А князья и мурзы, возможно, убежали в Казань еще в 1546 г., – во время восстания народов Горной стороны.

Вначале Шах-Али и воеводы направили в Москву ханского дворецкого князя Шабаса Шамова и дворянина И.Ф.Шишкина сообщить Ивану IV, что город на Свяге ставят. Князь П.С.Серебряный вернулся с Казанского посада, побив многих казанцев с небольшими потерями, “а горние люди государю хотят служити” [144].

После этого пришли к Шах-Али “отъ всее Горнее стороны бити челомъ, чтобы имъ ослободиль ехати бити челомъ къ царю государю великому князю [Ивану IV]. И царь (т.е. хан Шах-Али. – *В.Д.*), и воеводы послали к государю (Ивану IV. – *В.Д.*) горнихъ людей Магмета Бозубова да Ахкубека Тогаева съ товарищи, а съ ними послали Григория Семенова сына Плещеева. И Магметъ съ товарищи государю [Ивану IV] били челомъ ото всее Горние стороны, отъ князей и мурзь и сотныхъ князей и десятных и Чювашей и Черемисы и

казаковъ, чтобы имъ государь гневъ свой отдалъ, а велель бы у Свияжского города быти; и правду государю на том по своей вере дають, что имъ отъ государя и ихъ детемъ неотступным быти и къ Казани отъ Свияжскаго города никакъ не отложитися; и пожаловаль бы ихъ государь, въ ясакехъ полегчилъ и даль бы имъ жаловалную свою грамоту, какъ имъ впередъ быть. И государь [Иван IV] их пожаловаль, гневъ свой имъ отдалъ и воевати ихъ не велель, и взялъ ихъ к своему Свияжскому городу; и даль имъ грамоту жаловалную з золотою печатню, а ясаки имъ отдалъ на три годы; да Магмета съ товарищи пожаловаль великимъ жалованиемъ, шу- бами и денгами” [145].

Чувашские послы едут к Ивану IV с челобитной в июне 1551 года

(Памятник в Чебоксарах. Скульптор Ф.Мадуров)

На Руси с древних времен по XVI в. вислыми золотыми печатями удостоверялись лишь важнейшие международные акты. Для них были вислые серебряные печати, для всех других – вислые свинцовые. Вислые печати были с двусторонними изображениями и текстами (легендами). Жалованная грамота, выданная чувашскому, горномарийскому и другим народам Горной стороны, считалась важнейшим международным актом.

Оригинал жалованной народам Горной стороны грамоты Ивана IV не сохранился. Н.В.Никольский еще в 1911 г. опубликовал чувашское предание о том, что Иван Грозный дал чувашам жалованную грамоту с золотой печатью. “Получившие ее сделали для нее футляр в виде палки и для лучшего сбережения скрыли в землю” [146]. Отпуск жалованной грамоты мог сохраниться в фонде “Казанских дел” Государева (царского) архива или же в фонде Приказа Казанского дворца, но оба фонда полностью сгорели. Полный текст жа-

лованной грамоты в летописях не приводится, но по их содержанию можно определить, что в ней Иван IV гарантировал сохранение за чувашами и другими горными людьми их поместных и общинных земель и бортных ухажав, служилого и особенно ясачнообязанного состояния (т.е. установил запрет на передачу ясачных чувашей, горных марийцев и других в частновладельческую крепостную или кабальную зависимость), службу в русской армии, облегчение в ясаках – сбор по налоговой реформе Мухаммед-Амина, освобождение от ясака на три года. Горные люди взяли на себя обязательство быть неотступными от русского государя, от Русского государства, не отложиться от Свияжска к Казани, “государю царю и великому князю служить и хотети во всем добра”, исправно платить налоги и выполнять повинности, не держать у себя русских полоняников.

Таким образом, присоединение чувашского, горномарийского и других народов Горной стороны к России произошло мирно, по челобитью горных людей Ивану IV, по волеизъявлению населения Горной стороны. Оно было оформлено торжественным государственным актом, равным двустороннему международному договору, – жалованной грамотой Ивана IV с вислой золотой печатью, которая прикреплялась лишь к важнейшим международным актам Российского государства. Автор “Казанского летописца” сделал такое заключение: “Тогда вся горная черемиса царю и великому князю приложися, пол земля Казанския людей” [147]. В “Степенной книге” указано: “... Горнии людие... во всем покоряхуся православному государю” [148]. Еще в 1555–1556 гг. “осифлянин” Игнатий Зайцев в своем “Летописчике” записал научно верное заключение: **“Горняя черемиса (т.е. чувашаи и горные марийцы. – В.Д.) мирна заложилася за великого князя в лето 7059 (1551) июня, как поставили город на Свияге”** [149]. И.Зайцев правильно определил мирный характер присоединения чувашей и горных марийцев к Российскому государству и точно определил время совершения этого важнейшего исторического события – июнь 1551 года.

После записи о назначении 18 июня 1551 г. епископа в Суздале в летописях указано, что Иван IV послал в Свияжск к хану Шах-Али с наградами – с золотыми стряпчего И.Вешнякова и приказал хану и воеводам, “чтобы всю Горную сторону, приведши къ правде (т.е. к

присяге. – *В.Д.*), послали к городу Казани; а съ ними бы послали того смотри детей боярьскихъ и Казаньскихъ князей, **прямо ли государю станутъ служить, и по тому ихъ правду и узнають**” [150].

При приведении к присяге было переписано мужское население Горной стороны, “кроме мала и стара, не возраславо юноши, ни стара мужа”. Г.З.Кунцевич, изучивший все списки “Казанского летописца”, издавший в XIX томе ПСРЛ этот памятник по 8 спискам и исследование “История о Казанском царстве” (СПб., 1905), установивший, что это сочинение “как исторический источник имеет много неточностей, недостатков, ошибок”, опубликовал список, где сказано: “И посла царь (т.е. хан Шах-Али. – *В.Д.*) во улусы ихъ писареи; описаше ихъ 40000 луковъ гораздыхъ стрелцовъ” [151]. В “Казанской истории”, опубликованной Институтом русской литературы как литературное сочинение, вместо 40000 указано 12000 [152]. По-видимому, Г.З.Кунцевич остановился на более достоверной цифре [153].

Хан Шах-Али и воеводы “горнихъ людей, князей и мурзь, и сотныхъ князей и десятныхъ, и Чювашу, и Черемису, и Мордву, и Можаровъ, и Тархановъ привели къ правде (т.е. присяге. – *В.Д.*) на томъ, что имъ государю царю и великкому князю служить и хотети въ всемъ добра, и от города от Свияжского неотступнымъ быти, и дани, и оброки чернымъ людемъ всякые платить, как ихъ государь пожалуетъ и какъ прежнимъ царемъ платили, а полону имъ Руского никакъ у себя не держать, весь освобожати” [154]. В перечислении народов под можарами здесь, возможно, следует подразумевать мишар – переселившихся с Мещеры касимовских татар. Присяга, по-видимому, повторяла вторую часть жалованной грамоты – об обязанностях населения Горной стороны. Обязанность платить дань и оброк не следует понимать как отмену трехлетней льготы на ясак. Некоторые чувашские публицисты и драматурги необоснованно считают, что присягой трехлетняя льгота отменяется. Льгота сохранялась. По истечении трехлетней льготы, в 1556 г. за поимку Мамич-Бердея чуваша получили новую налоговую льготу. Позднее, в октябре 1552 г., Иван IV уточнил, что с ясачных людей ясаки “имати прямые, как было при Магмедиме царе” [155], т.е. в соответствии с налоговой реформой казанского хана Мухаммед-Амина во времена русского протектората. Как указывалось выше, еще в 1531 г. во время всенародного восстания

против Сафа-Гирея ясачные люди Горной стороны требовали восстановления такого же порядка, “как было государево жалование” при хане Мухаммед-Амине, проводшем налоговую реформу, удовлетворявшую ясачных людей.

С юридической точки зрения и проведение переписи, и приведение к присяге населения после мирного, по челобитью (прошению), т.е. добровольного присоединения жителей Горной стороны к России были вполне правомерны и необходимы для обеих сторон.

Царь Иван IV предложил испытать горных людей на верность, направив их войной на Казань. Академик М.Н.Тихомиров верно отметил вторую цель этой меры: показать казанцам, что горные люди мирно вошли в Русское государство, сделались россиянами, противниками казанцев. В 1550 г. Иван IV всем русским войском не сумел взять Казань. Правобережные чуваша и горные марийцы знали, что их отряду в несколько сот воинов Казань не взять, что посылают их на верную смерть. Но они не воспротивились. Собравшимся в Свияжске чувашским и горномарийским воинам касимовский хан Шах-Али и русские воеводы сказали: “Правду есте государю учинили, поидите же, покажите свою правду государю, воюйте его недруга!” и направили их к Казани. “И горние люди, събрався много, да пошли”. Поскольку невозможно было во все лето переправиться с Горной стороны на Луговую, Шах-Али и воеводы велели их “перевозити по[д] Тарлошою да на Каменномъ перевозе темъ казакомъ, кои по темъ перевозомъ стояли”. С чувашско-горономарийским отрядом направили детей боярских (дворян) Петра Турова и Алексея Ершова. Отряд пешим ходом прибыл на Арское поле и подошел к городу. “И вышли къ нимъ все Казаньские люди, Крымцы и Казаньцы, да с ними билися крепко и отъ обоихъ падоша. Казаньцы же вывезли на нихъ изъ города пушки и пищали (т.е. ружья, *пйшал*. – В.Д.), да учили на нихъ стреляти, и горние люди, Чюваша и Черемиса, дрогнули и побежали; и убили у нихъ Казаньцы человекъ со сто, а съ пятьдесятъ живыхъ поймали”. В это время хан Шах-Али и воеводы князь Юрий Голицын и Данило Романович “с товарищи” прибыли на Гостин остров и стояли за Волгой на Терень-узьяке. Горные люди прибежали к ним и “велели ихъ опять за реку возить”, т.е. переправить на правый берег. Петр Туров и Алексей Ершов доложили Шах-Али и

воеводам, что “горние люди государю служили прямо” [156].

Сразу же по возвращении отряда чувашей и горных марийцев из-под Казани в Свияжск (“И пришедь в Свияжской городъ”), Шах-Али и воеводы “горнихъ людей отпустили къ государю очей его видети царьскихъ и жалование отъ него слышати за службу” [157]. Следовательно, в первой массовой делегации в Москву были участники приступа к Казани. Но не только они ездили в Москву. “Горние же люди ездили къ государю въ все лето человекъ по пятисотъ и по шти-сотъ; а государь [Иван IV] ихъ жаловаль великимъ жалованием, кормил и поиль у себя за столомъ, князей и мурзь и сътныхъ, казаковъ жаловаль шубами з бархаты и з золотомъ, а инымъ Чюваше и Черемисе камчаты и отласные, а молодымъ однорядкы (шинели с пуговицами в один ряд. – *В.Д.*) и сукна и шубы бельи; а всехъ государь пожаловаль доспехи и конми и денгами. И видевь то государево къ себе жалование и страхъ на себе Божиимъ милосердиемъ и его государевымъ промысломъ, прямити государю почали и служити правдою, и на Луговую сторону ходити воевать и языков добывати. А государево жалование къ нимъ не оскудеваетъ, но паче государь прибавливаетъ; многое множество раздаваше, паче же своихъ воиновъ жалующи: въ преднихъ бо летописцехъ такихъ расходовъ не пишетъ, каково государь жалование къ своимъ и ко всемъ приходящимъ показуеть. Богъ бо вложи въ сердце его (т.е. Ивана IV. – *В.Д.*), хотя помиловати родъ христьянскый, избавити отъ нападения варварьскаго (т.е. татарского. – *В.Д.*) и свободити родъ христьянскый на веки отъ бесерменства (т.е. мусульманства. – *В.Д.*)” [158].

К сожалению, А.Г.Бахтин, зарекомендовавший себя в качестве объективного ученого в исследовании истории марийского народа XV–XVI вв., по приведенному в цитате вопросу пишет, что “следующей мерой, призванной закрепить население Горной стороны за Россией, стало одаривание или подкуп местной знати” [159]. Содержание цитаты свидетельствует о том, что в составе делегаций были татарские князья и мурзы, по-видимому, правобережья нижней Свияги, сотные князья – чувашские и горномарийские. Их на всей Горной стороне было человек 100–150. Часть делегации составляли казаки – мелкие служилые люди из присвияжских татар, чувашей и горных марийцев. Основную массу нескольких делегаций в 500–600 человек составля-

ли, несомненно, ясачные чуваши и горномарийцы, еще в Казанском ханстве несшие воинскую повинность. Всех их, первых, вторых и третьих на Горной стороне было 40 тысяч “гораздых стрельцов”. Иван IV приглашал их для вручения наград за мирное вхождение в состав России, для прочного закрепления их за ней. Он понимал, что присоединить половину ханства к России без крови, т.е. без жертв со стороны как русских, так и горных людей – это наиболее приемлемый способ решения международных вопросов. Он тогда еще, по-видимому, задумал так же мирно решить вопрос о присоединении к Русскому государству левобережной части ханства. Щедрые награды Ивана IV горным людям через 2-3 месяца после мирного присоединения их края, их земли к России невозможно считать подкупом местной знати.

“Казанский летописец” сообщает, что возведение Свияжской крепости и мирный переход Горной стороны в состав России были для казанцев ошеломляющей неожиданностью. Они вначале полагали, что русские поставили лишь гуляй-город. “Егда же истину уведаша казанцы, что поставлен бысть великий град, и почаша тужити и тосковать” [160]. Московские летописцы правильно оценили непосредственные последствия мирного вхождения Горной стороны в состав России: “И видевь то Казаньские люди въ городе и по селомъ, что горние люди твердо къ государю укрепилися, и имъ нужда великаа: со всех сторон их воюют, нет к ним проезда из других государств, ниоткуда помощи не ожидать, поскольку по Волге от Васильсурска до устья Камы, по Каме вверх до Вятки и Вяткою вверх по всем перевозам крепко стоят русские воины – дети боярские, стрельцы и казаки “службою и дозоромъ воеводскимъ”, – “и начаша рознити Казанцы съ Крымцы, и приходили Чюваша Арьская з боемъ на Крымцов: “О чемъ де не биете челом государю (т.е. Ивану IV. – В.Д.)?” Пришли на царев дворъ, и Крымцы Кошакъ-улан съ товарицы съ ними билися и побили Чювашу”. Многие казанские князья и мурзы приехали служить к Ивану IV, который велел устроить их в Свияжке. Крымцы опасались, что казанцы предадут их русским: “събався все да пограбя, что възможно”, побежали из Казани – 300 человек уланов, князей, азеев, мурз и богатых казаков, оставив своих слуг, жен и детей. Их на Каме не выпустили в сторону Крыма. Они побе-

жали на Вятку. Там вятский воевода Б.Зузин со своим отрядом разгромил их: многие были убиты, другие утонули, а 46 уланов, князей и мурз были захвачены в плен. Среди них был Кошак-улан, возглавлявший ханское правительство после смерти Сафа-Гирея до времени изгнания крымцев из Казани. Пленные крымцы были отправлены в Москву и казнены [161].

Казанцы обратились в Свияжске к Шах-Али с просьбой занять престол в Казани. По предложению Шах-Али казанцы направили к Ивану IV делегацию с челобитной грамотой от имени мусульманского духовенства, князей, уланов, мурз, дворных (внутренних) и задворных (внешних) казаков, чувашей, черемис, мордвы, тарханов, мержаров и всей Казанской земли, где содержалась просьба направить в Казань ханом Шах-Али, хана Утямиш-Гирея с его матерью Сююмбике доставить в Москву, русских пленных освободить, оставшихся в Казани крымцев, их жен и детей передать Москве. Иван IV согласился с просьбами, изложенными в челобитной грамоте, особо потребовал немедленно освободить русских пленных, привести их для отправки на родину в Казанское устье [162].

С царским наказом в Свияжск к Шах-Али, боярам и воеводам был прислан член Избранной рады А.Ф.Адашев, который сообщил им, что Иван IV пожаловал Шах-Али “Казанью и на Казани его учинил, а дал ему х Казани Луговую сторону всю да Арскую; а Горняя сторона къ Свияжскому городу, понеже государь Божиим милосердием да саблею взялъ до ихъ челобития”. Выслушав А.Ф.Адашева, Шах-Али “государево дело похвалиль, а того не залюбилъ, что Горняя сторона будет у Свияжского города, а не у него въ Казани. И бояре ему по государеву приказу отмовили, что тому делу инако не быти” [163]. А.Г.Бахтин, ссылаясь на приведенные слова “да саблею взялъ до ихъ челобития” и на введение значительного контингента русских войск для строительства Свияжска, указывает, что присоединение Горной стороны к России “произошло хотя и мирно, но отнюдь не добровольно, а вынужденно” [164].

Весь ход присоединения Горной стороны к России, начиная с 1546 г. по июнь 1551 г., показывает, что в нем невозможно найти фактов вынужденного характера принуждения. Еще в 1531 г. чуваш и горные марийцы стояли за занятие казанского престола русским

ставленником Шах-Али, в декабре 1546 г., восстав, они обратились к Москве с просьбой прислать войска для изгнания Сафа-Гирея с престола, заявив, что они хотят служить русскому государю, и русские войска были присланы, но Шах-Али с ними не было. С 1547 г. на территории Чувашии русским войскам не оказывалось никакого сопротивления. Слова “да саблею взял” – это обычное дипломатическое выражение того времени. В средневековье в международном праве признавалась лишь сила оружия, только вооруженное завоевание и подчинение чужих земель. Русские княжества, потерпев поражение от войск Бату, 242 года платили дань татаро-монголам и находились в их политическом подчинении: русских великих князей назначали только золотоордынские ханы. Слова “да саблею взял” не соответствовали действительности, а слова “до их челобитья” имеют в виду не челобитье горных людей, а челобитную грамоту, поданную казанцами Ивану IV летом 1551 года. Делегации казанцев, прибывшей 9 августа 1551 г. в Свияжск, сам Шах-Али ответил, что все должно быть сделано по наказу Ивана IV, и предупредил, что если казанцы не учинят по государеве воле, то государь может пойти на Казань осенью “ратию съ всеми людьми”. Шах-Али потребовал от казанцев немедленно доставить в Свияжск хана Утямиш-Гирея и его мать Сююмбике. Они были доставлены и отправлены в Москву. 13 августа Шах-Али в сопровождении русских бояр и воинов прибыл в устье Казанки, а 14 августа казанская элита торжественно встречала его в кремле. Бояре велели казанским князьям “чести шертную грамоту – на чемь ихъ государь [Иван IV] пожаловаль и какъ имь впередь быти”. “И они (т.е. представители казанской элиты. – В.Д.) все стали о Горней стороне говорить, что того имь учинити не мощно, что земля раздалить. И бояре говорили имь по государеву наказу, что “Богъ государю то учиниль да его правда: городъ государь на Свияге поставиль, а горние люди государю добили челомъ, и горние люди васъ и вьевали: тому уже инако не быть, какъ его Богъ учиниль”. И много о том спорных слов было, и Божиим милосердиемъ по государеву наказу бояре его по тому и зделали, какъ приказаль” [165]. В отличие от заявления дипломата А.Ф.Адашева (дипломаты, как правило, правду не говорят), бояре в споре с казанскими князьями о Горной стороне не говорили “да саблею взял”, а подчеркивали, что горные люди по

прошению, добровольно, присоединились к России, затем и воевали против Казани. Был выставлен правдивый и веский аргумент.

При посажении Шах-Али на казанский ханский престол сам “царь Шигалей и вся земля Казанская на томъ государю правду дали, что имь въ Горнюю сторону не вступатися, да и въ половины Волги, а ловцемъ ловити по своимъ половинамъ; и шертные грамоты царь попечаталь своими печатями, а Казанские люди лутчие многие руки свои поприклали”. Как видим, признание включения Горной стороны в состав России было основным положением шертной грамоты Шах-Али и казанцев. Казанские феодалы обязались освободить всех русских пленных. Они были предупреждены: если у кого таковые обнаружатся, “того казнити смертию”. Тогда присягу (правду) на согласие с условиями посажения Шах-Али на ханский престол дали все казанцы [166].

Занятие Шах-Али ханского престола состоялось 16 августа 1551 г. Его сопровождали бояре князь Ю.М.Голицын и И.И.Хабаров, дьяк И.Г.Выродков (Он, наверное, мог тогда разведать стены казанского кремля на случай их взрыва в будущем). С Шах-Али в Казань прибыло 300 касимовских (городецких) князей, муз и казаков, 200 стрельцов с двумя сотскими. Все они расположились у хана во дворце. На другой день Шах-Али через приставов приказал приводить к нему русских полоняников. В тот день привели 2700 пленных. В дальнейшем “полону христианьского вышло з Горной стороны и ис Казани и ис Казанской стороны 60000 – написано въ Свяжьском городе, котрым кормъ государевъ давали и вверхъ Волгою спровадили, oprичъ техъ, которой полонъ по своимъ местомъ ис Казанской земли пошель”. Далее летопись указывает, что самостоятельно пленные выходили в Вятскую, Пермскую, Устюжскую, Вологодскую, Муромскую, Мещерскую, Галицкую и Костромскую земли. Ведь всего пленных было 100 тысяч. Десятки тысяч пленных еще остались у татарских феодалов. В конце августа московские воеводы князь Ю.М.Голицын и другие выехали из Казани, а боярин И.И.Хабаров и дьяк И.Г.Выродков остались при Шах-Али для управления освобождением русских пленных и решения других вопросов. В сентябре к Шах-Али был прислан боярин Д.Ф.Палецкий. В это время для управления Горной стороной в Свяжске был оставлен боярин и воевода князь

С.И.Микулинский с другими воеводами, возглавлявшими полки [167].

В октябре 1551 г. в Москву к Ивану IV прибыли казанские послы большой карачий Ширин-Муралей Булатов, князь Шибас Шамов и Абдула-бакшей от хана Шах-Али с челобитьем: “чтобы государь [Иван IV] пожаловал, Горние стороны царю (т.е. хану Шах-Али. – *В.Д.*) поступился (т.е. уступил. – *В.Д.*), а не пожалуеть, все не отдасть, и государь бы пожаловаль, ясаковъ з Горние стороны придасть, сколько пожалуеть”. Послы также просили Ивана IV выполнить свое обещание по просьбам казанцев при приглашении Шах-Али в ханы: “пожаловаль бы государь, велель правду учинити царю и земле Казаньской на томъ, на чомъ [Казанская] земля государю правду дала”. От имени Ивана IV послам ответили, что “государю Горние стороны х Казани ни одной денги не отдавывать”. Послам напомнили, что казанцы дали присягу освободить русских пленных “до единого человека”, но они “и ныне еще многой полонъ у себя дръжать; и какъ свободять царь (т.е. хан Шах-Али. – *В.Д.*) и Казанцы весь полонъ Руской, и государь [Иван IV] имъ тогды правду учинить, а вы въ то время зде[сь] побудете”. В это время прибыли из Казани в Москву бояре И.И. Хабаров и дьяк И.Г. Выродков и сообщили Ивану IV, что “полону Казанцы мало освобождають, кують и по ямомъ полонъ хороняють”, но Шах-Али, когда это обнаруживается, виновных “не казнить по шертнымъ грамотамъ”, ссылаясь на опасность начала волнений. Боярин и дьяк также сообщили, что Шах-Али знает о связях казанских князей с Ногайской ордой [168].

В ноябре 1551 г. Шах-Али раскрыл заговор Бибарса-князя, Кадыша-богатыря, Карамыша-улана и других, задумавших убить его и пригласить хана из Ногайской орды. Шах-Али казнил заговорщиков (более 70 человек). Часть казанских феодалов сбежала в Москву, другая – в Ногайскую орду. Среди казанской элиты росло недовольство ханом Шах-Али. Иван IV направил к Шах-Али А.Ф.Адашева с предложением хану, чтобы он “Казань крепко устроил государю”, укрепил город русскими людьми. В беседе с А.Ф.Адашевым Шах-Али заявил: “Прожить де мне въ Казани не мощно”: обещал было казанцам “у царя и великого князя Горнюю сторону выпросити и взяти, и толко меня царь и великий князь пожалуеть, Горнюю сторону дасть, и мне жити въ Казани мощно, и докуды язъ живъ, дотуды Казань царю и

великому князю крепка будетъ, а после меня кому ведати?” При этом боярин князь Д.Ф.Палецкий “по государеву наказу царю то отъмолвилъ, что Горние стороны ему государю х Казани никакъ не отдавать: ему ее Богъ даль, а отдать Горняя сторона, Свиязскому городу как быть? А ведаешь самъ, колко государемъ нашимъ от Казани безъчества и убытковъ; и ныне полонъ христианьской у собя держать въ неволе, давъ правду (т.е. присягу. – *В.Д.*) государю нашему, лжуть”. В ответ хан Шах-Али говорил: “А коли мне Горние стороны не отдасть, и мне какъ прожить въ Казани, загрубя? И мне бежати къ царю великому князю”. Князь Д.Ф.Палецкий и А.Д.Адашев говорили хану: “Коли тебе ко государю же бежати, укрепи же городъ его людьми Рускими”. И много о томъ речей спорныхъ было, и царь (т.е. Шах-Али. – *В.Д.*) то отмолвилъ: “Бусурминъ (т.е. мусульманин. – *В.Д.*) де есми, не хочю на свою веру стати, а государю своему царю великому князю изменить не хочю же; ехати де мне инуды некуды, еду ко царю и великому князю; ноли де меня отъ Казанцов иметь немера, и язъ лихихъ еще изведу да буду у государя” [169]. Как видим, единственной возможностью своего дальнейшего пребывания на казанском престоле Шах-Али считал выполнение требования казанской элиты вернуть ханству Горнюю сторону, т.к. ханство могло существовать только за счет ясаков с Горной стороны (об этом в свое время писал С.М.Михайлов).

Д.Ф.Палецкий и А.Ф.Адашев в декабре выехали из Казани информировать Ивана IV о казанских делах, а с Шах-Али оставили Ивана Черемисинова с его стрельцами хана беречь от казанцев. Д.Ф.Палецкому по прибытии в Свияжск жившие там татарские князья Чапкун, Бурнаш и другие заявили, что “слышать отъ [Казанской] земли: весна будетъ, и Казанцы все хотятъ изменить государю, а Шигалея не любятъ”. Это было доложено Ивану IV; он послал к Шах-Али Семена Ярцова, повелев сообщать хану, “чтобы жилъ брежно отъ Казанцовъ”. Но казанцы перехитрили Ивана IV. В январе 1552 г. к нему явились живущие в Москве Муралей-князь, Костров-князь и Алемердин-азий и сообщили, что они получили “приказ” (повеление) от Казанской земли, “чтобы государь [Иван IV] пожаловалъ, царя Шигалея свельсь с Казани, а даль бы имъ наместника боярина своего, а дръжалъ бы ихъ такоже, какъ и во Свиязскомъ городе”. Татарские князья сообще-

ли, что не любят Шах-Али за то, что он их убивает и грабит и жены их и дочери емлетъ къ себе силно”. Это, по-видимому, было выдуманным предлогом. Татарские князья заверили Ивана IV: “Как царь Шигалей съедетъ и Казанцы все государю дадутъ правду и наместниковъ его въ городъ пустятъ и градъ весь государю здадутъ”. Иван IV поверил татарским князьям, так как он всё ещё надеялся присоединить левобережье ханства так же мирно, как присоединил Горную сторону [170].

В феврале 1552 г. Иван IV направил в Казань А.Ф.Адашева сообщить Шах-Али, что ему по указанию государя необходимо оставить Казань, так как казанские князья хотят, “чтобы великого князя наместникъ былъ на Казани”. Шах-Али ответил А.Ф.Адашеву, что “ему никакъ бусурманьского юрта не порушить, а прожити мне въ Казани не мочно, въ Нагаи Казанцы послали царя просити, язъ иду въ Свяязьской городъ, тако ми отъ нихъ быти убиту” [171]. Из этих слов видно, что Шах-Али был уверен, что русского наместника в Казань не пустят, поскольку казанцы уже направили в Ногайскую орду своих представителей просить хана.

6 марта 1552 г. Шах-Али и с ним касимовские князья и мурзы, 84 казанских князя и мурзы, 500 охранявших его русских стрельцов выехали из Казани под предлогом поездки на рыбную ловлю и прибыли в Свяжск [172]. В Казань наместником был назначен боярин и воевода князь С.И.Микулинский. Велись подготовительные работы к его встрече в Казани. Казанцы приезжали в Свяжск, заявляли, что рады будут наместнику. Но, когда он с воеводами и воинами прибыл в Казань, закрыли крепостные ворота. 12 марта С.И.Микулинский, воеводы и воины возвратились в Свяжск. Шах-Али с ханшей направились в Касимов. Татарские феодалы, захваченные русскими из Казани, и находившиеся в Свяжске, были заключены в тюрьму [173]. Измена была запланирована казанцами ещё в январе и успешно осуществлена. Провал попытки мирного присоединения левобережной стороны ханства показал, что без волеизъявления народа такое присоединение чужой территории к России невозможно.

Татарскими феодалами был провозглашен казанским ханом астраханский ханыч Едигер, который в прошлом вместе с Шах-Али совершал походы на Казань. Казань стала направлять на Горную сторо-

ну войска, намереваясь отторгнуть ее от России. Уже в середине марта 1552 г. казанцы “на Горную сторону стали войною приходити и отводити ихъ отъ государя. И горние люди одну посылку побили, а дву князей, Шах-Чюру и Шамаа-мурзу, и къ воеводамъ, изымавъ, привели [в Свяжск]; и воеводы горнихъ пожаловали, а изменников (т.е. татарских князей. – В.Д.) казнили”. Иван IV, получив известия о казанской измене, начал подготовку к походу на Казань, распорядился направить дополнительные военные силы в Свяжск, на Каму и Вятку. В апреле к Ивану IV из Свяжска прибыл М.Шипилов с грамотами боярина и воеводы князя С.И.Микулинского и других воевод, которые писали, что “горние люди волнуются, многие ссылаются съ Казанцы, а въ всехъ правды мало чают, и непослушание въ нихъ великое, а по Цывили верхние люди въ городъ на Свягу не ездятъ, и по грехомъ пришла немочь великая на государевы люди, цынга и язва, многие померли и иные мрутъ и болны лежать дети боярьские и стрельцы и казаки”.

Иван IV распорядился срочно отправить из Нижнего Новгорода в Свяжск воевод А.Б.Горбатого и П.И.Шуйского “съ теми людьми, которые къ нимъ рано собралися”, затем и наряд (артиллерию) во главе с М.И.Морозовым. По прибытии в Свяжск А.Б.Горбатой, П.И.Шуйский и другие воеводы прислали Ивану IV новые грамоты, сообщая, что “все изменили горние люди, а сложилися съ Казанию и приходили къ Связьскому городу на стада воеводцкие и детей боярьскихъ... да стада многие поотгонили по грехом”. Создается впечатление, что свияжские воеводы, бояре, били ложную тревогу, сообщали в Москву неверную информацию, желая спровоцировать скорейшее выступление Ивана IV с походом на Казань. Они смогли привести два факта: верхние цивильские люди в Свяжск не ездят и какие-то горные люди напали на стадо воевод и детей боярских. Чувавам по верхнему Цивилю, освобожденным от ясака на три года, не было необходимости ездить в Свяжск. Воеводы предоставили дело отражения вторжения отрядов казанцев на Горную сторону самим горным людям, а русские полки сидели в крепости, боясь выступить против вторгавшихся казанских полков. Лишь один раз А.Б.Горбатой выпустил из Свяжска против казанцев отряд казаков, который казанцы разбили, убив 70 казаков и захватив у них пищу. 21 мая митрополит Макарий напра-

вил в Свяжск свое послание войскам, в котором ни словом не обмолвился об “измене” и “волнениях” чувашей и горных марийцев. Он призвал войска к твердости духа и стойкости против мусульман. Митрополит в послании заявляет: “Горня Черемиса вся приложила ся къ новому граду Связьскому за нашего государя царя и великого князя”. Только после того, как русские полки выступили в поход на Казань, в июне, свияжские воеводы направили большой, передовой и сторожевой полки из Свяжска на горных людей “по Свягу-реку вниз и по Волге”, т.е. в междуречье нижней Свяги и Волги. “А яртулы (т.е. передовые отряды. – В.Д.) воеводские з горними людьми билися, и от обоих падоша, и потоптали горных людей... И горные люди по Свягу-реку вниз и по Волге воеводам добили челомъ, государю правду дали и къ городу Свяжскому пошли и з женами и з детми”. По этому поводу академик М.Н.Тихомиров пишет: “Эти волнения, по летописи, распространились по территории между Свягой и Волгой, в непосредственной близости к Свяжску. Район между Свягой и Волгой был заселен преимущественно татарами, которые подняли восстание против русских властей”. Массы же чувашей, горных марийцев и восточной мордвы не поддались давлению казанцев, остались верными Русскому государству. Об их преданности Москве говорит и то, что весной и летом 1552 г. в Свяжске стоял полк чувашских и горномарийских воинов численностью в 4000 человек. Когда русские войска шли на Казань, на 14-м стане на Суре к Ивану IV обратились “горные люди Янтуду-мырза да Бузкей, да Кудабердей съ товарищи” просили прощения, сказали, что свияжские воеводы ходили на них [горных людей], которые после этого подчинились Свяжску. Это были как раз татарские мурзы, участвовавшие в выступлениях против Свяжска под давлением казанских войск. На 17-м стане на реке Чивлы (Цильна) “государя встретили многие горные люди, а били челомъ о своем отступлении: сказываютъ, страхомъ отъ государя отступили, что ихъ воевали Казанцы. И государь ихъ пожаловаль, проступки ихъ отдаеть, и ести зоветь и удовлетвять ествою и питиемъ” [174].

После неудачи с попыткой мирного включения левобережной части Казанского ханства в состав России московское правительство приступило к организации нового военного похода против Казани.

Целенаправленная и тщательная военно-дипломатическая подготовка к завершению Казанской войны была начата уже после зимнего похода 1549–50 года. Были приняты меры к укреплению армии: запрещены местнические споры воевод во время походов (споры по занятию военных должностей по родовитости), усилено недавно созданное постоянное стрелецкое войско, вооруженное огнестрельным оружием. Ведя дипломатическую подготовку похода, московское правительство стремилось устранить возможность одновременной войны Русского государства на несколько фронтов: на востоке, на юге и на западе, обеспечить международную изоляцию Казанского ханства. Еще в 1549 г. Русское государство продлило перемирие с Польшей на 5 лет и предотвратило союз Польши с Крымским ханством и Турцией, которая в то время была занята войной с Ираном и не могла вооруженными силами поддержать Казань. Она попыталась сколотить антирусский союз Крымского, Астраханского, Казанского ханств и Ногайской орды. Московской дипломатии удалось помешать объединению князей Ногайской орды, разжечь вражду между ними, склонить их на сторону Русского государства. Ногайская орда не в состоянии была поддержать Казань. Не имела реальной силы для этого и Астрахань. Казанское ханство осталось изолированным. Международное положение Русского государства благоприятствовало походу на Казань [175].

По получении известий об измене казанцев Иван IV уже в апреле 1552 г. принимает решение о походе на Казань, советуется со своими приближенными. В мае была составлена роспись полков с указанием мест их сборов. В июне 150-тысячная армия (со 150 орудиями), возглавляемая Иваном IV, выступила в поход. Крымский хан Девлет-Гирей, с целью сорвать поход русских на Казань, направил на Москву 7-тысячное войско с пушками. Крымцы осадили Тулу. Часть русского войска, предводительствуемая Иваном IV, направилась из Коломны к Туле и разгромила крымское войско. Вернувшись в Коломну, Иван IV вместе с воеводами разработал план продвижения русских войск к Свияжску двумя колоннами. Основные силы во главе с царем направились через Владимир и Муром. Часть войска пошла через Рязань и Мещеру, чтобы в случае нападения крымских, астраханских и ногайских татар заслонить основные силы. В это время митрополит

Выступление русского войска во главе с Иваном IV из
Москвы в поход на Казань в июле 1552 года
(Миниатюра из списка «Казанской истории»
начала XVII века)

Макарий своими посланиями на имя царя и войскам и Иван IV ответными посланиями Макарию, которые доводились до всех церквей и зачитывались прихожанам, организовали широкую патриотическую пропаганду против татар и мусульман, грабивших и разорявших Русь. Массы русского народа поддерживали поход на Казань. В Муроме к царскому ополчению присоединилось касимовское войско Шах-Али, которое на судах по Оке и Волге было направлено в Казань. От Мурома на 7-м стане к царскому войску присоединилась вторая часть касимовского войска во главе с Аксеитом Черевсеевым, а также князя, мурзы и служилые татары. 12-й стан был устроен на Алатырь-реке, “и тутъ пришелъ ко государю [Ивану IV] Еникей князь Темниковской со всеми Темниковскими Татараы и Мордвою, а на Алатыре зделалъ до государя три мосты”. Когда от города Мурома войско шло “чистымъ лесомъ и чистымъ полемъ”, ему приходилось довольствоваться ловлей лосей, птиц и рыб. Затем и их не стало [176].

4 августа обе колонны достигли реки Суры выше современного г. Алатырь – под Баранчеевым городищем (ныне с. Сурское). В ожидании русских чуваша, мордва и горные марийцы построили через Суру несколько мостов. Участник похода воевода князь А.М.Курбский так пишет о встречах чувашами русских войск: “Егда же переплавишася Суру реку, тогда и Черемиса Горняя, а по их Чуваша зовомые, язык (т.е. народ. – В.Д.) особливый, начаша встречати по пяти сот и по тысяще их, аки бы радующеся цареву пришествию: понеже в их земле поставлен он предреченный град на Свяиге”. На первой встрече Иван IV поблагодарил горных людей, угостил их и отпустил, повелев “на рекахъ мосты мостити и тесные места чистити по дорозе; они же тако учинися, на всехъ рекахъ мосты мостили”. Войско Ивана IV продвигалось к Свяжску по приблизительным южным и восточным границам нынешней Чувашской Республики. Линия южной границы представляла в то время дикое поле. 15-й стан русских войск был устроен на р. Кивите (ныне р. Барыш), 16-й – на р. Якле (ныне р. Большая Якла), 17-й – на р. Чивлы (ныне р. Цильна), 18-й – на р. Карле, 19-й – на р. Буле, 20-й – на р. Бии, 21-й – на Итяковом поле (ныне с. Утяково Зеленодольского района Татарстана). 13 августа войска прибыли в Свяжск. На всем пути прохождения русских войск их встречали делегации чувашей и других горных людей. Так, на 17-м стане после

угощения горных людей, перед роспуском по селам Иван IV “являеть имь готовымъ быти съ собою, государемъ, на Казань, они же обещаются государю служить”. На 20-м стане Ивана IV встретили свияжские воеводы с тремя полками, причем в третьем полку были чуваша и горные маришцы [177]. Следует отметить, что в 1552 г. в г.Чебоксары, еще до основания русской крепости, прибыл и расположился полк, возглавляемый воеводами В.П.Борисовым и Ф.М.Нагово, а ниже Чебоксар на волжском Козинском острове расположился полк воевод князя Д.С.Шестунова и князя И.М.Хворостинина [178].

Чуваши и горные маришцы пригнали скот для войск Ивана IV в августе 1552 года (Миниатюра из «Лицевого летописного свода» 60 – 70-х годов XVI века)

Возможно, эти полки затем участвовали во взятии Казани.

Во время продвижения русских войск по Присурью и по Горной стороне их продовольственное положение резко изменилось в лучшую сторону. Если до Присурья невозможна была даже ловля лосей, птиц и рыб на пропитание, то в Присурье и на Горной стороне, как свидетельствуют летописи, “живущии же въ тамошнихъ странахъ Черемиса и Морьдва и прочии, иже прежде враждебни, тогда же покоряхуся и приходяще къ благочестивому царю великому князю, дающеся во всю его волю государеву, и вся потребная приношаху,

хлебъ и медь и говядаы, ова дарованиемъ, иная же продаваху, и мосты на рекахъ делаху, и везде станы стройны бяху, и все бесчисленное воинство всякими потребами изобиловаху”. А.М.Курбский также тепло отзывается о помощи чувашей русским войскам продовольствием и отмечает: “... Черемисский же хлеб сладостнейший, паче драгоценных колачей” [179].

О том, как чувашаи обеспечивали русские войска продовольствием, строили для них дороги и мосты, как чувашские отряды примкнули к русской армии, рассказывают многочисленные чувашские исторические предания. “Говорят, что когда Иван Грозный шел с войском разрушать Казань, чувашаи указывали ему дорогу”, – записано в Буйнском уезде в 1913 году. В д. Большое Батырево (ныне село – центр Батыревского района) в 1904 г. записано предание о том, что русским воинам “собрали много хлеба и разного скота. Чувашаи с полной охотой и радостью доставляли русским разные припасы и даже, говорят, бесплатно, так как были обрадованы тем, что русские избавили их от татарских баскаков”. По преданию, чувашский князь Шептах, из д. Карабаево Яльчикского района, присоединился со своей дружиной к русскому войску. В д. Тобурданово (ныне село в Канашском районе) и д. Старое Янситово (ныне Урмарского района) было собрано много скота и другого продовольствия для похода Ивана IV. Войску поставляли продовольствие и жители. Отважный батыр и военачальник тархан Ахплат со своей дружиной, разросшейся в чувашское войско, присоединился к войскам Ивана Грозного, движущимся на Казань. Вместе со многими чувашами Ахплат указывал путь русским войскам, строил для них мосты и дороги, снабжал их хлебом и мясом. Предок братьев Ивана и Андрея Тархановых из д. Кинеры (ныне Козловского района), “будучи сам человек весьма богатый, частию от себя подарил несколько овец и коров для продовольствия царского войска, а много скупал скота у других чуваш на предмет продовольствия войска” [180].

После пятидневного отдыха под Свяжском русские войска 18–19 августа 1552 г. переправились на левый берег Волги, подступили к Казани, осадили ее. За овладение Казанью совместно с русскими войсками воевали чувашско-марийский полк и много чувашских дружин. Летописи указывают, что 6 сентября в Арскую даругу и к Арско-

му городищу царем Иваном IV было отправлено три усиленных полка. С ними же “горные люди многие, те и въ вожехъ были”. Экспедиция оказалась весьма удачной: было разгромлено несколько татарских острогов (укрепленных пунктов), побито и пленено много татарских воинов, освобождено из плена большое количество русских, приведено под Казань “бесчисленное множество скота” для пропитания войска. 1 октября, перед штурмом Казани, Иван IV послал большую делегацию горных людей во главе с перебежавшим из Казани на сторону русских Камай-мурзой, чтобы предложить казанцам без боя сдать город русскому войску. Казанцы ответили отказом. В тот же день Иван IV расставил войска для штурма крепости. Для обороны тылов своих войск от нападений татарских, луговомарийских и удмуртских отрядов со стороны леса и пресечения возможной вылазки из города с целью пробиться в лес царь Иван IV велел стоять на Арском поле, на Арской и Чувашской дорогах Шах-Али с войском касимовских татар и полком И.Ф.Мстиславского, “да горним людем велел с ними же быти”. (По середине даруг действительно были проложены дороги; после завоевания левобережной части Казанского ханства русские власти переименовали “даруги” в “дороги”).

Устроив при участии И.Г.Выродкова и другого инженера Размысла подкоп и взорвав крепостную стену, русские войска 2 октября 1552 г. овладели Казанью. Конечно, в летописях боевые действия горных людей не могли получить полного отражения [181].

Ряд исторических преданий сообщает о ратных подвигах чувашских воинов при взятии Казани. Возможно, в памяти народа запечатлелись имена реальных исторических личностей. С бассейна Цивила прибыл под Казань военачальник Пидубай с отрядом чувашских ополченцев. Он сам и его соратники – богатыри Пайдул, Ишутка, Илтмес и другие воины сражались храбро, за что были пожалованы Иваном IV землями. В боях отличились также чувашаи Уразгильд и его семь (или девять) сыновей. Иван IV наградил самого Уразгильда саблей, седлом и ружьями и пожаловал ему и его сыновьям много земли в диком поле на юго-востоке Чувашии. Основателем с. Большие Яльчики Яльчикского района был Пичура. Он испытал немало притеснений и горя от татарских феодалов и сборщиков ясака. Как узнал о походе Ивана Грозного на Казань, Пичура по своей воле, вместе с

Взятие Казани и пленение казанского хана Едигера русскими войсками в 1552 году
(Миниатюра из списка «Казанской истории» начала XVII века)

сотнями чувашей, вооружившись луком и кистенем, присоединился к русскому войску и воевал под Казанью. За боевые заслуги он был пожалован землей, где и основал Большие Яльчики. Сюда же переселился десятный князь (*вунпү*) Патырша, храбрый воин, участник взятия Казани. Только в пределах Большешагьминского прихода Ядринского уезда в конце XIX в. священником Н.А.Архангельским были записаны предания о жителях разных деревень, отличавшихся при взятии Казани: Салтане, погибшем при осаде города, Аютке Саваткине, Шукке, Шыплае, Фасмате, Фаспатыне, Киване и Похтане. Если в пределах лишь одного прихода краеведу удалось записать 10 имен участников взятия Казани, то можно предполагать, что в памяти народа хранились подвиги сотен героев. Записано много преданий о том, что гусяр-чуваши или сурначей-чуваши измерили расстояние от передовой линии русских до стены казанского кремля, чтобы можно было устроить подкоп под крепостную стену [182].

После взятия Казани Иван IV послал во все волости левобережной части ханства “чернымъ людемъ ясачнымъ жаловалные грамоты опасные, чтобы шли къ государю, не бояся ничего; а хто лихо чиниль, темъ Богъ мстиль; а ихъ государь пожалуетъ, а они бы ясаки платили, якоже и прежнимъ Казаньскимъ царемъ”. И Ивану IV дали присягу арские и луговые люди в том, что будут верны русскому государю и платить ясаки [183].

По взятии Казани русские войска оставались здесь же. По пути из Казани в Москву 12 октября 1552 г. Иван IV остановился в Свияжске и приказал боярину и воеводе князю П.И.Шуйскому “горних людей управливати и ясаки имати (разумеется, по истечении трехлетней льготы. – *В.Д.*), и въ всемъ ихъ беречи велель, и горнимъ людемъ всякую управу велель чинити въ Свиязскомъ городе, а луговымъ и арскимъ велель управу въ Казани чинити, а о смесныхъ делехъ горнимъ съ Казаньскими государь велель ссылатися воеводамъ Казаньскимъ съ Свиязьскими и Свиязьскимъ съ Казаньскими” [184].

Взятием Казани не ограничилось завоевание Казанского ханства. В левобережной части в 1552–1557 гг. продолжалось антимосковское сепаратистское движение с целью восстановления ханства. Еще в 1970 г. я писал: “К антимосковскому сепаратистскому движению, происходившему на Левобережье в 1552–1557 гг., чувашаи не примкнули...

В декабре 1552 г. луговые люди вместе с группой горных людей напали на Волге на купцов и боярских людей, за что воевода Б.И.Салтыков казнил на Цивиле 74 человека из горных людей [ПСРЛ. Т. XIII. С. 228–229]. Но уже в марте 1553 г. горные люди выступили вместе с русскими воинами против вторгшихся на Горную сторону луговых и арских мятежников и потеряли убитыми 170 человек. Летом 1554 г. горные люди были включены в состав объединенных сил, направленных из Казани против антимосковского движения на Луговой стороне. В марте 1555 г. лыжный отряд горных людей в 700 человек подавлял мятежи на Луговой стороне [Там же. С.230, 245, 246]. В начале марта следующего года главарь антимосковского движения Мамич-Бердей с 2000 воинов появился на Горной стороне, чтобы склонить к себе горных людей. Чуваши во главе с сотником Алтышем заманили Мамич-Бердея и его охрану (до 200 человек) в свой острог, побили охрану и, арестовав главаря, 21 марта привели его в Москву, за что Иван IV “горных людей пожаловал великим своим жалованьем и всяких им пошлин полегчил”. В апреле 1557 г. свияжский воевода писал царю, что луговые мятежники во главе с Ахматек-богатырем приходили войной на Горную сторону, и он отправил против них детей боярских, горных людей и стрельцов, которые “луговых людей побили наголову”, Ахматека-богатыря “жива взяли”. В этом году всю зиму и весну луговые мятежники совершали нападения во многие места Горной стороны, и везде их побивали, ежедневно из Свияжска и Чебоксар отправляли на Луговую сторону воинские отряды, в составе которых были, вероятно, и горные люди. Эти отряды успешно воевали против сторонников антимосковского движения [Там же. С. 266, 282]” [185]. Правобережные чуваши и в 1552–1557 гг. остались верны условиям жалованной грамоты Ивана IV 1551 г. и своей присяге (правде) преданности Русскому государству, данной в том же году.

Чувашские историки стали писать, что “в течение пяти лет (1552–1557 гг.) правобережная часть бывшего Казанского ханства не покорилась русским поработителям”. А эти мысли были высказаны впервые в 1923 г. М.Г.Худяковым, допустившим преступную фальсификацию исторических фактов и невероятные вымыслы. Он писал: “Горная сторона Волги была также охвачена восстанием против русских... Во главе восставших стал Мамыш-Берды, один из казанских предво-

дителей (сотных голов) Луговой стороны. Собравши отряд в несколько тысяч, он хозяйничал на Волге выше Казани и прервал сообщение между Свияжском и Васильсурском. Мамыш-Берды избрал центральным местом своего пребывания Чалымскую крепость, построенную на правом берегу р. Волги, на высокой Сундырской горе (близ с. Малого Сундыря, в 15 верстах ниже г. Козьмодемьянска). Природные укрепления делали город почти неприступным. Мамыш-Берды решил восстановить разрушенную государственную организацию и возобновить ханскую власть... Тогда казанцы выбрали на престол брата царицы Сююн-Бике мурзу Али-Акрама. Али прибыл из Сарайчика в Чалым с 300 ногайцами и был возведен на престол. Таким образом, верховная власть в Казанском ханстве была восстановлена, столица же была временно перенесена на 160 верст от Казани вверх по течению Волги в город Чалым... Летом 1554 года война возобновилась, причем к Мамыш-Берды примкнули черемисы Луговой стороны... Война вновь охватила всю территорию. Повстанцы убили всех, кто сочувствовал русским... Весной 1556 года жители Казанского ханства подняли восстание против завоевателей. Мамыш-Берды с 2000-м войском повел наступление, но в апреле месяце русские под начальством П.В.Морозова открыли военные действия против г. Чалыма. Неприступная крепость была взята, как и Казань, при помощи взрыва подкопов... После падения Чалыма перевес окончательно перешел на сторону русских... Иностранцы, в особенности чуваши, стали переходить на сторону русских. Хан Али был убит. Чуваши хитростью захватили Мамыш-Берды и выдали его русским. Вождь борьбы за независимость был отправлен в Москву и казнен” [186].

Но все это – лишь размышления автора. В приведенной цитате М.Г.Худяков не сделал ни одной ссылки на исторические источники, на летописи, где антимосковское движение освещено подробно. В работах казанских историков и в школьных учебниках по истории Татарстана все вымыслы М.Г.Худякова повторяются и получили “дальнейшее развитие”. В новых работах и учебниках утверждается, что антимосковское движение происходило главным образом на Горной стороне, вымышленный хан Али-Акрам называется сражающимся ханом, героически погибшим “в борьбе за независимость народов Казанского ханства”.

В связи с этим, я вынужден был опубликовать статью “Антимосковское движение в Казанской земле в 1552–1557 годах и отношение к нему ее Горной стороны”, в которой, приведя все сохранившиеся источники, доказал, что антимосковское движение развернулось на Луговой, Арской и Побережной сторонах, а на Горной стороне его не было, что Чалымский городок был расположен на правом берегу Камы, в нынешнем Рыбно-Слободском районе Республики Татарстан (от него сохранилось Чаллынское городище), что никакой столицы ханства в 15 верстах ниже Козьмодемьянска не было, что казанцами не был приглашен хан Али-Акрам (сын ногайского князя Али-Акрам поступил на русскую службу и до 1578 г. в источниках упоминается служащим в Москве), а Мамич-Бердеем был приглашен осенью 1555 г. на Луговую сторону из Сарайчика, центра Ногайской орды, царевич Ахполбей, чтобы провозгласить его ханом. С ним прибыло 300 ногайцев. Вместо защиты луговых марийцев от карателей ногайцы Ахполбея бесчинствовали и грабили местных жителей, уклонялись от участия в боевых действиях против карателей. Когда зимой 1555–56 г. русские войска развернули наступление на отряды Мамич-Бердея, повстанцы и ногайцы не сумели противостоять карателям. Терпение Мамич-Бердея иссякло. Марийские повстанцы перебили ногайцев. Как указывает А.М.Курбский, Мамич-Бердей приказал водрузить Ахполбея на кол и произнес: “Мы было взяли тебя того ради на царство, с двором твоим, да обороняеши нас; а ты и сущие с тобою не сотворили нам помощи столько, сколько волов и коров наших поел; а ныне глава твоя да царствует на высоком коле”. Все это происходило на Луговой стороне, в марийских лесах, а не в вымышленной столице ханства – г. Чалым. Ахполбей не был героически погибшим сражающимся ханом [187].

Касаясь 1552–1557 гг., хотелось бы упомянуть о возведении крепости (кремля) на месте существовавшего с конца XIII в. болгаро-чувашского города Веда-Суар – Шупашкар – Чебоксары, где еще с 1552 г. стоял русский полк. В 1555 г., как указывает недавно опубликованная разрядная книга, “царь и великий князь велел поставить город на Волге ... для чебоксарския черемисы. И того году годовали на Чебоксаре воеводы окольничей Василей Петрович Борисов да Федор Михайлович Нагово (они здесь с 1552 г. – *В.Д.*), да князь

Василей князь Семенов сын Фуников, те в городе; да на Чебоксаре же Осип Васильев сын Полев, а быти ему за городом (т.е. вне кремля. — В.Д.). А грамоты писаны от государя к Василью Петровичю Борису да к Федору Нагому с товарищи”. В грамоте Ивана IV, данной 26 мая 1555 г. только что назначенному архиепископу казанскому и свияжскому Гурию, отправлявшемуся из Москву в Казань, было предложено устроить в Чебоксарах стан дневной и, посоветовавшись с местными русскими воеводами, определить место Введенской соборной церкви и там поставить полотняную церковь, ходить с крестами, пев молебны, вокруг будущего кремля, совершить божественную литургию и освятить будущую крепость. Гурий, находясь в Чебоксарах 23–24 июля, выполнил предписание Ивана IV. Деревянная срубная крепость (кремль) в Чебоксарах была сооружена в 1555-м же году. Служилые чуваши (чувашиские казаки) были оставлены в городе. Позднее они стали служилыми новокрещенами и жили в Басурманской слободе. Рядовые чуваши были выселены в д. Шебашкар в 12 км западнее Чебоксар. Эта деревня продолжала существовать и в XVIII в., но затем разделилась на три выселка, известные теперь как деревни Ойкасы, Варпоси и Онгапоси нынешнего Чебоксарского района [188].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В боях за взятие Казани и антимосковском движении 1552–1557 гг. погибли десятки тысяч русских, татар, луговых марийцев, немалое количество удмуртов и, вероятно, левобережных чувашей Чувашской и других даруг. Правобережные чувашаи, помня о разгроме Волжской Болгарии, ее городов и селений монголо-татарами в 1236 г., об опустошении Болгарской земли золотоордынскими ханами и эмирами, походами Аксак-Тимура 1391 и 1395 гг., северо-восточных русских князей и новгородских ушкуйников и главным образом грабительскими и всеуничтожающими нападениями Мангитского юрта Едигея в конце XIV – начале XV вв., пережив нестерпимый гнет казанских ханов и феодалов, оказавшись по соседству с русскими поселениями и установив с ними добрососедские отношения, мирно, по челобитью вошли в состав России в июне 1551 г., сохранив себя от кровавых жертв Казанской войны и антимосковского движения 1552–1557 годов. Сами годы мирного присоединения Чувашии к России, годы национально-освободительной борьбы чувашей, увенчавшейся ликвидацией ига казанских ханов и феодалов, годы трехлетней льготы от ясачных платежей запомнились народу как лучший период его многострадальной истории, нашедшей отражение в чувашском фольклоре: “*Йăван ёмпӗ чухнехи пурнăçа мён калăн* – Что и говорить о жизни при царе Иване” [189].

Значение мирного присоединения Чувашии к России можно определить, разумеется, с учетом всего исторического пути чувашского народа с середины XVI в. до настоящего времени. Присоединение явилось кардинальной, переломной вехой, определившей характер дальнейшего развития нашего народа. Оно представляло собой значительный акт для России, являясь преддверием дальнейшего продвижения на Восток и одним из источников ее доходов.

Сами чуваши в те далекие времена не могли представить себе всей глубины значения этого важнейшего события. Их стремлением было избавиться от ханского ига и облегчить свое социально-экономическое и политическое положение. Они тогда уже разуверились в возможности восстановления своей государственности, будучи очень сильно ослабленными в результате опустошения Болгарской земли и ассимиляции значительной части левобережных чувашей татарами.

Самым важным результатом мирного вхождения чувашей в состав России было сохранение их как народность. В Казанском ханстве почти половина левобережных чувашей – “худых болгар” была отатарена. Если бы продолжалось существование Казанского ханства и исламизация чувашей, то все они были бы отатарены, исчезли как этнос. Даже в составе России отатаривание левобережных чувашей продолжалось (многие левобережные чувашаи переселились в Нижнее Закамье и Башкирию), но правобережные чувашаи и значительная часть приказанских и заказанских чувашей Чувашской (Зюрейской) дороги сохранились как этнос и численно увеличились за 450 лет примерно в 10 раз. В России чувашский народ не испытывал геноцида. До XX в. почти не было его обрусения.

В составе России Чувашия стала областью относительно высокой земледельческой культуры. Почти половина ее территории распахивалась. Возделывались рожь, овес, ячмень, полба, горох, просо, гречиха, в меньшей мере пшеница. Высок был удельный вес животноводства. Важное место в хозяйстве принадлежало также охоте, бортничеству, сельским промыслам по обработке дерева, кожи шерсти, волокна и пр. Среди народов Поволжья и Приуралья чувашаи зарекомендовали себя как наиболее рачительные земледельцы.

Вхождение в состав России не избавило чувашей от социально-го и национального гнета. Над ними был установлен колониальный гнет сначала Московской, затем Петербургской империй, заинтересованных получать от них прежде всего доходы, прибыль, использовать их для усиления своей мощи. Чувашские крестьяне платили в царскую казну денежные и натуральные подати, несли многочисленные повинности, включая воинскую. Царское правительство в начале XVII в. запретило чувашам, марийцам и удмуртам заниматься кузнечным и серебряным делом. Чувашским крестьянам до середи-

ны XIX в. не разрешали заниматься торговлей. В течение XVII в. феодальная прослойка из чувашей – окружные князья (*пу*), сотные князья (*сёрлу*), десятные князья (*вунлу*) – постепенно редела и в 1718–1723 гг. вместе со служивыми чувашами (их было около 2,5 тыс.) по указам Петра I была нивелирована с государственными крестьянами. Национально-колониальная политика царизма тормозила развитие экономики, общественных отношений и культуры чувашского народа.

Не соответствует действительности заявление А.В.Изоркина о том, что с присоединением Чувашии к России “татарский гнет сменился более жестоким русским”. Российское централизованное государство в социально-экономическом, культурном и политическом отношениях стояло выше, чем военно-феодальное Казанское ханство с сильно выраженными чертами восточного деспотизма. В России чувашаи оказались в условиях высоко развитого феодального строя. Ими управляли и их судили по законам и юридическим нормам развитого русского феодального права, хотя дворянско-чиновничий произвол, вымогательства и взяточничество чиновников среди чувашей и других народов удваивали тяжесть их эксплуатации. Все те условия мирного вхождения чувашского и других народов Горной стороны, изложенные в жалованной грамоте Ивана IV с вислой золотой печатью, в основном выполнялись. Пахотные земли и бортные леса сохранялись за ними: на территории компактного расселения чувашей в XVI – первой половине XIX вв. в руки русских помещиков и монастырей, а также под городские поселения перешло только около четырех процентов земель. Чувашские трудовые массы были оставлены в ясачно-обязанном состоянии, в XVIII в. стали государственными крестьянами, не передавались в руки помещиков, монастырей и дворцового ведомства. Лишь в Саратовском Поволжье несколько чувашских деревень было закрепощено графом Орловым, а в 30-х гг. XIX в. около 100 тыс. чувашских крестьян Симбирской губернии стали удельными и пребывали в таком положении до 1863 года.

С вхождением в состав Российского государства произошли коренные изменения в управлении Чувашским краем. На место ханской администрации, изгнанной с территории Чувашии в ходе освободительной борьбы, была установлена российская колониальная система управления. Для управления Казанской землей и другими

вновь присоединенными территориями в Москве был создан Приказ Казанского дворца. Почти треть территории Чувашии вошла в состав Свияжского уезда. Царское правительство возвело города-крепости Чебоксары (1555 г.), Алатырь (впервые упоминается в 1555 г.), Кокшайск (1574 г.), Козьмодемьянск (1583 г.), Цивильск (1589 г.), Ядрин (1590 г.), которые стали центрами уездов Чувашского края. В начале XVII в. чувашаи Юмачевской волости были переведены из Чебоксарского в Курмышский уезд. В посадах городов сосредоточивалось русское торгово-ремесленное население. Города как центры торговли, ремесла и промыслов играли важную роль в экономике Чувашии, связывали ее со складывающимся всероссийским рынком. В них сбывалась сельскохозяйственная продукция крестьян. Городские ремесленники производили некоторые орудия труда, женские украшения, посуду и другие предметы домашнего обихода, употребляющиеся только у чувашей. В городах была развита металлообработка, кожевенное и сапожное производства. Города и уезды стали управляться подчинявшимися царю и Приказу Казанского дворца воеводами вместе со специальными “татарскими” головами, ведавшими нерусским населением, и со штатом приказных служителей. В крепостях были построены тюрьмы, аманатные дворы для содержания заложников из местного населения, житные дворы для хранения собираемого с чувашей ясачного хлеба и т.д. Здесь же были размещены вооруженные силы (от 200 до 1000 воинов в каждом), которые служили целям управления краем, подавления социального протеста трудового люда и народных движений, а также для защиты края от нападений кочевых крымских и ногайских орд, калмыцких тайш. Воеводы и чиновники осуществляли внеэкономическое, колониальное принуждение ясачных чувашей, ставших в XVIII в. государственными крестьянами. Если в Казанском ханстве военизированный сбор ясака сопровождался открытым грабежом ясачных чувашей, иногда угоном девушек и парней в казанскую неволю, то в России процветали чиновничий произвол, вымогательство и взяточничество. Глава сенатской комиссии подполковник А.И.Свечин, в 1763–1765 гг. изучавший причины приведения государственных крестьян в бедность, докладывал в Сенат, что “жители в Казанской губернии, а особливо новокрещены ис чуваш и черемис, от разных не подлежащих побо-

ров и прищепок раззорены... и утроплены так, что ежели увидят одного солдата в мундире, оставляя свой дом, разбегаются в разные места” [190]. В 1831 г. жандармский полковник Маслов докладывал шефу жандармов, что “опыты всех времен доказывают, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение истинное, и сколько нужно и должно поселянину; на основании сего правила начальствующие чувашами всеми силами способствуют дальнейшему распространению невежества... Чувашский народ до сего времени погружен еще в крайнее невежество; но он от природы добр, бескорыстен, миролюбив... Трудолюбие его доказывается великим количеством вывозимого на пристани волжского хлеба. С такими качествами народ сей должен бы благоденствовать, если бы не был отдаваем в управление таких начальников, которые не лучшее имеют к нему уважение, как к вьючному скоту” [191].

После присоединения Среднего Поволжья к России несколько ускорилось развитие здесь производительных сил, началось освоение новых земельных пространств в бывшем диком поле. На территории Чувашии установились мирные условия жизни, труда и хозяйствования, что способствовало росту численности населения, расширению посевных площадей, увеличению количества рабочего и продуктивного скота. Совершенствование хозяйственных занятий чувашских крестьян обусловилось и положительным взаимовлиянием русских и чувашских крестьян. Многие русские полоняники, пребывавшие у казанских ханов и феодалов в рабстве, после ликвидации ханства не стали возвращаться в центральные районы России. Они жили “и с татарою, и с чувашею” вместе пахали свои пашни “не в разделе с татарскими и чувашскими пашнями, смесь по полосам”, — сообщает писцовая книга Свияжского уезда 1565–1567 годов. В 1593 г. казанский митрополит Герман с негодованием докладывал царю Федору Ивановичу, что “многие русские полоняники и не полоняники живут у татар и у черемисы, и у чувашы и пьют с ними и едят содново и женятся у них” [192]. Русские и чувашы оказывали друг другу хозяйственное и культурно-бытовое влияние. Чувашские крестьяне с уважением и симпатией относились к простым русским людям, с которыми рядом жили и трудились. “*Ѕăкăр-тăвар пĕрле ларса сисен,*

хура вырăс та хурăнташ – Если простой русский человек отведа-ет с нами хлеба-соли, почему не назвать его родным человеком”, – гласит чувашская поговорка.

В составе России экономическое и правовое положение чувашских крестьян сближилось с положением русского простонародья. Вме-сте с русскими, татарскими, мордовскими, удмуртскими трудовыми массами чуваша боролись против колониального и крепостнического гнета в народных движениях смутного времени 1606–1610 гг., в крес-тьянских войнах под предводительством С.Т.Разина в 1670–1671 гг. и Е.И.Пугачева в 1773–1775 годах. В 1842 г. произошло Акрамовское восстание чувашских и марийских крестьян, направленное против реформы П.Д.Киселева, ставившей крестьян на положение удельных.

Важнейшим последствием вхождения чувашского народа в со-став России явилось расширение территории его обитания. В сере-дине XVI в. одна группа чувашей обитала в центральных и северных районах территории современной Чувашской Республики (южная гра-ница их земель проходила по р. Кубне), другая – в Приказанье и Зака-занье. А территория современных Яльчикского, Комсомольского, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашии, юго-западных рай-онов и закамской части Татарстана, Ульяновской, Самарской, Пен-зенской, Саратовской областей представляла собой дикое поле – пространство без оседлого населения и поселений, где проводили ле-товки ногайские и другие кочевые орды, а с 30-х гг. XVII в. – и кал-мыки, переселившиеся из Ойратии (Джунгарии), расположенной за-паднее Бурятии. Правительство России с привлечением оседлого, в том числе чувашского, населения Среднего Поволжья в XVI–XVII вв. построило Кубнинскую, затем Алатырско-Тетюшскую, Симбирско-Карсунскую, Закамскую, Сызранско-Пензенскую, в начале XVIII в. – Вторую Закамскую оборонительные линии (засечные черты), что обезопасило от вторжения кочевников большие пространства плодо-родных земель. С последней четверти XVI до начала XVIII вв. чу-вашские крестьяне возвратились в оставленные ими в XIV – начале XV вв. земли юго-восточной и южной частей Чувашии, вплоть до начала XX в. интенсивно осваивали присурские леса нынешних Иб-ресинского, Шумерлинского и Красночетайского районов. В связи с ростом численности населения в Чувашии в XVII–XVIII вв. шел уси-

ленный процесс выделения из материнских селений дочерних выселков, околотков (*касси*). Он продолжался в XIX – первой половине XX веков. На территории Чувашской Республики вместо 200 с лишним селений (без учета селений юго-западной части) к середине XX в. образовалось около 1800 селений. В XVII–XVIII вв. чувашские крестьяне Правобережья Волги, Приказанья и Заказанья переселялись также в Симбирский край и Закамье – на территории, ныне входящие в Татарстан, Ульяновскую и Самарскую области, а также в районы Пензенского и Саратовского краев. В XVII–XIX вв. чувашаи вместе с русскими, татарами, мордвой и марийцами участвовали в колонизации и освоении обширных и плодородных земель Башкирии и Оренбуржья. В XIX в. продолжалась миграция чувашей в Приуралье, но главными направлениями стали Сибирь и Дальний Восток (вплоть до Сахалина). В XX в. также продолжалась миграция чувашей в другие районы страны. За четыре столетия после вхождения в состав России территория расселения чувашей увеличилась не менее чем в четыре раза. В местах проживания диаспоры образовалось более 1000 чувашских селений.

В 1795 г. в России чувашей насчитывалось 352,0 тыс. человек обоего пола, из них 233,9 тыс. (66,5%) проживали в Чувашии в границах современной республики, 118,1 тыс. (33,5%) – за ее пределами. Всероссийская всеобщая перепись населения 1897 г. показала, что из 843,7 тыс. человек всех чувашей в России на территории современной Чувашской Республики проживали 527,6 тыс. (62,5%), а вне ее границ – 316,2 тыс. (37,5%) человек. По данным переписи 1989 г., в СССР числилось 1 млн 839,2 тыс. чувашей, из них 905,6 тыс. человек, или 49,3%, – в Чувашской АССР, остальные: в Татарской – 134,2 тыс. и Башкирской – 118,5 тыс. АССР, Куйбышевской – около 115,0 тыс., Ульяновской – более 90 тыс. областях. От 10 до 30 тыс. чувашей числилось в Красноярском крае, Кемеровской, Оренбургской, Тюменской, Саратовской, Челябинской, Иркутской, Пермской, Волгоградской областях, Украинской, Казахской и Узбекской ССР, в г. Москве. Вначале чувашаи-переселенцы на новых землях жили лучше, чем в чувашской метрополии, но обособленное проживание за пределами Чувашии неблагоприятно отражалось на их национально-культурном развитии, вело к ассимиляции русскими.

Ныне на Земном шаре живет около 6 млрд. человек, а количество наций, народностей и этнических групп приближается к 4 тысячам. Из них 325 народов, насчитывающих более 1 млн человек, относятся к крупным народам мира. По численности населения чувашаи занимают в мире 225 место, а в России они – на четвертом месте (после русских, татар и украинцев).

В 60-х гг. XIX в. вслед за владельческими крестьянами удельные и государственные крестьяне были освобождены от крепостной зависимости от царского двора и государства. После отмены крепостного права и в Чувашии развивались капиталистические отношения. Происходило социальное расслоение чувашской деревни. Из нее вышли видные предприниматели и купцы Ефремовы, Селивановы, Абалымовы и др. Однако по сравнению с центральными районами России развитие рыночных отношений в Чувашии несколько отставало. В конце XIX – начале XX вв. здесь возникло до трех десятков фабрик и заводов. На них, а также в мелких заведениях и мастерских, на водном и железнодорожном транспорте, в обслуживании работало около 6 тыс. рабочих. Более 8 % мужского трудоспособного населения Чувашии уходило на отхожие промыслы. Часть рабочих и крестьян края участвовала в революции 1905 – 1907 годов.

В составе России произошли определенные сдвиги в культуре чувашского народа. Еще Иван IV стремился крестить чувашей и представителей других народов Поволжья, что, однако, не имело заметных успехов. В XVII в. были окрещены лишь некоторые представители городских служилых чувашей. Несколько указов о крещении народов Поволжья подписал и Петр I, в результате чего в 1740 – 1764 гг. основная масса чувашей была окрещена. К сожалению, проповедь христианского учения только на церковнославянском и русском языках до 70-х гг. XIX в. ограничивала его усвоение чувашами. В 1740-х гг. среди чувашей распространилось возглавляемое Охадером Томеевым движение за использование в церковной проповеди чувашского языка и привлечение чувашей к управлению. С введением в 1870 г. системы профессора Н.И.Ильминского по просвещению нерусских народов Востока России на родном языке чувашии приобщились к православию.

С началом массовой христианизации народов Поволжья были открыты новокрещенские школы, которые окончили в XVIII в. более

500 чувашских детей. В первой половине XIX в. в чувашских селениях было открыто около 60 школ. Из стен некоторых из них вышли незаурядный архитектор П.Е.Егоров (1728–1789) – автор и строитель ограды Летнего сада в Петербурге, Мраморного дворца и ряда других замечательных архитектурных сооружений, ориенталист Н.Я.Бичурин (1777–1853), историк, этнограф и писатель С.М.Михайлов (1821–1861).

С 60-х гг. XIX в. произошли заметные сдвиги в развитии чувашской культуры и школьного образования. В начальных школах было разрешено преподавать на родном языке. Много сил и энергии отдали делу распространения грамоты среди чувашей замечательные русские педагоги Н.И.Ильминский и И.Н.Ульянов. При их поддержке вырос выдающийся чувашский просветитель инспектор чувашских школ Казанского учебного округа И.Я.Яковлев (1848–1930), который стал основателем и руководителем Симбирской чувашской учительской школы, подготовившей за время своего существования более тысячи учителей. Преподаватели для чувашских школ готовились и в Казанской инородческой учительской семинарии. И.Я.Яковлевым было открыто много чувашских начальных, двуклассных и второклассных училищ. На основе русской графики им была создана новая чувашская письменность. Издавалась учебная, сельскохозяйственная, медицинская и другая литература на чувашском языке. Зародилась чувашская художественная литература, возникли зачатки профессионального изобразительного, музыкального и сценического искусств, появилась национальная интеллигенция. И.Я.Яковлев возглавил демократическое движение за национальный подъем чувашского народа, за его равноправие и сближение с русскими и другими народами. Его деятельность содействовала росту национального самосознания чувашей. Значительны были достижения в исследовании языка, этнографии и истории чувашей. В дооктябрьский период на чувашском языке было издано более 700 книг.

Можно считать, что в начале XX в. в основном сформировалась чувашская нация. Ее основными признаками являлись язык, выросший до уровня единого литературного, национальная культура, развивавшаяся на базе болгарской культуры и обогащенная генетическими связями с марийской, контактными связями с татарской и русской культурами. Языковая и культурная общность чувашской нации подкреплялась компактным проживанием основной массы народа на общей территории и

сплотивавшими эту массу экономическими связями. В состав нации, разумеется, входят все чувашские, проживающие в России. Характерными чертами чувашской, как и многих других наций и народностей, являлись трудолюбие, высокая нравственность, дружественное отношение к людям других национальностей. Пребывание чувашской почти в течение семи столетий под национальным гнетом, потеря своей государственности в XIII в., ликвидация из их среды элиты и превращение почти всей массы народа в черный люд (*хура халӑх*) отразились в формировании в психологии и менталитете некоторой части чувашской черт национального нигилизма.

24 июня 1920 г. была создана Чувашская автономная область, преобразованная в 1925 г. в автономную республику. Получив автономную национальную государственность в составе Российской Федерации, чувашский народ добился впечатляющих успехов. Чувашия стала индустриально-аграрной. Достигнута всеобщая грамотность населения. Сложились многочисленные отряды интеллигенции, высококвалифицированных рабочих, тружеников села. Улучшилось благосостояние народа. Расцвели чувашская художественная литература, профессиональное музыкальное, театральное и изобразительное искусство, поднялась наука. Восторжествовала дружба народов. Однако сформировавшийся за 700 лет монголо-татарского ига и колониального гнета Московской и Петербургской империй менталитет чувашского народа, для которого характерен национальный нигилизм, пренебрежительное отношение к своему языку и культуре, к своему соплеменнику, до последнего времени сильно сказывались на национальном подъеме чувашского народа. Перепись 1989 г. показала, что на тот период 25% чувашской в России не знали родного языка, а в некоторых районах диаспоры этот процент доходил до 60. Насущной проблемой являлось укрепление и развитие чувашской национальной государственности в составе Российской Федерации.

В последнее десятилетие в республике произошли заметные позитивные сдвиги. Чувашский язык, наряду с русским, получил статус государственного. Во всех школах республики учащиеся изучают чувашский язык. В районах проживания диаспоры открыты национальные школы. Успешно развиваются чувашская культура, литература, искусство и печать. Намного выросло число высших учебных заведений и обучаемых в них студентов. Достигнуты значительные успехи в газификации села, жилищном и дорожном строительстве.

* * *

Чувашский народ на протяжении 450 лет всегда был верен и предан России. Его славные сыновья и дочери мужественно и храбро защищали общую для всех народов Родину – Россию: в Ливонской войне, в борьбе против польско-шведской интервенции начала XVII в., в войнах против Оттоманской Турции, Польско-литовского государства и Швеции в XVII – XVIII вв., в Отечественной войне 1812 г., русско-турецких войнах XIX в., русско-японской и первой мировой войнах, героически сражались в Великой Отечественной войне, когда на алтарь Победы отдали свои жизни более 130 тыс. чувашей, 45 чувашей были удостоены звания Героя Советского Союза, свыше 130 тыс. вернулись с фронта с орденами и медалями. Чувство россиянина в душе чуваша ярко выражено в строках из стихотворения ветерана Великой Отечественной войны народного поэта Чувашии П.П.Хузангая «Я живу в России»:

... Чем дальше от родных полей,
Тем с большей повторял я силой,
Как голос совести моей,
Как песню: Я живу в России!

Чувашский ласковый язык,
Сказанья наши золотые,
Народный мудрости родник –
Все это сберегла Россия...

Чувашский народ ничем не запятнал себя в истории. Сегодня он занят созидательным трудом и мирно уживается с соседями. Чуваши свято чтят заветное слово своего великого просветителя И.Я.Яковлева: «Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью». В Чувашской Республике, в отличие от некоторых регионов, нет национальной розни. В ней проживает 1,36 млн человек: чуваша составляют 67,8 % ее населения, русские – 26,7, татары – 2,7, мордва – 1,4, представители других национальностей – 1,4 %. И каждый день здесь появляются на свет маленькие граждане разных национальностей, у которых одна родина – Чувашская Республика Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. См.: *Димитриев В.Д.* Историография присоединения Чувашии к России // Вопросы истории Чувашской АССР: Ученые записки ЧНИИ. Вып. 52. Чебоксары: ЧНИИ, 1970. С.96–150.
2. *Баженов Н.* Казанская история. Казань, 1847. Ч. 1. С. 86–87, 93, 107, 109.
3. *Гусев Т.Г.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1950. Вып. IV. С. 50–81.
4. *Тихомиров М.Н.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С. 93–106.
5. *Тихомиров М.Н.* Присоединение Чувашии к России // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. С.104–128; *Он же.* Русское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 41–115.
6. *Тихомиров М.Н.* Русское государство XV–XVII веков. С. 105–106, 115.
7. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII веков. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С.667; История СССР: Учебник для вузов. М.: Госполитиздат, 1956. С. 242; М.: Мысль, 1964. С. 266, и др.
8. Всемирная история. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 486.
9. История Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. Т. I. С. 60.
10. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 558. Л. 260–263.
11. Там же. Ед. хр. 559. Л. 7–13.
12. Там же. Л. 27–35.
13. 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары: ЧНИИ, 1977. 160 с.
14. *Димитриев В.Д.* М.П. Петров: жизнь и научная деятельность // Историко-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 22.
15. *Акманов И.Г.* Еще раз о присоединении башкир к Русскому государству // Ядкяр. 1996. № 1(3). С. 50.
16. Современная Чувашия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. С. 24; Чувашия: по городам и весям. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. С. 16.
17. Советская Чувашия. 2000, 27 июня.
18. *Изоркин А.В.* Атӑлци Пӑлхара кам тӑп тунӑ? // Хыпар. 1996, августӑн 14.
19. *Изоркин А.В.* Мӑн уявлатӑр? // Хыпар. 1997, майӑн 24; *Он же.* Что празднуем? // Хыпар-дайджест. Октябрь. 1997. № 2.
20. *Изоркин А.В.* Лызлов историк чӑвашсем ҫинчен // Хыпар. 1997, апрелӑн 12. К сожалению, автор не знает, что А.И.Лызлов в своей книге в главу о Казанском ханстве включил в основной текст “Казанского летописца” без исправлений его вымыслов и сведения этого источника приписывает А.И. Лызлову.
21. *Изоркин А.В.* Пӑр сӑя юбилей ҫинчен. Вырӑссем Атӑлӑн сылтӑм енчи чӑвашсемпе туҫи ҫармӑссене парӑнтарни 450 сул ҫитрӑ // Хыпар. 1996, декабрӑн 25.
22. *Изоркин А.В.* Сказка о “добровольном вхождении” Чувашии в состав Русского государства // Лик Чувашии. 1997. № 2. С. 127–137.
23. Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1958. Вып. I. С. 93.
24. История Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. Т. I. С. 49–50; 1983. Т. I. С. 53.
25. *Димитриев В.Д.* Откуда есть пошла Чувашская земля // Советская Чувашия. 1994, 6, 9

августа; *Вăлах*. Чăваш патшалăхĕ пулса кайнăранпа 1100 сун ситет // *Хыпар*. 1994, декабрь 7, 8; *Вăлах* Чăваш патшалăхĕ мĕнле пулса кайнă // *Тăван Атăл*. 1995. № 1. 3–6 с.; *Он же*. К 1100-летию чувашской государственности // *Лик Чувашии*. 1995. № 2. С. 115–121.

26. *Димитриев В.Д.* Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV веков // *Известия НАНИ ЧР*. 1996. № 2. С. 45–76.

27. Изложение событий первого этапа дано по исследованию “Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV веков” (с. 53–63), где указаны и источники.

28. Изложение событий второго этапа дано по исследованию “Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV веках”. С. 63–67.

29. См.: *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // *Вопросы истории*. 1980. № 8. С. 8.

30. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. С. 154–170.

31. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXV. С. 226, 229; Т. VIII. С. 72; Т. XX. С. 219; Т. XXIV. С. 167; Т. XXVIII. С. 89, 253; *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 182–186.

32. ПСРЛ. Т. XXV. С. 225–226.

33. ПСРЛ. Т. XI. С. 171.

34. *Шпилевский С.М.* Указ. соч. С. 183–184.

35. *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. С. 166.

36. *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866. С. 17.

37. *Карамзин М.Н.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. II. Т. V. Стб. 96.

38. Источники фактов, относящихся к третьему этапу, указаны в исследовании: *Димитриев В.Д.* Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV веков. С. 67–70.

39. *Димитриев В.Д.* История и национальные проблемы чувашского народа // *Вестник Чувашской национальной академии*. 1994. № 2. С. 27; *Народная школа*. 1994. № 4. С. 2; *Вăлах*. Чăваш патшалăхĕ мĕнле пулса кайнă // *Тăван Атăл*. 1995. 1 №. С. 6; *Он же*. К 1100-летию чувашской государственности // *Лик Чувашии*. 1995. № 2. С. 120; *Вăлах*. Чăваш халăх историйĕ тата наци ыйтăвĕсем // *Тăван Атăл*. 1996. № 5. С. 1; и др.

40. История Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. Т. I. С. 40–45; *Бехтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. полигр.-изд. комбинат, 1998. С. 37–40; *Гришакан М.В.* Удмурты: Эпопы из истории IX–XIX вв. Ижевск: Удмуртия, 1994. С. 26–29; *Луттов П.Н.* Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. С. 21–47.

41. *Гусев Т.Г.* Указ. соч. С. 57.

42. Там же. С. 58.

43. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. С. 98–100.

44. *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. С. 234, 237, 243, 244, 245.

45. Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 53. То же в ПСРЛ. Т. XIX. Стб. 19.

46. Казанская история. С. 53; ПСРЛ. Т. XIX. Стб. 19–20.

47. Там же.

48. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 439.

49. ПСРЛ. Т. XIII. С. 164–173, 177–201, 222, 228–230, 245–246, 250, 266, 282, 305, 343, 348, 385, 450, 466–468, 470, 471–473, 476, 478, 495–497, 507, 509, 516, 528, 562; Т. XIV. С. 36; Т. XX. Ч. 2. (то же, что в Т. XIII); Т. XXIX. С. 62–63, 65, 72–74, 91–93, 101, 104, 111, 148, 161, 162, 165, 169, 171, 187–189, 197, 200, 207, 214, 215, 232, 245, 255, 268, 300, 304, 305, 336.

50. ПСРЛ. Т. XIII. С. 165–167, 221–222, 225, 228–230, 245, 246, 265–266; 282, 348, 467, 468, 516, 520, 523, 526–528; Т. XIV. С. 36; Т. XX. Ч. 2. (то же, что в Т. XIII); Т. XXIX. С. 62–64, 162, 206, 211, 214–216, 232, 244, 255, 256, 304, 305; См.: Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: Публикация текста. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1978.

51. ПСРЛ. Т. XIII. С. 56, 166, 167, 202, 210, 211, 222, 225, 229, 230, 234, 238, 244, 246–247, 265–266, 269, 270, 281–282, 467, 468–498, 516, 520, 523, 527; Т. XX. Ч. 2 (то же, что

- в Т. XIII); Т. XXIX. С. 55, 58, 62, 64, 95–97, 99, 100, 102, 104, 157, 162, 190–192, 195, 198–200, 211, 214, 215, 227, 232, 247; См.: Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов.
52. ПСРЛ. Т. XIII. С. 229, 230, 239, 245, 265, 269, 270, 281, 527; Т. XX. Ч. 2 (то же, что в Т. XIII); Т. XXIX. С. 214, 216, 247. См.: Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов.
53. ПСРЛ. Т. XXV. С. 282; Т. VIII. С. 156; Т. XII. С. 122; Т. XXVI. С. 227.
54. ПСРЛ. Т. XIII. С. 214, 239, 510; Т. XX. Ч. 2 (то же, что в Т. XIII); Т. XXIX. С. 200, 227. См.: Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов.
55. *Гришкина М.В.* Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории удмуртов. Ижевск: Удмурт. ИИЯЛ, 1988. С. 35–38.
56. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 95. О причинах именовании чувашей “горными черемисами” см.: *Димитриев В.Д.* О значении этнонима “черемисы” в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII веков // Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары: Чуваши. кн. изд-во, 1986. С. 5–17.
57. *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига: Ин-т истории СССР АН СССР, 1963. С. 174–176; *Он же.* Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Казан. филиал АН СССР, 1971. С. 282–283; *Ермаков И.П.* Писцовая книга Ивана Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 23–24; *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени. Казань: Ин-т истории АН Татарстана, 1998. С. 11–110; *Димитриев В.Д.* О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваш. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 39–43; *Скворцов М.И.* Чувашский языковой материал в “Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 годов // Межязыковые взаимодействия в Волго-Камье. Чебоксары: ЧГУ, 1988. С. 89–101; Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Казань, 1909. С. 104, 105, 132, 133.
58. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1958. С. 7–22.
59. Там же. С. 23–24.
60. Там же. С. 24–26.
61. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары: Чуваши. кн. изд-во, 1993. С. 71–74.
62. *Мухамедьяров Ш.Ф.* К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Сб. III. С. 89–122; *Димитриев В.Д.* Земельный документ времен Казанского хана Сафа-Гирея // Исторический сборник: Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1966. Вып. XXXI. С. 266–277; *Он же.* Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1963. Вып. XXII. С. 119–120; *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 145; Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. С. 109, 110 и др.; Наказ государя царя Михаила Федоровича, данный на управление г. Кокшайском и уездом, чувашскими и черемисскими волостями. Кострома, 1913. С. 13; *Курбский А.М.* Сочинения. СПб., 1914. Т. I. С. 178.
63. ПСРЛ. Т. XIII. С. 164, 165, 167; Т. XIX. Стб. 63; Т. XX. С. 481, 482, 484; Отдел письменных источников Российского исторического музея. Ф. 229. Ед. хр. 37. Л. 1; *Димитриев В.Д.* Документы по истории Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков. С. 134–136; *Он же.* Чувашские исторические предания. С. 71–79.
64. *Мухамедьяров Ш.Ф.* К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Из истории классовой борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. С. 143–161.
65. *Фирсов Н.* Положение инородцев Северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 5–19.
66. *Комиссаров Г.И.* Чуваша Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории

- и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Казань, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 324.
67. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 68–79.
68. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: ЧНИИ, 1972. С. 331.
69. *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 145.
70. ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. III. С. 288–298.
71. Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 81, 97.
72. *Бахтин А.Г.* Указ. соч. С. 61.
73. История Татарии в документах и материалах. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 106; *Шмидт С.О.* Предпосылки и первые годы “Казанской войны” (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-археологического института. М.: МГИАИ, 1954. Т. 6. С. 297–234.
74. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 71–78.
75. ПСРЛ. Т. XII. С. 242–243.
76. ПСРЛ. Т. XIII. С. 55.
77. ПСРЛ. Т. XIX. Стб. 281–282; *Казанская история*. С. 78.
78. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 73–78.
79. *Бахтин А.Г.* Указ. соч. С. 61.
80. *Гусев Т.Г.* Указ. соч. С. 60–67.
81. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. С. 93–94, 102.
82. ПСРЛ. Т. XVIII. С. 112.
83. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 56.
84. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 81–82.
85. Книга о земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871. Приложения. С. 65–73.
86. *Бахтин А.Г.* Указ. соч. С. 55–68.
87. Там же. С. 56.
88. Там же. С. 56–57.
89. ПСРЛ. Т. XXV. С. 280.
90. Там же. С. 280–281.
91. ПСРЛ. Т. XXV. С. 281–283.
92. ПСРЛ. Т. XIII. С. 99; Т. XX. С. 432.
93. *Казанская история*. С. 62.
94. *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. С. 52–54; ПСРЛ. Т. XIII. С. 3; Т. XXVIII. С. 339; *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 146.
95. *Алишев С.Х.* Указ. соч. С. 53–55.
96. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. С. 102.
97. ПСРЛ. Т. XIII. С. 43–44; Т. VIII. С. 270; Т. XX. С. 402; Т. XXIII. С. 203.
98. ПСРЛ. Т. VIII. С. 270–271.
99. *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 154–155.
100. *Казанская история*. С. 67–68.
101. *Карамзин М.Н.* Указ. соч. Кн. II. Т. VII. Стб. 81.
102. *Михайлов С.М.* Указ. соч. С. 43.
103. *Казанская история*. С. 68.
104. *Алишев С.Х.* Указ. соч. С. 66–67; ПСРЛ. Т. VIII. С. 273; Т. XIII. С. 46–47; *Разрядная книга 1475–1605 годов*. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1977. Т. I. Ч. 2. С. 215.
105. *Алишев С.Х.* Указ. соч. С. 67–68; ПСРЛ. Т. VIII. С. 274; Т. XIII. С. 54.
106. ПСРЛ. Т. VIII. С. 274.
107. Там же.
108. Там же. С. 274–275.
109. Там же. С. 276–277.

110. Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 13.
111. Алишев С.Х. Указ. соч. С. 72.
112. ПСРЛ. Т. VIII. С. 291.
113. Бахтин А.Г. Указ. соч. С. 81–88.
114. Казанская история. С. 75–77.
115. Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 378.
116. ПСРЛ. Т. XIII. С. 146–147; Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. С. 109; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 2. С. 316–317.
117. Казанская история. С. 78. См. также ПСРЛ. Т. XIII. С. 147–148; Т. XXI. С. 639.
118. Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Кн. 46. С. 286; Тихомиров М.Н. Русское государство XV–XVII веков. С. 105.
119. Бахтин А.Г. Указ. соч. С. 93.
120. Продолжение древней Российской вивлиофики. СПб., 1793. Ч. VIII. С. 272–275.
121. Бахтин А.Г. Указ. соч. С. 94.
122. ПСРЛ. Т. XIII. С. 149–150.
123. ПСРЛ. Т. XX. С. 468.
124. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. С. 110; см. также: Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Ин-т истории СССР, 1971. Т. I. Ч. 2. С. 330–331.
125. Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Кн. VII. С. 291; см. также: ПСРЛ. Т. XXII. С. 526.
126. ИОАИЭ. Казань, 1896. Т. XIII. Вып. 5. С. 367.
127. Михайлов С.М. Указ. соч. С. 331–332.
128. ИОАИЭ. Т. III. С. 289–290.
129. ПСРЛ. Т. XIII. С. 156; Т. XX. С. 473–474; Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. С. 106.
130. Продолжение древней Российской вивлиофики. Ч. VIII. С. 145.
131. Бахтин А.Г. Указ. соч. С. 98.
132. Там же. С. 99.
133. ПСРЛ. Т. XXIX. С. 55, 154; Т. XIII. С. 155–156; 457–458; Т. XX. С. 473–474; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 112–114.
134. ПСРЛ. Т. XIII. С. 460–461; Т. XXIX. С. 157.
135. Бахтин А.Г. Указ. соч. С. 99.
136. ПСРЛ. Т. XIII. С. 159–160, 460–461; Т. XXIX. С. 57–59, 156–157.
137. ПСРЛ. Т. XIII. С. 162–164, 463–465; Т. XX. С. 479–480; Т. XXIX. С. 60–61, 159–161; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 2. С. 398–399; см. также: Казанская история. С. 87.
138. Казанская история. С. 87.
139. ПСРЛ. Т. XIII. С. 162–164, 463–465; Т. XX. С. 479–480; Т. XXIX. С. 60–61, 159–161.
140. Казанская история. С. 87.
141. ПСРЛ. Т. XIII. С. 162–164, 463–465; Т. XX. С. 479–480; Т. XXIX. С. 60–61, 159–161.
142. ПСРЛ. Т. XXI. С. 641.
143. Казанская история. С. 88; ПСРЛ. Т. XIX. Стб. 63.
144. ПСРЛ. Т. XIII. С. 164, 465; Т. XX. С. 480; Т. XXIX. С. 61, 161.
145. ПСРЛ. Т. XIII. С. 164–165, 466; Т. XX. С. 481; Т. XXIX. С. 62, 161.
146. Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1911. С.91.
147. Казанская история. С. 88; ПСРЛ. Т. XIX. Стб. 63.
148. ПСРЛ. Т. XXI. С. 641.
149. Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Кн. V. С. 18.
150. ПСРЛ. Т. XIII. С. 165, 466; Т. XX. С. 482; Т. XXIX. С. 62, 162.
151. ПСРЛ. Т. XIX. Стб. 62, 308.
152. Казанская история. С. 88.

153. *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве или казанский летописец. СПб., 1905. С. 351.
154. ПСРЛ. Т. XIII. С. 165, 466; Т. XX. С. 482; Т. XXIX. С. 62, 162.
155. ПСРЛ. Т. XIII. С. 221–222, 516; Т. XX. С. 532–533; Т. XXIX. С. 110, 205–206.
156. ПСРЛ. Т. XIII. С. 165, 461; Т. XX. С. 482; Т. XXIX. С. 62, 162.
157. ПСРЛ. Т. XIII. С. 165, 467; Т. XX. С. 482; Т. XXIX. С. 62–63, 162.
158. ПСРЛ. Т. XIII. С. 165–166, 467; Т. XX. С. 482–483; Т. XXIX. С. 63, 162.
159. *Бахтин А.Г.* Указ. соч. С. 103.
160. Казанская история. С. 92.
161. ПСРЛ. Т. XIII. С. 166–167, 467–468; Т. XX. С. 483–484; Т. XXIX. С. 63–64, 162–163.
162. Там же.
163. ПСРЛ. Т. XIII. С. 167, 468–469; Т. XX. С. 484; Т. XXIX. С. 64.
164. *Бахтин А.Г.* Указ. соч. С. 103.
165. ПСРЛ. Т. XIII. С. 168–169, 469–470; Т. XX. С. 485; Т. XXIX. С. 64–65, 163–164.
166. Там же.
167. ПСРЛ. Т. XIII. С. 169–170, 470–471; Т. XX. С. 486–487; Т. XXIX. С. 65–66, 164–166.
168. ПСРЛ. Т. XIII. С. 171–172, 472; Т. XX. С. 488; Т. XXIX. С. 67–68, 167.
169. ПСРЛ. Т. XIII. С. 172–173, 472–473; Т. XX. С. 489; Т. XXIX. С. 68–69, 168–169.
170. ПСРЛ. Т. XIII. С. 173–174, 473–474; Т. XX. С. 489–490; Т. XXIX. С. 69–70, 169.
171. ПСРЛ. Т. XIII. С. 174, 474; Т. XX. С. 490–491; Т. XXIX. С. 70, 169.
172. ПСРЛ. Т. XIII. С. 174, 474; Т. XX. С. 491; Т. XXIX. С. 70, 169.
173. ПСРЛ. Т. XIII. С. 175–177, 474–476; Т. XX. С. 492–493; Т. XXIX. С. 70–72, 169–171.
174. ПСРЛ. Т. XIII. С. 177–183, 198–200, 476–482, 495–497; Т. XX. С. 493–499, 512–514; то же в т. XXIX; *Курбский А.М.* Указ. соч. Т. I. С. 178; *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. С. 113.
175. *Шмидт С.О.* Восточная политика России накануне “Казанского взятия” // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX века. М.: Наука, 1964. С. 542–558.
176. ПСРЛ. Т. XIII. С. 177–199, 476–496; Т. XX. 493–513; Т. XXIX. С. 72–92, 171–188.
177. ПСРЛ. Т. XIII. С. 200–201, 496–498; Т. XX. С. 513–515; Т. XXIX. С. 92–94; 188–189; *Курбский А.М.* Указ. Соч. Т. I. С. 178.
178. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Ин-т истории АН СССР, 1978. Т. I. Ч. 3. С. 415.
179. ПСРЛ. Т. XIII. С. 496; Т. XXIX. С. 188; *Курбский А.М.* Указ. соч. Т. I. С. 178.
180. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 95–108.
181. ПСРЛ. Т. XIII. С. 200–221, 497–515; Т. XX. С. 514–532; Т. XXIX. С. 93–110, 189–205.
182. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 105–111.
183. ПСРЛ. Т. XIII. С. 221–222, 515–516; Т. XX. С. 532–533; Т. XXIX. С. 110–111, 205–206.
184. ПСРЛ. Т. XIII. С. 222, 516–517; Т. XX. С. 533; Т. XXIX. С. 111, 206.
185. *Димитриев В.Д.* Историография присоединения Чувашии к России. С. 103.
186. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Гос. изд-во, 1923. С. 149–152.
187. *Димитриев В.Д.* Антимосковское движение в Казанской земле в 1552–1557 годах и отношение к нему ее Горной стороны // Народная школа. 1999. № 6. С. 111–123.
188. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 3. С. 490; *Димитриев В.Д.* Чувашский этап истории г. Чебоксары // Известия НАНИ ЧР. 1997. № 1. С. 3–13; *Он же.* Застройка г. Чебоксары во второй половине XVI–XVII веках // Вестник Чувашского университета. 1997. № 1. С. 12–20.
189. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 153. С. 128, 130. Запись 1904 г.
190. *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 387–388.
191. Восстание чувашского крестьянства в 1842 г.: Сб. документов. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1943. С. 23–31.
192. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда (1565–1567 гг.). С. 106–108; История Татарии в документах и материалах. С. 149.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю (Вступительное слово Президента Чувашской Республики Н.В.Федорова)	3
Введение.....	5
Предпосылки мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к Российскому государству.....	12
Московско-казанские отношения и правобережные чувашаи	42
Мирное, по челобитью, присоединение Чувашии к Российскому государству.....	59
Вместо заключения	102
Литература и источники	113

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДИМИТРИЕВ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ

**МИРНОЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЧУВАШИИ
К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ**

Ответственный редактор *И.Е.Илларионов*

Редактор *Т.Д.Павлова*

Художественный, технический редактор *Т.Д.Павлова*

Оригинал-макет *Т.Д.Григорьевой*

Компьютерная верстка и ретушь *М. В. Трофимовой*

На обложке репродукция картины Н.В.Овчинникова «Навеки вместе». 1980 г.

Подписано к печати 25.05.2001. Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 6,28. Тираж 1300 экз. Заказ № К-2736.

Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики
428004, г. Чебоксары, ул.Урицкого, д.43. Тел. 62-63-38

Отпечатано с готового оригинал-макета в РГУП «ИПК «Чувашия». 1.13
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

Качество печати соответствует качеству оригинал-макета заказчика.

Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики и Министерство экономики Чувашской Республики выражают благодарность за финансовую поддержку в издании монографии В.Д.Димитриева «Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству»:

ООО «Коммерческий банк «Мегаполис»,

ОАО «Вурнарский завод сухого и обезжиренного молока»,

ОАО «Вурнарский завод смесевых препаратов»,

Акционерному коммерческому банку «Чувашкредит-промбанк»,

ОАО «Финансово-промышленная корпорация «Новотракт».